

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

ВЫПУСК № 1 (106)

Салехард
2020

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа 2020, №1 (106)

Российская Федерация
Ямало-Ненецкий автономный округ
Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»

ISSN 2587-6996 (печатное издание)

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа

Выпуск № 1 (106)
январь-март

Салехард
2020

Научный журнал
Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа
Издается с 1999 года по инициативе Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа
В год – 4 номера

Главный редактор:

Фролов Д.А., директор ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», председатель редколлегии, канд.техн.наук (Салехард, Россия)

Редакционная коллегия:

Абакумов Е.В. – профессор кафедры прикладной экологии биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д-р биол. наук (Санкт-Петербург, Россия)

Агбалин Е.В. – заведующий научно-исследовательским сектором эколого-биологических исследований ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», д-р биол. наук (Салехард, Россия)

Богданов В.Д. – директор Института экологии растений и животных УрО РАН, член-корреспондент РАН, д-р биол. наук (Екатеринбург, Россия)

Головнев А.В. – директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Григорьева Е.И. – профессор кафедры искусств и художественного творчества Российского государственного социального университета, д-р культурологии (Москва, Россия)

Егоров А.А. – заведующий кафедрой биогеографии и охраны природы Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета ботаники и дендрологии, канд. биол. наук (Санкт-Петербург, Россия)

Зырянов Б.Н. – профессор, д-р мед. наук (Омск, Россия)

Кошкарёва Н.Б. – главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, д-р филол. наук (Новосибирск, Россия)

Кириллов В.В. – заведующий Лабораторией водной экологии Института водных и экологических проблем СО РАН, канд. биол. наук (Барнаул, Россия)

Колесников Р.А. – заведующий научно-исследовательским сектором охраны окружающей среды ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», канд. геогр. наук (Салехард, Россия)

Моргун Е.Н. – ведущий научный сотрудник сектора охраны окружающей среды ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», канд. биол. наук (Салехард, Россия)

Несмелая А.С. – ученый секретарь ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», канд. пед. наук (Салехард, Россия)

Петрашова Д.А. – ученый секретарь Научно-исследовательского центра медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике Кольский научный центр РАН, канд. биол. наук (Апатиты, Россия)

Пилясов А.Н. – профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В.Ломоносова, генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга», д-р геогр. наук (Москва, Россия)

Чубаров И.М. – директор института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета, д-р филос. наук (Тюмень, Россия)

Редакция:

Пономарев В.В. – зам главного редактора, ст. научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

Сухова Е.А. – корректор, мл. научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

Серебрякова Р.В. – переводчик, ст. научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», канд. филол. наук

Адрес редакции:

629008, Россия, Ямало-Ненецкий АО, г. Салехард, ул. Республики, 20, оф. 203,
тел.: 8 (34922) 4-41-32, e-mail: vvp2014@bk.ru

Журнал ориентирован на ученых и специалистов по следующим научным направлениям: история и археология, этнография, теория и история культуры, антропология, геология, климатология, криология Земли.

Географическим приоритетом «Научного вестника ЯНАО» является публикация научных исследований об Арктике.

Журнал является рецензируемым, индексируется и реферируется в наукометрической базе данных Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ №ФС77-53518 от 04.04.2013 г.

©Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа "Научный центр изучения Арктики"

12+

ISSN 2587-6996

СОДЕРЖАНИЕ

Волдина Т.В.

О проблемах сбора полевых материалов по традиционной культуре и фольклору обских угров в Югре и на сопредельных территориях в начале XXI века.....4

Онина С.В.

Превентивные высказывания и их лексические, морфологические, синтаксические особенности в хантыйском языке.....9

Пилясов А.Н., Кибенко В.А.

Оленеводы-предприниматели: трудный путь к обретению экономической самостоятельности.....20

Кобелев В.О., Поповичева О.Б., Сеницкий А.И.

Климатический трассер - черный углерод на Полярном круге.....47

Лаптандер Р.И.

Документирование языка: Что это и как работать? (методические рекомендации).....54

Булатова Н.Я.

Роль переводов в сохранении и развитии языков коренных малочисленных народов Севера (на материале эвенкийского языка).....60

О ПРОБЛЕМАХ СБОРА ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И ФОЛЬКЛОРУ ОБСКИХ УГРОВ В ЮГРЕ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ABOUT THE PROBLEMS OF COLLECTING OF FIELD MATERIALS ON TRADITIONAL CULTURE AND FOLKLORE OF THE OB UGRIANS IN YUGRA AND IN ADJACENT TERRITORIES AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Аннотация. Ситуация по сбору полевых материалов, наблюдаемая в начале XXI века, кардинально отличается от предшествующих периодов. Развитие системы образования привело к тому, что основным источником информации для представителей коренных народов Севера, наряду с традиционными знаниями, усвоенными по линии своего рода, являются публикации в СМИ, литературные произведения, этнографические работы. Исследователю «в поле» важно понимать эти процессы и уметь вычленять «вторичную» информацию от аутентичных традиций.

Abstract. The situation in the collecting of field materials, observed at the beginning of the XXI century, is fundamentally different from previous periods. The development of the education system has led to the fact that the main source of information for representatives of the indigenous peoples of the North, along with traditional kin knowledge, are media publications, literary and ethnographic works. It is important for a researcher "in the field" to understand these processes and to be able to isolate "secondary" information from authentic traditions.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, обские угры, сбор полевых материалов, традиционная культура, источники изучения.

Keywords: indigenous peoples of the North, the Ob Ugrians, collecting of field materials, traditional culture, sources of study.

Введение

Традиционная культура коренных малочисленных народов Севера (КМНС) является одной из активно изучаемых предметных областей этнографии. Эти народы сохранили свою самобытность, много архаичных элементов, позволяющих пролить свет на истоки общечеловеческой культуры с выходом на понимание проблем генезиса многих её явлений.

Исключительную роль в этом, вплоть до первой четверти XX в., играло отсутствие письменности и письменной культуры, когда вся традиционная информация, выработанная этносом или его локальной группой, интегрировалась, закреплялась и аккумулировалась в фольклорной форме, а «передаваемое на-

следственно народное творчество было единственной формой художественного самовыражения народа». Об этой аутентичной (подлинной, достоверной) форме существования фольклора писала И. Рюйтел, что «такой фольклор существует в, так сказать, чистом, классическом виде, разграничение его несложное и не вызывает обычно никаких недоразумений» [1]. Именно в таком варианте он являлся прекрасным источником для этнографа.

Потенциал современного сибиреведения и сейчас остаётся достаточно высоким, так как в изучении культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока по-прежнему остаётся ещё много неисследованных лакунов. В то же время, в XX веке, в эпоху глобализации,

культуры коренных народов Севера претерпели существенные изменения. На протяжении всего XX века шли процессы активного приобщения этих народов к достижениям современной цивилизации. Начиная с периода ликвидации неграмотности в среде коренных народов Севера, поступательно происходило формирование новых способов коммуникации и взаимодействия с окружающим миром, ставших частью их этнической культуры, но связанных уже с письменной фиксацией и более масштабным и интенсивным обменом информацией. Этому способствовало формирование образовательной системы: создание алфавита, появление первых учебных пособий и обучение детей кочевых и полукочевых народов в школах-интернатах, получение ими в дальнейшем специального профессионального образования; а далее – зарождение национальных литератур и национальных СМИ, и уже ближе к нашему времени – появление специальных научных центров... Всё это в корне изменило ситуацию. Произошла существенная перестройка всех сфер жизни.

На этом фоне шло размывание традиций, а также формировалось новое мировоззрение, когда наряду с традиционными взглядами на мир стали сосуществовать научные представления о мире. Об этих процессах написано немало работ. Например, о том, как соотносятся традиции и инновации в постсоветский период в ненецкой культуре, писала Г.П. Харючи [2]. Изучению города как этнографического поля и поиску новых измерений в исследовании культуры обских угров посвящена работа Е.А. Пивневой [3].

Объект и методы исследования

Так в чём же я вижу проблемы сбора полевого материала по традиционной культуре коренных народов Севера в Югре и на сопредельных территориях?

Прежде всего, мне хотелось бы обратить внимание на феномен вхождения и растворения в традиционной культуре переводных и авторских произведений, которые могут восприниматься как исконно народные, и, следовательно, использоваться в качестве источника для этнографических исследований. От собирателя требуется эрудированность, знание не только своего предмета, но и исторических процессов в регионе, литературы, а также особая чуткость в исследовании стоящих перед ним вопросов и понимание изучаемых явлений.

Основой этнографических исследований является непосредственная работа «в поле» с хранителями народных традиций. Источником для данной работы послужили собственные наблюдения, а также сопоставление ранее опубликованных материалов с новыми изданиями.

Результаты

Итак, процессы, связанные с глобализацией продолжают и неизбежно приводят к кардинальным изменениям. И если в середине XX века в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре (ХМАО-Югре) аутен-

тичность народных традиций всё-таки сохранялась, то уже к концу XX века ситуация в этом плане сильно менялась, что очень важно понимать и учитывать при работе в поле.

На трансформацию представителей КМНС, их этнического сознания повлияли процессы ассимиляции. Современное поколение коренных народов Севера в Югре (среди них высок процент метисов) уже мало чем отличается от представителей других народов. Оно также активно общается с компьютерной техникой, важнейшим из предметов обихода современного человека является сотовый телефон, все преимущественно носят современную одежду и говорят исключительно на русском языке... (исключение составляют лишь небольшие «анклавы» – стойбища, но и там эти процессы неизбежно идут). Процент же говорящих на родном языке в Югре не велик (исключение составляют, пожалуй, сургутские ханты, у которых, по устному сообщению А.С. Песиковой, владеет родным языком более 90 %). Более двух третей от общей численности представителей коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (ХМАО-Югре) проживает в городах и посёлках городского типа. Главным источником информации для современных представителей коренных народов, как и для других граждан страны, является образование, СМИ, литература, и, конечно же, интернет. Доля лиц, связанных с аутентичной традицией, в настоящее время в целом будет очень и очень мала. Система знаний о своём народе и родной культуре формируется у них преимущественно через специальные образовательные и культурно-просветительские программы и в меньшей степени передаётся по роду через семью. И эта тенденция со временем усиливается.

Современные информанты нередко сами не до конца осознают происхождение своих представлений о том или ином явлении культуры, и задача учёных выявить и понять, откуда их собеседник почерпнул транслируемые ему сведения, другими словами, важно выяснить, насколько соответствующей и подлинной для раскрытия изучаемой темы является полученная в поле информация. Об этом нужно помнить исследователям народных традиций, особенно в тех случаях, когда записывают, как они считают, аутентичную информацию.

И ещё один важный момент – к середине прошлого века сформировалась национальная интеллигенция, которая стала играть исключительно важную роль в современном развитии своих этнических культур. Например, произведения, созданные авторами в 1970-1980-е гг. уже давно стали частью родной культуры, песни на стихи национальных поэтов «ушли» в народ, и не всегда исполнители знают, кто их написал.

В современных условиях размывания и оскуднения народных традиций, когда произошло исчезновение целых пластов этнической культуры, актуальным остаётся социальный заказ на представление национальных элементов титульных этносов в своём регионе. Учреждения культуры ХМАО-Югры испытывают опре-

делённый «голод» на этнические номера. Например, стоит появиться на свет записи любого произведения на родном языке, на который наложена аранжировка, то это сразу распространяется в регионе. Я неоднократно присутствовала в качестве члена жюри на многих фольклорных фестивалях, а также наблюдала выступления фольклорных коллективов в отдельных населённых пунктах ХМАО – Югры – фактически везде со сцены исполняются одни и те же танцы под одни и те же песни, разученные во время семинаров. Подобное же происходит и в детских образовательных учреждениях. И в сознании представителей коренных народов и их окружения это воспринимается как подлинная народная культура. Эти процессы, связанные с трансформацией этнических культур, конечно же, закономерны и соответственно требуют своего специального изучения. А для удовлетворения этой общественной потребности необходимо, чтобы нашлись специалисты, которые могли бы работать с аутентичными фольклорными записями, хранящимися в научных архивах, грамотно их обрабатывать, записывать и передавать в учреждения культуры и образования. Это звено в нашей жизни пока отсутствует.

Обсуждение

Приведу несколько примеров.

В 1930-е гг. при Ленинградском институте народов Севера была создана научно-исследовательская ассоциация, которая объединяла специалистов, знавших языки народов Севера и имевших опыт работы на Севере. Она занималась разработкой теоретических вопросов по языку и созданием учебников. Для этих целей, наряду со сбором и обработкой текстов детского фольклора, делались переводы подходящих известных произведений с русского языка на языки народов Севера [4].

В настоящее время у сосвинских манси бытует детская песенка «Совуркве» / «Заинька» [5]. Она была переведена для мансийских детей младшего возраста с русского языка (ещё в далёкие 1930-е гг.) для образовательных целей. Это произведение легко адаптировалось в мансийской среде, в песенке появились другие слова [6], но мелодия осталась прежней. Современные же манси уже не знают этой истории и называют её мансийской народной песенкой.

Вопрос о вхождении авторских песен в народ мне легче всего рассматривать на примере творчества своих родителей – хантыйских поэтов и журналистов, прекрасных знатоков народных традиций В.С. Волдина и М.К. Вагатовой (Волдиной).

Хантыйские литераторы нередко используют в своём творчестве жанровые формы, сложившиеся в народе, например, такие как личная песня, где нередко указывают имя конкретного человека. Как правило, эти песни были связаны с яркими, известными в народе личностями. Или нередко берётся за основу народный сюжет, но авторы переосмысливают его по-своему, творчески дорабатывают, вкладывая в него своё видение и

понимание. Именно эти произведения легко воспринимаются в народе, являются очень органичными по отношению к родной культуре.

Так, одна из сотрудниц Белоярского филиала ОУ-ИПИИР подготовила к изданию фольклорный сборник песен казымских хантов, в который вошли авторские произведения хантыйских поэтов В.С. Волдина и М.К. Вагатовой (М.К. Волдиной). К сожалению, начинающий специалист по фольклору не потрудились уточнить у исполнителей, откуда они знают эти песни. Эти песни в своё время исполнялись лично М.К. Волдиной, она же автор мелодий к ним, с конца 1960-х гг. они звучали на радио, одновременно вошли в репертуар многих самодеятельных коллективов и так «ушли в народ».

Подобное произошло со многими произведениями М.К. Волдиной, опубликованными в газете «Ленин пант хуват» / «Ханты ясаң». Когда к знатокам родного языка и культуры обращаются с вопросом о детском фольклоре, то они нередко просто пересказывают авторские произведения, опубликованные в газете. Такая судьба постигла колыбельную «Тэй-тэй, рапс-рапс». М.К. Волдина написала её на основе своих детских воспоминаний, как её дед качал своих внуков, и сложила эту песенку. Изучением хантыйского детского фольклора занималась Р.Г. Решетникова, когда ей исполнили эту песенку, она записала её как фольклорное произведение. С этого времени именно в этом качестве песенка стала кочевать по национальным детским садам. Информантом Раисы Германовны выступил А.Г. Неттин (отец этнографа М.А. Лапиной), когда же его позднее спросили, откуда он знает эту колыбельную, он ответил, что запомнил текст из хантыйской газеты.

Такая же участь постигла многие авторские сказки. Например, «Хилы и Аки Чёрное Сердце» была написана М.К. Волдиной и впервые вышла в свет в сборнике «Ханты-мансийские сказки» в 1976 г., на хантыйском языке сказка публиковалась в национальной газете и была озвучена на радио. В 2003 г. сюжет этой сказки в более кратком варианте был пересказан одним из информантов А.С. Сопочиной и опубликован в фольклорном сборнике сургутских хантов [7].

О том, как литературные произведения перекочевывают в фольклорные сборники, может быть проведено отдельное исследование. Главная же задача исследователя при паспортизации записанного материала уточнить, откуда информант усвоил то или иное произведение, кто исполнял его до него. К сожалению, многие молодые и неопытные собиратели просто не делают этого.

Трансляция информации из письменных источников нередко встречается и при фиксации этнографического материала. В 2008 г. состоялась моя поездка в п. Полноват Белоярского района по сбору материала по народной медицине казымских хантов. Одним из информантов стала женщина 1935 г.р., её отец был шаманом, лечил людей. Сведения о народных средствах лечения обычно приходится собирать по крупицам, моя же собеседница выдала мне очень много секретов

исцеления с помощью трав. Когда же я, наконец, спросила её, откуда у неё такие обширные сведения, она ответила: «Так я же регулярно читаю «ЗОЖ»!».

В эти же годы состоялась экспедиция «Славянский ход» в Томскую область к васюганским (александровским) хантам, в которой я принимала участие вместе со студентами Югорского госуниверситета. Как известно, восточно-хантыйская культура, к которой относятся традиции этой группы, очень сильно отличается от северо-хантыйской, а в настоящее время на данной территории она фактически утрачена. Очень многие представители васюганской группы испытывают ностальгию по исчезнувшим традициям, но для их возрождения, от непонимания той разницы, которая существует между восточными и северными группами, нередко используют современные издания по культуре северных хантов. Так, замечательный человек и энтузиаст Н.Б. Вялова, уже взрослым человеком, сама выучила свой родной язык, и, по началу, в своей работе с детьми и в других делах, направленных на возрождение родной культуры, опиралась на книги Тимофея и Татьяны Молдановых по традиционной культуре казымских хантов (северная группа). Мне пришлось объяснить ей, что необходимо использовать работы В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной, основанные на материале васюганско-ваховских хантов. Подобные истории известны и по кондинским манси (восточная группа), где также уже исчезли язык и традиции, а источником для трансляции мансийской культуры в Кондинском районе ХМАО-Югры стали книги по культуре сосвинских манси (северная группа).

В Томской области проживают также селькупы, которых, как и васюганских ханты, на данной территории по-прежнему до сих пор называют остяками. И у тех, и у других в паспортах, когда ещё указывалась национальность, писали одинаково: «остяк/остячка», не разделяя их на хантов и селькупов. Поэтому книги по хантыйской культуре, завезённые из ХМАО-Югры, нашли своё применение и у современных селькупов. В этой же поездке по Томской области я встретила женщину-селькупку, которая считается знатоком народных традиций и информантом для многих современных исследователей. Она представляла со сцены селькупский фольклор. Меня удивил её наряд, на подоле её национального костюма был нашит в крупном формате хантыйский орнамент с изображением медведя. Когда я спросила её об этом узоре, то выяснилось, что она взяла его из книги об орнаментах казымских хантов, потому что он ей понравился, а у селькупов нет таких орнаментов. Я же объяснила ей, что в хантыйской культуре, из которой она его заимствовала, он является священным и недопустимым для использования в женской одежде, тем более на подоле.

Занимаясь изучением проблемы реинкарнации в контексте мифоритуальных традиций обских угров, в 2017 г. я провела опрос с целью определения степени сохранности духовных традиций народов ханты и манси. В нём приняли участие 138 человек (95 – ханты, 43 – манси) от 14 до 80 лет. Опрос проходил в г. Ханты-Мансийске; в поселках Берёзово, Игрим и Ванзетур Березовского района; в г. Белоярском и п. Казым Белоярского района; в п. Угут Сургутского района. Результаты опроса показали, что подавляющее большинство респондентов знают о существовании традиций реинкарнации в культуре обских угров, но в большинстве случаев эти знания отрывочны, бессистемны, очень многие что-то слышали об этом, а для самых молодых поколений их источником являются школа и колледж.

В связи с этим актуальным для изучения остаётся вопрос о «циркуляции» этнографических знаний, опубликованных в отдельных изданиях и являющихся источником по родной культуре для современных представителей коренных малочисленных народов Севера. Интересны будут также выводы, сделанные на основе сопоставления их знаний этнофоров о родной культуре, воспринятых ими из опубликованных источников, с тем пониманием традиций, которые усвоены по линии своего рода в результате непосредственного общения со своими близкими.

Выводы

Для исследователя, занимающегося изучением фольклора и традиционной культуры коренных народов Югры в наши дни, очень остро стоит вопрос подбора информантов. Как правило, это редкие единицы, которые знают родной язык, воспитывались в традиционной среде, у кого тесная связь со своими родовыми традициями и кто сам живёт по этим традициям. Этнографу и фольклористу всегда необходимо задавать вопрос: откуда информант владеет транслируемыми им знаниями, или когда и от кого исполнитель усвоил то или иное произведение. При этом важно помнить о том, что в современном устном народном творчестве коренных народов ХМАО-Югры встречается немало явлений, вошедших в народный обиход из письменной традиции. Письменные источники в ситуации дефицита информации по народной культуре эти пробелы сегодня восполняют. Происходит также смешение традиций, а в случае полной утраты собственных традиций люди нередко могут использовать материалы по другим группам или даже заимствовать их у соседних этносов, когда элементы одной культуры северного народа легко могут переключаться в культуру другого.

Литература

1. Рюител И. Фольклор и современная культура. Йошкар-Ола, 1990. 41 с.
2. Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого народа. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 228 с.
3. Пивнева Е.А. Северный город как этнографическое поле: поиск новых измерений // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. редактор и составитель Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 225-238.
4. Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 38-39.
5. Песни маленьких зверят. URL: <http://possum.ru/?p=11286> (дата обращения: 31.10.2019).
6. Мансийские (вогульские) песни на мансийском и русском языках / Составители Е.И. Ромбандеева, Л.П. Акст. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1998. 56 с.
7. Сказки, рассказы с реки Лямы: фольклорный сборник на языке сургутских ханты / Сост. А.С. Песикова, А.Н. Волкова. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 328 с.

Сведения об авторе

Волдина Татьяна Владимировна, 1970 г.р. Окончила в 1993 г. исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького, в 2000 г. – аспирантуру Томского государственного университета. Кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, член Ассоциации медицинских антропологов, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных

исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск). Область научных интересов: традиционное мировоззрение и мифоритуальные традиции обско-угорских народов, народная медицина хантов и манси, история изучения хантыйского фольклора, история научных исследований коренных малочисленных народов Севера в ХМАО-Югре, традиционная игровая культура обских угров. E-mail: tatyanaoldina@yandex.ru

ПРЕВЕНТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ИХ ЛЕКСИЧЕСКИЕ, МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ, СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

PREVENTIVE UTTERANCES AND THEIR LEXICAL, MORPHOLOGICAL, SYNTACTIC FEATURES IN KHANTY LANGUAGE

Аннотация. При описании императива выделяется семантико-прагматический аспект превентива, его морфологические, синтаксические и лексические особенности. Иллокутивная функция превентива заключается в оказании сильного воздействия на адресата и изменении его поведения. Превентив по содержанию несопоставим как с запрещением, так и с требованием. Одной из главных характеристик хантыйского превентива является указание на невозможность контролировать действия (состояния), выраженные отрицательным императивом (обычно неподконтрольные воле исполнителя).

Abstract. In describing the imperative, the semantic-pragmatic aspect of the preventive, its morphological, syntactic and lexical features are highlighted. The illocutionary function of the preventive consists in exerting a strong influence on the addressees and changing their behavior. Preventive content is not comparable with both prohibition and demand. One of the main characteristics of the Khanty preventive is an indication of the impossibility to control actions (states) expressed by a negative imperative (usually not controlled by the will of the performer).

Ключевые слова: языкознание, хантыйский язык, превентив.

Keywords: linguistics, Khanty language, preventive.

Введение

В имеющихся описаниях по хантыйскому языку среди значений в хантыйском языке, выражаемых императивными формами, отмечаются аналитические конструкции, состоящие из отрицательной частицы и глагола в императивной форме, типа шур. *ał rǎk-na* 'не упади'. Подобные конструкции мы будем называть превентивом и считать семантической разновидностью значения побуждения, а именно, прохибитива. В хантыйском языке превентивное (предостерегательное) значение реализуется глаголом в форме повелительного наклонения с помощью «запретительной» отрицательной частицы *ał'ne*. Цель данной работы – исследование превентива как категории предостережения и описание ее функционально-семантической характеристики, реализующейся в современном хантыйском языке. В центре внимания находится высказывание, коммуникативная цель которого – убедить адресата

проявить осторожность во избежание опасности или неприятности.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования в настоящей работе являются императивные высказывания, используемые в побудительном речевом акте современного хантыйского языка. В работе применяются методы лингвистического наблюдения за функционированием императивных конструкций, компонентного анализа изучаемых конструкций, метод семантико-прагматического анализа при описании побудительных речевых актов, метод семантико-синтаксического описания используемых высказываний и метод лингвистического эксперимента, заключающегося в изменениях, синонимических заменах, расширении или сокращении исходных высказываний с целью выявления необнаруженных ранее закономерностей.

Результаты

В хантыйском языке превентивные высказывания характеризуются следующими лексическими, морфологическими и синтаксическими особенностями.

1. Лексические особенности в превентивном высказывании

Прототипическим употреблением в превентивных высказываниях является использование следующих неагентивных глаголов: шур. *jöremati/ ĩurxəpti*, каз. *juremati*, вах. *мәдзәхәлта* 'забыть', шур. *wöl'kəp-*

ti 'поскользнуться' (ср. каз. *wül'k* 'скользкий'), вах. *нәсәлжәзынта* 'соскользнуть', *нәсәлжәзынтәта* 'скользнуть, поскользнуться', шур., каз. *jiŋka pittii*, вах. *çuymälzaxälta*; 'утонуть', шур. *potältäti*, каз. *potältijl-ti*, вах. *patiläta*, 'простудиться, отморозиться', вах. *rat-ta*, сург. *potta* 'мерзнуть, замерзать, замерзнуть', шур. *ewtasti* 'порезаться' шур. *mušməti*, каз. *kašältijti*, *liäta* 'пораниться', шур. *xojtii*, каз. *šiw xojtii*, сург. *rosəqinta*, вах. *лөззынта* 'удариться', шур., каз. *räkənti*, сург. *käryta*, вах. *raqənta* (пов. *riqna*) 'упасть, провалиться' и т. п.

Например:

(1) каз.: Ал *potältijla!* [4. С. 219].

ал potält-ijl-a
Ptcl.Prev простудиться-Refl-Imp2Sg
'Не простужайся!'

Данным глаголам свойственны неконтролируемые действия (состояния), «осуществление или не осуществление которых не зависит от воли лица, вовлекаемого в эти действия (состояния)» [1. С.150-154; 2.С.102; 3. С. 518-524].

Подобные неагентивные глаголы характеризуются следующими грамматическими запретами [5. С. 68-76]:

а) невозможность сочетания с обстоятельствами цели или «субъективного» основания (типа *ради него, для нее*);

б) неупотребление этих глаголов в форме настоящего времени индикатива в смысле запланированного будущего, ср.:

(2) шур.: *Pilip iki šii kem-ən pek nõxi lewman xišəmtijl: "Äl läta täta, mujlämpa wos xü! Naŋ urŋenn jāŋ puš pōjkašman jaŋxa!"* [17. С. 71].

Pilip iki šii kem-ən pek nõxi lew-man xišəmtijl
Филипп старик тот возможность-Loc зуб мясо есть-Conv ворчать-Praes.3Sg

äl lält-a täta mujlämpa wos xü naŋ
Ptcl.Prev дышать-Imp.2Sg здесь что_какой красивый мужчина ты

urŋ-en-n jāŋ puš pōjkaš-man jaŋxa
Postp-2Sg-Loc десять раз упрашивать-Conv ходить-Imp.2Sg

'Старик Филипп в этот момент, скрипя зубами, проворчал: – Не дыши здесь, надо же какой красавец! Ради тебя десять раз умоляя ходи: (ходить приходится)!'

Несмотря на то, что рассматриваемые неагентивные глаголы способны выступать в высказываниях со значением побуждения, они в норме не употребляются в положительных императивных высказываниях, т. е.

нельзя сказать, например: *Mušməta!* 'Поранься!'. В действительности допустимы такие высказывания, в которых маркером являются обстоятельства типа *netan* 'нарочно', *išimättiki* 'специально' и т. п.:

(3) шур.: *Neman käšaŋa jüwa!* [К. В. Г.].

neman käšaŋ-a jüw-a
нарочно больной-Lat стать-Imp.2Sg
Букв. 'Нарочно заболеи!'

(4) сург.: *Nämin al kəča jəya!* [А. Н. А.].

nämin al kəč-a jəy-a
нарочно Ptcl.Prev больной-Lat стать-Imp.2Sg
Букв. 'Специально не болей стань!'

(5) шур.: *Išimätti ki xulləma!* [К. В. Г.].

išimätti ki xulləma-a
такой_что_то Ptcl кашлять-Imp.2Sg

'Специально закашляй!'; букв. 'Как будто бы закашляй!'

(6) сург.: **Nämin** ał qoləqs-a! [А. Н. А.].
 nämin ał qoləqs-a
 нарочно Ptcl.Prev кашлять-Imp.2Sg
 'Не кашляй!'; букв. 'Специально не кашляй!'

Аналогичные неагентивные глаголы, по наблюдениям Л. А. Бирюлина, могут выступать в положительных императивных высказываниях, выражающих значение имитации контролируемой ситуации, для передачи которого служат обстоятельства типа *нарочно, специально, намеренно, умышленно, иногда*, также имплицитно представленные с целью контролируемой имитации нормально неконтролируемых действий [2. С. 102-103]. Ср. рус. *Заболей! На следующее утро бабушка спросила меня: "Ты опять поедешь в город?" "Да. В гимназию".* –

(7) шур.: **Jiŋka ał pita!** [Л. А. Д.].
 jiŋk-a ał pit-a
 вода-Lat Ptcl.Prev упасть-Imp.2Sg
 'Не утони!'; букв. 'в воду не упади!'

(8) сург.: **Jəŋka ał kərya!** [А. Н. А.].
 jəŋk-a ał kəry-a
 вода-Lat Ptcl.Prev упасть-Imp.2Sg
 'В воду не упади!'

Кроме неагентивных глаголов в превентивных высказываниях употребляются и обычные агентивные глаголы: шур., каз. *mäti*, вах. *mätä* [С. В. Ю.] 'дать, отдать', шур., каз. *šykatti*, вах. *сəҗаҗтəтə* 'разбить, разбивать, ломать, сломать' [С.В.Ю.], сург. *кысəтə kišəт-a* [А. Н. А.]

(9) шур.: **Ołəpən mənem ał nösəti!** [Л. А. Д.].
 ołəp-ən mən-em ał nösəт-i
 краска-Loc я-Асс Ptcl.Prev мазать-Imp.2Sg.Obj
 'Краской меня не испачкай!'

(10) сург.: **Suytipat mant ał nire!** [А. Н. А.].
 suytip-at man-t ał nir-e
 краска-Ins я-Асс Ptcl.Prev мазать-Imp.2Sg.Obj
 'Краской меня не измажь!'

В превентивных высказываниях говорящий (адресант), предостерегая адресата от совершения нежелательного для кого-либо из них действия, считает, что *агентивное действие* возможно или ожидаемо по ошибке адресата (его невнимательности или рассеянности). По утверждению Л. А. Бирюлина, «превентивные высказывания с агентивными глаголами характеризуются большей контекстной обусловленностью по сравнению с превентивными высказываниями с неагентивными глаголами» [2. С. 104].

(11) шур.: ...*Ma šískilil dŋəm nəŋ tup əl uŋ!* [18. С. 123].
 ma šíski-lil dŋ-əm nəŋ tup əl uŋ-i
 я птица-душа начало-1Sg ты Ptcl Ptcl.Prev брать-Imp.2Sg.Obj
 '...Мою птичью душу ты только не забирай!'

"Да. В гимназию". – "Зачем?" – "Будет репетиция встречи царя". – "Заболей лучше и не ходи, – посоветовала бабушка. – Придумали глупство! Неужели у царя нет другого дела, чем красоваться перед людьми?" (К. Г. Паустовский).

В хантыйских превентивных высказываниях неагентивные глаголы, как и в стандартных императивных высказываниях, употребляются в условиях минимального контекста:

'сломать, разбить', вах. *кəньикəттə* (пов. *кəньикəтти*) порвать, изодрать [С.В.Ю.] шур. *nösətti*, каз. *nusətti*, вах. *nəsŋta* [С. В. Ю.], сург. *nirta* [А. Н. А.] 'испачкать, измазать'. Приведем примеры с некоторыми из них:

Тем не менее, при агентивных глаголах необходимо наличие соответствующего формального окружения либо местоименного подлежащего или частицы, указывающую на непреднамеренность, неконтролируемость события [2. С. 104]. Таким окружением на материале хантыйского языка является *местоименное подлежащее*, иногда в комбинации с частицей типа шур. *tup* 'только', которая предопределяет невольность и неконтролируемость в той или иной ситуации, например:

Соответственно, в связи с этим необходимо еще раз подчеркнуть, что признак *неконтролируемости* действия представляет собой наиболее существенную характеристику превентива [2. С. 104], образуемого не только

неагентивными, но и агентивными глаголами. Это можно проследить, если сравнить выражение отрицательного императива с запретительным значением и со значением предостережения в превентивном высказывании:

– *прохибитивное высказывание:*

(12) шур.: *Ulas ał šükati!* [К. В. Г.].

ułas ał šükat-i
стул Ptcl.Prev сломать-Imp.2Sg.Obj
'Не ломай стул!'

(13) сург.: *Oməstə pəsan ał kəse!* [А. Н. А.].

oməs-tə pəsan ał kəs-e
сидеть-Part.Praes стул Ptcl.Prev сломать-Imp.2Sg.Obj
'Не ломай стул!'

– *превентивное высказывание:*

(14) шур.: *Ulas ał šükati, ił räkənlən!* [К. В. Г.].

ułas ał šükat-i ił räkən-tən
стул Ptcl.Prev сломать-Imp.2Sg.Obj Prvb упасть-Praes-2Sg
'Не ломай стул, упадешь!'

(15) сург.: *Oməstə pəsan ał kəse, iłə kərəylən!* [А. Н. А.].

oməs-tə pəsan ał kəs-e iłə kərəy-lən
сидеть-Part.Praes стул Ptcl.Prev сломать-Imp.2Sg.Obj Prvb упасть-Praes-2Sg
'Не ломай стул, упадешь!'

Если в прохибитивном (запретительном) высказывании императив агентивного глагола обозначает контролируемое исполнителем действие, которое ему запрещается делать, то в *превентивном* (предостерегательном) высказывании императив того же самого глагола (т. е. глагола с тем же лексическим значением) обозначает *неконтролируемое* событие, которое представляется как вероятное последствие какого-либо другого контролируемого действия (например, исполнитель качается на стуле и т. п.).

Вышеизложенное связано с тем обстоятельством, что т. н. сверхзадачей превентива является *предупреждение прескриптором исполнителя* с целью побуждения последнего на *принятие определенных мер* для предотвращения нежелательных последствий. Превентивные высказывания, в которых содержатся некие дезидерации относительно последствий действий исполните-

ля, порождаются прескриптором не сами по себе, но в связи с определенным действием исполнителя, которое может иметь соответствующее нежелательное последствие [2. С. 117]. Кроме того, прескриптор употребляет превентивное высказывание, полагая, что *изменение* имеющегося положения дел на противоположное позволит избежать нежелательных последствий (в отличие от русского языка, направленного, не просто на изменение, например, если исполнитель говорит громко в комнате, где кто-либо спит, превентивное высказывание может означать имплицитное предписание того, чтобы он продолжал говорить, но тише) [2. С. 118].

В хантыйском языке в подобных случаях употребление прескриптора означает *прекращение* самого действия Р, способного привести к указанному последствию. Такое предписание скрыто в хантыйском превентивном высказывании, ср.:

(16) шур.: *Мушəң хойат аł кетми, ат йəша ɔлəл!* [Б. С. 4].

муш-əң хойат аł кетм-и ат йəша ɔл-əл
болезнь-Adj человек Ptcl.Prev трогать-Imp.2Sg.Obj Ptcl немного спать-Praes.3Sg
'Не тревожь больного, пусть поспит!'

(17) каз.: *Ал ketme моšəң хйјат, ат ул!* [Т. Я. Н.].

аł ketm-e моš-əң хйјат ат u-л
Ptcl.Prev трогать-Imp.2Sg.Obj болезнь-Adj человек Ptcl спать-Praes.3Sg
'Не тревожь больного, пусть поспит!'

(18) сург.: *Кəšəң qо аł ote, lüwə алəл* [А. Н. А.].

кəš-əң qо аł ot-e lüwə алə-л
болезнь-Adj человек Ptcl.Prev трогать-Imp.2Sg.Obj Ptcl спать-Praes.3Sg
'Не тревожь больного, пусть поспит!'

В приведенных высказываниях наблюдается *стратегия усиления директивной интенции* [7. С. 158], т. е. предполагается использование категоричной формы выражения побуждения путем употребления глагола в повелительном наклонении (как однозначно воспринимаемому средству выражения побуждения). Кроме того, наблюдается преимущество говорящего перед адресатом, что дает ему право выражать побуждение более категорично.

По мнению О. В. Богемовой, различные коммуникативные стратегии (смягчение / постепенное усиление или локуции высказывания) применяются ввиду необходимости достижения перлокутивного эффекта, если участники речевой ситуации относительно равноправны. Прагматическим фактором, формирующим речевое поведение прескриптора выступает фактор пользы предсказуемого действия, следовательно, выражая побуждение, говорящий прогнозирует направленность пользы, а также принадлежность роли бенефицианта [7. С. 118-120, 145-147]. Планируемое в директивном высказывании преобразование ирреального в реальное предполагает появление

(19) шур.: *Termatija!* [К. А. В].
 termatij-a
 торопиться-Imp.2Sg
 'Торопись!'

(20) сург.: *Pətkayla!* [А. А. Н.].
 pətkayl-a
 торопиться-Imp.2Sg
 'Торопись!'

При отрицательном императиве складывается несколько иная картина, так, немаловажное значение имеет сама возможность предостеречь слушающего от тех или иных последствий, которые возможны:

(21) шур.: *Умпи элты ал йиһьца, куршка элты йиһьца* [б. С. 4].
 umpi элты ал йиһьца-а куршка элты йиһьца-а
 ковш Postp Ptcl.Proh пить-Imp.2Sg крушка Postp пить-Imp.2Sg

'Не пей из ковша, возьми кружку!'; букв. 'Из ковша не пей, из кружки пей!'

(22) сург.: *Koŋqiji al jiiŋ'a, kurška wəja!* [А. М. Д.].
 koŋqij-i ал jiiŋ'-a kurška wəj-a
 ковш-Abl Ptcl.Proh пить-Imp.2Sg крушка взять-Imp.2Sg
 'Не пей из ковша, возьми кружку!'

В этих конструкциях, кроме выражения запрета (прохибитивного значения), выражается значение предостережения о вероятности, например, подхватить какую-нибудь заразную болезнь. Данные императивные высказывания имеют предписания делать / не делать то или иное действие, причем в определенных ситуациях они выполняют перлокутивную задачу, предостерегая исполнителя от нежелательного последствия того или иного действия [2. С. 120-121; 10. С. 197].

1. Морфологические особенности

Основное место в превентивной семантике хантыйского языка, как мы уже отмечали, занимает

новой ситуации в пользу: а) говорящего, б) адресата речи, в) говорящего и слушающего, г) всех участников и свидетелей императивного акта [8. С. 82; 9. С. 180-190].

В таком случае возникает вполне достаточное основание для того, чтобы предположить, что речевой акт предостережения включает, наряду с прочими компонентами, «конъюнкцию, состоящую из прескрипции, направленной на действие, и дезидерации, направленной на последствие этого действия» [2. С. 119]. Ввиду наличия прескриптивного компонента в семантико-прагматической составляющей превентива, его можно отнести к директивным речевым актам, имеющие назначение в попытке сделать так, чтобы некое положение дел имело место в будущем / в возможном мире.

Кроме непосредственного выражения предостережения с помощью конструкции с императивом т. н. запретительного глагола, в хантыйском языке существуют и косвенные опосредованные способы выражения этого значения. При этом важно использование только формы положительного императива:

отрицательная форма императива, которая, аналогично прохибитиву, образуется сочетанием положительной формы императива в субъектном и объектном спряжении с постпозитивной запретительной частицей *al* 'не' (*al räknä* 'не упади', *al ewtisija* 'не порежься'). К превентивным высказываниям относятся как положительные, так и отрицательные конструкции. Весьма употребительными в хантыйском языке являются:

– положительные конструкции с *индикативом настоящего времени объектного спряжения* типа:

(23) шур.: *šöppi morätten!* [К.А.Г.]

šöppi morät-ten

Prvb разломать-Praes-2Sg

'Переломишь!'

В данной конструкции выражается значение вероятности события.

– отрицательные конструкции с формами *сослагательного наклонения* типа:

(24) шур.: *ńawremen χýwa łulən ał uś-əł!* [Л. А. Д.].

ńawrem-en χýwa łulən ał uś-əł

ребенок-2Sg далеко Ptcl Ptcl.Neg плыть-Praes.3Sg

Ребенок (твой) бы далеко не заплыл!'

Сильное и интенсивное иллюкутивное воздействие на адресата обычно акцентируется призывными фразами типа:

(25) шур.: *Ajəłta!* [Л. А. Г.].

ajəłta

медленно/осторожно/тихо

'Осторожно!'

Подобные фразы активно употребляются для того, чтобы предупредить об опасности и принять соответствующие меры. Зачастую для усиления влияния в ходе принятия соответствующих мер предосторожности используются частицы типа *tup* 'только', *sa* 'же' и лексикализованный элемент *wanta* / *wanti* 'смотри', выражающий усиленное предостережение:

(26) шур.: *Wantasa, tup jik lota ał räkn-a!* [Л. А. Г.].

want-a-sa tup jik lot-a ał räkn-a

смотри-Imp.2Sg-Ptcl Ptcl вода место-Lat Ptcl.Prev падать-Imp.2Sg

'Смотри-же, только в лужу не упади!'

(27) сург.: *Jəŋki lota ał kəγ-a!* [А. Н. А.].

jəŋki lot-a ał kəγ-a

мокрый место-Lat Ptcl.Prev падать-Imp.2Sg

'В лужу не упади!'; букв. 'На мокрое место не упади!'

2. Синтаксические особенности

На роль *формального маркера превентива* [2. С. 101] претендует лексикализованный элемент *wanta* /

wanti 'смотри', имеющийся в хантыйских диалектах.

Представленный элемент сопровождает императивы не только отрицательные, но и положительные:

(28) шур.: *Wanta, müŋew ał jörem-i!* [Л. А. Д.].

want-a müŋew ał jörem-i

Ptcl(=смотри-Imp.2Sg) мы-Асс Ptcl.Prev забыть-Imp.2Sg.Obj

'Смотри нас не забудь!'

(29) сург.: *lejla məŋat tögə ał jögəγ-a!* [А. Н. А.].

lejla-a məŋ-at tögə ał jögəγ-a

смотри-Imp.2Sg мы-Асс туда Ptcl.Prev забыть-Imp.2Sg

'Смотри, нас не забудь!'

(30) вах.: *Лəүтəју, əŋкин ɟat пəлəнə əлава.* [С.В.Ю.].

лəүтəј-и əŋки-н ɟат пəлəнə əлав-эл

Ptcl(=смотри-Imp.2Sg) мама-2Sg дом пол-Loc лежать-Praes.3Sg

'Смотри, твоя мать на полу лежит!'

(31) шур.: *Wanta räkanlən!* [К. В. Г.].

want-a räkan-lən

Ptcl(=смотри-Imp.2Sg) упасть-Praes-2Sg

'Смотри упадешь!'

Одной из главных характеристик хантыйского пре-
вентива является указание на невозможность контро-
лировать действия (состояния), выраженные, прежде

всего, отрицательным императивом. Это касается тех
действий, которые обычно неподконтрольны воле ис-
полнителя, ср.:

(32) каз.: *Jošen ał śeŋxite!* [Т. Я. Н.].
još-en ał śeŋxit-e
рука-2Sg Ptcl.Prev коптить-Imp.2Sg.Obj
'Руку не обожги!'

(33) сург.: *Käta ał qutəṛəkinte!* [А. Н. А.].
kät-a ał qutəṛəkint-e
рука-Lat Ptcl.Prev обдать_жаром-Imp.2Sg.Obj
'Руку не обожги!'

Существенное значение имеет и семантический
тип предикатов, которые выступают в превентивных
высказываниях, прежде всего, в императивной форме.

В формировании превентивных конструкций
современного хантыйского языка участвуют особые
синтаксические модели. С учетом структурно-
семантического принципа общепринятой классификации
предложений выделяются следующие типы:

1) превентивные конструкции, построенные по

модели простого предложения;

2) превентивные конструкции, осложненные
причастными оборотами;

3) превентивные конструкции, построенные по
модели сложносочиненного предложения;

4) превентивные конструкции, построенные по
модели сложноподчиненного предложения.

1. Превентивные конструкции, построенные по
модели простого предложения:

Синтаксическая модель «шур. / каз. *wanta*, сург. *lejł-a* 'смотри' + *ał* / *ał* / *äl* 'не' + императив в субъектном / объектном спряжении»:

(34) сург.: *lejł-a kəṛ oytija ał kəṛya!* [А. Н. А.].
lejł-a kəṛ oytij-a ał kəṛya-a
смотри-Imp.2Sg печка Postp-Lat Ptcl.Proh упасть-Imp.2Sg
'Смотри, на печку не упади!'

(36) каз.: *Öxlen, wante, ał šükate!* [Т. Я. Н.].
öxł-en want-e ał šukat-e
нарта-2Sg смотреть-Imp.2Sg.Obj Ptcl.Prev сломать-Imp.2Sg.Obj
'Нарту (свою), смотри, не сломай!'

(37) сург.: *lejle, rite ilə ał käse!* [А. Н. А.].
lejł-e rit-e ilə ał käs-e
смотреть-Imp.2Sg.Obj лодка-2Sg Ptcl.Prev Ptcl.Prev сломать-Imp.2Sg.Obj
'Смотри, лодку (свою) не сломай!'

2. Превентивные конструкции, являющиеся фразе-
ологическим выражением, осложненные причастием

Данные фразеологические выражения осложнены
причастным оборотом. Прежде чем рассмотреть пред-
ставленные ниже превентивные конструкции, в кото-
рых в хантыйском языке типичный способ передачи
определяющих отношений отражают конструкции
с причастием в функции определения, являющиеся
фразеологическими выражениями, внесем некоторую
ясность относительно определяющего компонента,
выраженного причастиями.

Инфинитные формы глагола в хантыйском языке
были исследованы на материале северных [12,13,14] и
восточных [15] диалектов. Н. Б. Кошкарева посвятила
отдельную работу причастным формам глагола в се-
верных хантыйских диалектах, в которой отмечается,
что в хантыйском языке под термином *причастие* (од-

ним из наиболее сложных и многозначных в синтакси-
ческой науке) подразумевается такая «отглагольная
форма, центральной и строго обязательной функци-
ей которой является функция определения» при том,
что «эта форма может оказаться способной выполнять
и другие синтаксические роли» [14. С. 21]. В работе
Е. В. Ковган также утверждается, что причастие явля-
ется глагольной формой, характеризующей фрагмент
действительности (лицо, предмет и т. д.), который на-
зван определяемым именем через его отношение к
действию, процессу; причем основным назначением
причастия считается выполнение функции определе-
ния, а сама глагольная форма опознается как прича-
стие согласно своей способности служить определе-
нием [113. С. 4, 31].

В рамках исследуемого материала, в настоящей ра-
боте впервые выявлены конструкции, которые ранее

не упоминались в работах, посвященных определительным конструкциям в хантыйском языке. Во фразеологических или образных выражениях превентивное

значение уточняется определительными конструкциями, где функция определения является для причастия основной.

Синтаксическая модель «*ał/ał/äl* 'не' + императив в объектном спряжении»:

(38) каз.: *Wəłti mŭwen ɔxtijn ał ŭksŭmti!* [Т. Я. Н.].

wəł-ti mŭw-en ɔxtij-n ał ŭksŭmt-i
жить-Part.Praes земля-2Sg Postp-Loc Ptcl.Prev поганить-Imp.2Sg.Obj

'Землю, на которой живешь не погань!'

3. Превентивные конструкции, построенные по модели сложносочиненного предложения

Предикативные части сложносочиненных предложений состоят преимущественно из двух простых предложений, при соединении которых структура каждого простого предложения сохраняется. Главным об-

разом преобладает бессоюзная связь, при этом иногда наличествуют и союзные элементы, которые определяют характер синтаксических отношений между частями сложносочиненного предложения, т. е. его грамматическое значение.

Синтаксическая модель «*ał / ał / äł* 'не' + императив субъектного спряжения + сочетание шур. *śi musən / каз. *śi mōs-n*, сург. *t'i maɣəl* 'вместо этого (в таком случае)' + императив субъектного спряжения»:*

(39) шур.: *Ał nawra, śi musən jijnka jāŋχa!* [Л. А. Г.].

ał nawr-a śi mus-ən jijnk-a jāŋχ-a
Ptcl.Prev прыгать-Imp.2Sg это боль-Loc вода-Lat ходить-Imp.2Sg

'Не прыгай, вместо этого сходи за водой!'

(40) сург.: *Ał niyra, t'i maɣəl jāŋkat jāŋqa!* [А. Н. А.].

ał niyr-a t'i maɣəl jāŋk-at jāŋq-a
Ptcl.Prev прыгать-Imp.2Sg это вместо вода-Ins ходить-Imp.2Sg

'Не прыгай, вместо этого сходи за водой!'

4. Превентивные конструкции, построенные по модели сложноподчиненного предложения

В большинстве своем превентивные сложноподчиненные предложения хантыйского языка по типу

являются бессоюзными. В высказываниях обычно придаточное уточняет предостерегательное значение, детальнее объясняет, совершения каких действий нужно остерегаться, чего и почему необходимо опасаться.

(41) шур.: *Щаха мантэнна вай ювалдан ил энхащлат, нох ал яралан!* [16. С: 4]

щаха ман-т-эн-на вай ювал-л-ан ил
потом идти-Part.Praes-2Sg-Loc кисы завязки-Pl-2Sg Prvb

энхащ-л-ат нох ал яр-алдан
развязаться-Praes-3Pl Prvb Ptcl.Prev завязать-Imp.2Pl.Obj

'Когда по пути кисы развяжутся, не подвязывай (их)!'

В превентивных конструкциях придаточное предложение, преимущественно помещается перед главным, в котором располагается превентив. В главной превентивной предикации часто содержатся частицы,

например, *tup* 'только' и пр., имеющие выделительно ограничительное значение предостережения с дополнительным оттенком требования:

(42) шур.: *Щи, Сэмлы, ехатсан куртэна, ин туп апцен хоща ал мана* [16. С.4].

щи Сэм-лы ехат-с-ан курт-эн-а
все глаз-Carit приехать-Praet-2Sg деревня-2Sg-Lat

ин туп апщ-ен хоща ал ман-а
сейчас Ptcl братишка-2Sg Postp Ptcl.Prev завязать-Imp.2Sg

'Все, Слепой, приехал (ты) в деревню (свою), сейчас только к братишке (своему) не ходи!'

(43) сург.: *Quntə ńol äsəłta pitləŋ, wäli ał jäwte!* [А. А. Н.].

quntə ńol äsəł-ta pit-ł-əŋ wäli ał jäwt-e
 когда стрела пускать-Inf начинать-Praes-2Sg мимо Ptcl.Prev стрелять-Imp.2Sg.Obj
 'Когда будешь стрелять, не промахнись!'; букв. 'Когда стрелу пускать будешь, мимо не стреляй.'

Обсуждение

В рамках настоящей работы используются термины *превентив*, *превентивные высказывания*, *превентивные конструкции*. *Превентив* – это форма, предназначенная для того, чтобы предупредить слушающего о возможности происшествия некоторого нежелательного события и тем самым каузировать его этого события избежать. Иллокутивная сила превентива как речевого акта нацелена на предотвращение возникновения неприятной ситуации ввиду действия /бездействия адресата. Превентивные конструкции вне контекста имеют определенный *иллокутивный потенциал*, *превентивное иллокутивное предназначение*, а в соответствующем контексте выполняют иллокутивную функцию предостережения. Через превентивный речевой акт говорящим на собеседника оказывается определенное *иллокутивное воздействие*, что приводит к изменениям в поведении адресата (*перлокутивный эффект*).

Материал хантыйского языка свидетельствует о наличии превентива в языке. Имеются основания полагать, что превентив и прохибитив в хантыйском языке имеют как сходства, так и различия. Прохибитив и превентив противопоставляются по свойствам *контролируемости/неконтролируемости* действия, для несовершения которого говорящим предпринимается попытка каузации: (при контролируемом действии это *прохибитив*, при неконтролируемом – *превентив* [11. С.57]. Использование *превентивных* конструкций со свойством *неконтролируемости действий* указывает на *непреднамеренность*, *случайность* называемого *возможного действия адресата*.

При описании императива выделяется семантико-прагматический аспект превентива, его морфологические, синтаксические и лексические особенности. При этом иллокутивная функция превентива заключается в оказании сильного воздействия на адресата и изменении его поведения. Кроме того, превентив по содержанию несопоставим как с запрещением, так и с требованием.

Одной из главных характеристик хантыйского превентива является указание на невозможность контролировать действия (состояния), выраженные

отрицательным императивом (обычно неподконтрольные воле исполнителя).

Выводы

Таким образом, материал хантыйского языка свидетельствует о наличии превентива в языке. В превентивных конструкциях хантыйского языка предостерегательное значение представлено посредством единиц лексического, морфологического и синтаксического уровней языковой системы хантыйского языка. Важное значение имеет лексическое значение превентивного глагола. Средствами, выражающими морфологическую (грамматическую) форму, эксплицируется прямое предостережение. В частности, в северных диалектах преимущественно средствами выражения грамматических значений являются ненулевые аффиксы, служебные слова. В восточных диалектах грамматические значения менее выражены аналогичным образом: более предпочтительными оказываются нулевые аффиксы и менее активно употребляются различные служебные слова, в частности, частицы типа: шур. / каз. -*sa* в значении '-же'. Однако во всех представленных диалектах для выражения предостережения активно употребляется особая отрицательная частица *ał/ał/äł'ne'*, располагающаяся непосредственно при превентивном глаголе.

Иллокутивная сила превентива как речевого акта нацелена на предотвращение возникновения неприятной ситуации ввиду действия /бездействия адресата. Превентивные конструкции вне контекста имеют определенный *иллокутивный потенциал*, *превентивное иллокутивное предназначение*, а в соответствующем контексте выполняют иллокутивную функцию предостережения. Через превентивный речевой акт говорящим на собеседника оказывается определенное *иллокутивное воздействие*, что приводит к изменениям в поведении адресата (*перлокутивный эффект*). Использование *превентивных* конструкций со свойством *неконтролируемости действий* указывает на *непреднамеренность*, *случайность* называемого *возможного действия адресата*.

Литература

1. Храковский, В. С. Семантика и типология императива: русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.
2. Бирюлин, Л. А. Семантика и прагматика русского императива / Л. А. Бирюлин. – Helsinki : Slavica Helsingiensia, 1994. – 229 с. Бирюлин 1994; 102;
3. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Яз. славян. культур, 2006. – 672 с.
4. Соловар 2006: Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь. СПб.: ООО «Мирал», 2006. 336 с.
5. Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 7–85.
6. Steinitz 1975: Steinitz, W. Ostjakologische Arbeiten. In 4 Bd. Bd. 1. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten texte / W. Steinitz. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1975. – 468 s.
7. Reguly 1944: Reguly, A. Ostjak hösénékek : in 3 vol. / A. Reguly, J. Papay. – Budapest : Magyar Tudományos Akadémia, 1944–1965. – Vol. 1-3. – 488 s.
8. ДСХЯШП 2011: Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2011. 208 с.
9. Богемова, О. В. Структура речевой ситуации и выбор директивного высказывания (на материале французского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Оксана Владимировна Богемова. – СПб., 2002. – 192 с.
10. Бондарко, А. В. Структура императивной ситуации (на материале русского языка) / А. В. Бондарко // Функционально-типологические аспекты анализа императива. – М., 1990б. – С. 80–90.
11. Храковский, В. С. Повелительность / В. С. Храковский // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – С. 185–231.
12. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 22–129.
13. Гусев, В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Валентин Юрьевич Гусев. – М., 2005. – 297 с.
14. Ковган, Е. В. Причастные определительные конструкции в западных диалектах хантыйского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Е. В. Ковган. – Новосибирск, 1991. – 211 с.
15. Ковган, Е. В. Хантыйские определительные конструкции аналитического типа // Языки коренных народов Сибири / Е. В. Ковган. – 1999. – Вып. 5. – С. 84–92.
16. Кошкарева, Н. Б. Конструкции с инфинитивными формами глагола в хантыйском языке (на материале западных диалектов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Наталья Борисовна Кошкарева. – Новосибирск, 1991. – 161 с.
17. Фильченко, А. Ю. Инфинитные глагольные формы в системе васюганского диалекта хантыйского языка: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Фильченко Андрей Юрьевич. – Йошкар-Ола, 2002. – 177 с.
18. Лух Авт: Лух Авт (Ангальский мыс) : [газ. окр. центра на хант. яз.] / учредитель Департамент внутр. политики Ямало-Ненец. авт. окр. – 2001-2014. гг. – Салехард. – 4 полосы. – Еженед. -2013: №52/678. – С. 4.

Приложения

Приложение 1. Список сокращений

1 - 1-е лицо; 2 - 2-е лицо; 3 - 3-е лицо; Abl - аблатив (исходный падеж); Acc - аккузатив (винительный падеж); Adj - прилагательное; Appr - аппроксиматив (общенаправительный падеж); Carit - каритив (лишительный аффикс); Com - комитатив (совместный падеж); Comp - компаратив (аффикс сравнительной степени); Conj - конъюнктив; Conv - деепричастие; Dat - дательный падеж; Dim - диминутив (уменьшительный аффикс); Du - двойственное число; Fut - будущее время; Imp - императив; повелительное наклонение; Inf - инфинитив; Ins - инструменталис (творительный падеж); Loc - локатив (местно-творительный падеж); Neg - отрицание; Obj - объектное спряжение; Part - причастие; Pl - множественное число; Postp - послелог; Praes - настоящее время; Praet - прошедшее время; Prev - превентив; Proh - прохибитив; Prvb - проверб; Ptcl - частица; Sg - единственное число; Subj - субъектное спряжение; Transl - транслатив (превратительный падеж); вах. - ваховский диалект хантыйского языка; дв. - двойственный

(о числе); ед. - единственный (о числе); каз. - казымский диалект хантыйского языка; л. - лицо; мн. - множественный (о числе); сург. - сургутский диалект хантыйского языка; ч. - число; шур. - шурышкарский диалект хантыйского языка.

Приложение 2. Список информантов и экспертов

А.А.Н. - Ачимов Андрей Николаевич (сургутский диалект); А.М.Д. - Ачимова Маргарита Дмитриевна (сургутский диалект); А.Н.А. - Ачимова Наталья Андреевна (сургутский диалект); К.А.В. - Куртямов Артем Валерьевич (шурышкарский диалект); К.А.Г. - Куртямова Анна Гавриловна (шурышкарский диалект); К.В.Г. - Куртямов Валерий Гаврилович (шурышкарский диалект); Л.А.Г. - Лонгортова Анна Гавриловна (шурышкарский диалект); Л.А.Д. - Лонгортова Анастасия Даниловна (шурышкарский диалект); С.В.Ю. - Сигильетов Виталий Юрьевич (ваховский диалект); Т.Я.Н. - Тарлин Яков Никифорович (казымский диалект).

Сведения об авторе

Онина Софья Владимировна, 1969 г.р., 1987-1993 гг., РГПУ им А.И. Герцена, кандидат филологических наук, доцент, Югорский государственный университет (6280012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский

автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16), ведущий научный сотрудник; языкознание, лингвистика, функциональная грамматика, семантика, лексикология; opinas@yandex.ru.

УДК 332.14:636.294

DOI 10.26110/ARCTIC.2020.106.1.003

Пелясов Александр Николаевич
доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В.Ломоносова, генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга», Москва, 117218, Нахимовский проспект, 32, офис 903, e-mail: pelyasov@mail.ru

Кибенко Валерий Александрович
научный сотрудник сектора культурной антропологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», младший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала ФНИСЦ РАН, Ямало-Ненецкий автономный округ, Салехард, 629007, ул. Республики, 20, каб. 102 e-mail: v.a.kibenko@ya.ru

A.N. Pilyasov, V.A. Kibenko

ОЛЕНЕВОДЫ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ОБРЕТЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

REINDEER HERDERS-ENTREPRENEURS: A DIFFICULT PATH TO ECONOMIC INDEPENDENCE

Аннотация. В статье развитие домашнего оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) в последние 30 лет рассматривается в предпринимательской парадигме. Внутри «континуума» кочевых предпринимателей обозначается полюс абсолютно экономически независимых и полюс целиком полагающихся на государственную поддержку. Среди трех основных районов предпринимательского оленеводства Ямало-Ненецкого автономного округа Ямальский район характеризуется «мясной моделью», а Тазовский и Приуральский – «пантовой моделью» ведения малого бизнеса. Авторы статьи видят проблему истощения пастбищ как прежде всего институциональную – результат институтов государственной поддержки, которые сформировали в последние десятилетия неверные стимулы для оленеводов-предпринимателей. Предлагается конкретный путь реформ в ямальском оленеводстве, который обеспечит не половинчатый, а решительный переход к предпринимательской модели в отрасли.

Abstract. The article discusses the development of domestic reindeer husbandry in the Yamal-Nenets Autonomous District over the past 30 years in an entrepreneurial paradigm. Inside the “continuum” of nomadic entrepreneurs, a pole of completely economically independent reindeer herders and a pole of entrepreneurs relying entirely on state support are designated. Among the three main regions of reindeer herding in the Yamal-Nenets Autonomous District, Yamalsky region is characterized by the “meat model”, and Tazovsky and Priuralsky regions are characterized by the “antler model” of small business. The authors see the problem of pasture depletion as primarily institutional – the result of state support institutions that have created the wrong incentives for reindeer herders-entrepreneurs in recent decades. A concrete way of reforms in the Yamal reindeer husbandry is proposed. It will ensure not a half, but a decisive transition to an entrepreneurial model in the industry.

Ключевые слова: арктическое предпринимательство, кочевники-предприниматели, трагедия общин, господдержка оленеводства, новая модель развития оленеводства Ямала.

Keywords: arctic entrepreneurship, nomadic entrepreneurs, tragedy of the commons, state support for reindeer husbandry, a new model for the development of reindeer husbandry in Yamal.

Введение

Тема арктического предпринимательства «собирается» из нескольких сюжетных блоков, обозначившихся в последние десятилетия в мировой общественной науке. Во-первых, это поток литературы по новой предпринимательской экономике, которая приходит на смену экономике менеджеров прежней конвейерной эпохи [1]. Во-вторых, это отдельный кластер литерату-

ры по этническому предпринимательству – здесь авторы диагностируют существенные различия в культурных ценностях, формах ведения бизнеса (образ жизни, а не просто способ получения прибыли) у аборигенов-первопоселенцев (коренных жителей) и пришлых «европейцев» [2-4]. Иногда этническое предпринимательство понимается как бизнес мигрантов, например, турок в крупных городах Европы, но мы здесь на этой

сюжетной линии останавливаться не будем. В-третьих, это поток литературы по арктической специфичности, фундаментальным особенностям и отличиям арктических социально-экономических систем от других. Литература по этому направлению представлена работами культурологов, экономистов, географов, антропологов и др. [5].

Вооруженные наработками и подходами наших предшественников в обозначенных трех тематических линиях, мы можем торить собственный исследовательский путь на материалах ямальского кочевого предпринимательства. Принципиальная новизна и особенность нашего подхода состоит в том, что мы не педалируем отличия аборигенного предпринимательства от малого бизнеса других жителей Арктики, но, наоборот, всемерно подчеркиваем то общее, что их всех объединяет на платформе арктической специфичности, арктической исключительности.

Мы считаем, что в чертах кочевого аборигенного предпринимательства содержатся общие особенности всего арктического малого бизнеса, плотью от плоти которого оно является. Предпринимательство оленеводов, с одной стороны, вбирает в себя черты вековых культурных традиций и память предков, но с другой стороны, в предельно рельефном виде воплощает черты специфического арктического предпринимательства в целом.

Выбор данной темы представляется исключительно актуальным по многим причинам. В последние 30 лет ввиду процессов разгосударствления и приватизации в российской экономике в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) уже состоялся переход к предпринимательской модели в оленеводстве: автономный округ является лидером не только в России, но и в мире по количеству частных оленей, принадлежащих семьям кочевников. Между тем, работ по ямальскому кочевому предпринимательству практически нет (хотя есть работы по частному оленеводству, например, саамов [6]).

Работы по ямальскому оленеводству наших многочисленных коллег – А.В. Головнева, Г.Ф. Деттера [7], К.Б. Клокова, А.А. Лобанова и др. концентрируются на темах столкновения укладов – традиционного уклада оленеводов и нефтегазопромышленного, экономике оленеводческого хозяйства, проблемах перевыпаса, динамике ямальского оленеводства в кругу российского и др. При этом тема кочевого предпринимательства и самих предпринимателей-оленеводов (например, мотивов их поведения), особенно в свете государственного управления отраслью и господдержки малого семейного бизнеса, оказывается абсолютно непроясненной и недоизученной¹ – видимо, ввиду ее политической и социально-экономической (вопросы сохранения льгот, необходимость уплаты налогов и др.) чувствительности. А ведь это именно та сфера, которую сами оленеводы считают исключительно важной для себя.²

¹ Редкое исключение – работа А.А. Южакова [8].

² Но эта беда характерна не только для России. И в богатой Норвегии, как пишет Э. Райнерт, существуют те же проблемы в структуре научных исследований оленеводства: доминируют безобидные темы по влиянию изменений климата на продуктивность пастбищ, по антропологии оленеводства, по «трагедии общественной собственности» (истощение пастбищ в результате перевыпаса), а вот темы эффективности господдержки частных оленеводческих хозяйств, государственно-частного соуправления в оленеводстве оказываются обойденными вниманием исследователей [9].

Парадоксально, но оленеводов Ямала чаще изучают как этносы, как кочевников, но не как предпринимателей! То есть по умолчанию предпринимательство кочевых хозяйств автономного округа считается чем-то не очень серьезным, недостойным отдельного исследовательского внимания и изучения.

Наша работа как раз и призвана преодолеть этот пробел: нас-то как раз в первую очередь интересует именно малый бизнес, семейное предпринимательство кочевников. И это особенно интересно и поучительно именно на Ямале, где бок о бок (как более нигде в мире) сосуществуют две модели развития – частная и государственная.

Объектом нашего исследования стало частное оленеводство в виде семейных хозяйств кочевников Ямальского, Тазовского, Приуральского районов ЯНАО, в которых сконцентрирована основная доля личного поголовья оленей автономного округа и России. Это около трех тысяч аборигенных оленеводческих хозяйств.

Для нас это исследование – составная часть утверждения арктической специфичности социально-экономических систем (ранее выполнены работы по арктической экономике, арктической индустриализации, арктическим научным школам, арктическому управлению, арктической урбанизации), продолженная в теме малого бизнеса.

Три задачи мы поставили для себя в этой работе. Во-первых, выявление тех черт частного оленеводства Ямала, которые подтверждают арктическую специфику предпринимательства и его отличия от материковой версии. Во-вторых, оценка развития ямальского оленеводства в последние десятилетия именно как предпринимательского феномена; основные парадоксы, проблемы и «трагедии», которые были для него характерны; характеристика сложившейся системы государственной поддержки оленеводства. В-третьих, определение контуров новой, долгосрочно более устойчивой модели организации оленеводства ЯНАО в русле предпринимательской парадигмы.

Информационной основой работы послужили материалы экспедиционных обследований ямальских оленеводов 2016-2019 годов в Научном центре изучения Арктики, материалы социологического исследования коренных малочисленных народов Севера, проводимых органами власти ЯНАО в 2005 году, материалы наших собственных опросов 2017 года, данные федеральной и окружной статистики, в том числе Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, законы об оленеводстве десяти «оленеводческих» регионов России (в которых концентрируется основное поголовье домашних оленей), материалы из базы данных региональной прессы «Интегрум».

1. Частное оленеводство как особый вид этнического предпринимательства Арктики

Частное оленеводство широко распространено на Севере и в Российской Арктике, присутствует во всех десяти «олeneводческих» регионах (табл. 1, последние два столбца). Специфическим пограничным случаем являются малые предприятия в общественной собственности (четвертый столбец табл. 1), которые, с

одной стороны, объединяет с частными хозяйствами малый размер, с другой стороны, объединяет с крупными сельскохозяйственными организациями общественная собственность на оленей (здесь бригады, а не семейные хозяйства). Такие переходные формы распространены в Ненецком автономном округе (НАО), Республике Саха-Якутия, Камчатском крае и Мурманской области.

Таблица 1. Поголовье оленей в хозяйствах разных категорий на 1.01.2016, тыс. гол.

	В хозяйствах всех категорий	Сельскохозяйственные организации	в т.ч. малые предприятия	Крестьянско-фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели	Хозяйства населения
Россия	1906	11331,1	239,4	68,5	704,4
ЯНАО	886,8	274,0	54,6	7	605,8
НАО	207,6	174	77,4	14,6	18,9
ЧАО	182,1	177	0	0	5,1
Республика Саха (Якутия)	172,8	162,3	43,1	0,5	10,0
Красноярский край	146,7	110,4	6,8	35,4	0,9
Республика Коми	105,3	71,3	0	3,4	30,6
Мурманская область	61,1	57,5	25,3	0	3,6
ХМАО-Югра	53,7	26,3	0	4	23,4
Камчатский край	52,3	51,6	31,1	0	0,7
Магаданская область	17	14	0	2,7	0,3

Источник: [10].

Внутри единого предпринимательского «континуума» можно выделить регионы, в которых в частном поголовье доминируют семейные хозяйства населения (и здесь концентрируется более 90% всего частного поголовья) – ЯНАО, Республика Коми, ХМАО-Югра; регионы, в которых в частном поголовье доминируют фермерские хозяйства и индивидуальные предприятия – это Красноярский край (Таймыр и Эвенкия) и Магаданская область.

Совмещенный сравнительный анализ местарегиона по общему поголовью оленей и дружелюбности регионального закона об оленеводстве по отношению к кочевому предпринимателю³ (табл. 2) не выявил

прямого соответствия: самыми дружелюбными можно считать законы НАО, Красноярского края, Республики Коми, в которых предприниматели в явном виде присутствуют в законе, и предусмотрены возможности выделения земельных участков новым частным хозяйствам. Из них только Ненецкий автономный округ входит в четверку лидеров по общему поголовью. А абсолютный лидер по числу личных оленей Ямало-Ненецкий автономный округ имеет довольно лаконичный по числу страниц и не самый дружелюбный и отчетливый для предпринимателей-олeneводцов документ.

³ Использовались региональные законы об оленеводстве последней версии из нормативной правовой базы данных «Консультант+»: Закон Ямало-Ненецкий автономный округ «Об оленеводстве в Ямало-Ненецком автономном округе» 6 июня 2016 года № 34-ЗАО; Закон Ненецкого автономного округа «Об оленеводстве в Ненецком автономном округе» 6 декабря 2016 года N 275-ОЗ (ред. от 23 апреля 2019 года) № 73-ОЗ; Закон Чукотского автономного округа 8 июня 2007 года № 57-оз «О государственном регулировании и государственной поддержке развития северного оленеводства в Чукотском автономном округе» (ред. от 7 мая 2018 года № 24-ОЗ); Закон Республики Саха (Якутия) «О северном домашнем оленеводстве» 25 июня 1997 года N 179-1 (ред. от 15.10.2009 736-3 N 363-IV); Закон Красноярского края «О государственной поддержке северного оленеводства в Красноярском крае» 11 декабря 2012 года № 3-868 (в ред. от 08.06.2017 N 3-663); Закон Республики Коми «Об оленеводстве в республике Коми» 1 марта 2011 года № 18-ПЗ (в ред. от 29.11.2018 года № 109-ПЗ); Закон Мурманской области «О северном оленеводстве Мурманской области» 14 января 2003 года № 380-01-ЗМО (ред. от 20.12.2013 № 1704-01-ЗМО); Закон Камчатского края «О государственной поддержке северного оленеводства в Камчатском крае 22 июня 2010 года № 477 (ред. от 1.04.2014 № 402); Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «О развитии северного оленеводства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» 7 июля 2004 года № 44-оз (ред. от 30.09.2013 № 86-оз); Закон Магаданской области «Об оленеводстве в Магаданской области» 10 июня 2003 года № 361-ОЗ (в ред. от 04.07.2016 № 2048-ОЗ).

Таблица 2. Сравнение региональных законов по оленеводству с точки зрения их дружелюбности для предпринимателей.

	ЯНАО	НАО	ЧАО	Республика Саха-Якутия	Красноярский край	Республика Коми	Мурманская область	ХМАО-Югра	Камчатский край	Магаданская область
Количество страниц регионального закона, год последней версии	4 (2016)	7 (2019)	4 (2018)	6 (2009)	5 (2017)	4 (2018)	6 (2013)	3 (2013)	2 (2014)	7 (2016)
Прописаны ли предприниматели в законе	да	да	нет	нет	да	да	нет	нет	нет	нет
Прописаны ли в законе возможности предоставления земельных участков (новым) хозяйствам	нет	да	нет	нет	да	да	да	нет	нет	да
Место по общему поголовью домашних оленей в России	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Конечно, мирового значения феномен ямальского частного оленеводства, где концентрируется три четверти российских личных оленей, заслуживает более тщательного (и отдельного) институционального обустройства. Сделать это необходимо потому, что структура собственности на оленей существенно воздействует на многие хозяйственные характеристики – размер стада, долю важенок и

др. (табл. 3). Например, в семейных хозяйствах населения насчитывается минимальный размер стада и минимальная доля важенок в структуре стада (за счет высокой доли быков-кастратов и быков, которые защищают стадо от хищников и обеспечивают доступ к лишайникам на зимних пастбищах через корку льда и плотного снега) в отличие от сельхозпредприятий и сельхозорганизаций.

Таблица 3. Институциональная структура оленеводства ЯНАО на 1.01.2017 года⁴

	Хозяйства, имеющие оленей	Всего оленей	Доля важенок, %	Число оленей на одно хозяйство
Всего по округу все категории хозяйств	3436	1001930	23,6	292
в том числе:				
Сельхозпредприятия	44	428484	28,3	9738
Сельхозорганизации АПК	16	196710	31,5	12294
Общины КМНС	22	199886	25,3	9086
Малые предприятия	6	31888	27,2	5315
Крестьянско-фермерские хозяйства	1	946	27,4	946
Население	3347	572500	20,1	171

Ядро частного оленеводства Ямала – это около трех тысяч семейных хозяйств, концентрирующих около 60% всего поголовья округа. В них занято около 15 тысяч предпринимателей и их родственников (средний размер семейного частного хозяйства составляет около шести человек) [11]. О мировом значении ямальского частного оленеводства свидетельствует тот факт, что

в одном только Тазовском районе (или в двух взятых вместе Ямальском и Приуральском районах) больше личных оленей, чем во всей Финляндии. На Ямале в три раза больше семейных оленеводческих хозяйств, чем в Финляндии, и почти в шесть раз больше, чем в Норвегии⁵. Среднее количество оленей в личном стаде варьируется от 150 до 200 [11] (табл. 4).

⁴ Данные ЕИС «Ямал»

⁵ Данные по Финляндии и Норвегии взяты, соответственно, из [12,9].

Таблица 4. Численность оленей и количество частных хозяйств в разрезе муниципальных образований ЯНАО на 2017 год⁶

Муниципальное образование	семьи	олени	Олени/семья
Тазовский район	1071	229555	214
Ямальский район	969	109821	113
Приуральский район	598	97003	162
Надымский район	81	11875	147
Шурышкарский район	79	10596	134
Пуровский район	68	9609	141
Красноселькупский район	43	863	20
Всего	2909	469322	161

Обозначим основные особенности частного оленеводческого хозяйства ненцев, как оно сложилось в последние три десятилетия, после начала процессов разгосударствления и приватизации в отрасли. Прежде всего, это малый размер, малый бизнес. Поголовье частного семейного хозяйства оленевода примерно в два-три раза меньше, чем бригад, выпасающих общественные стада. И это не просто вопрос размера, это вопрос контроля стада (на падеж и травеж хищниками обычно жалуются владельцы стада до 550 оленей, более крупные в состоянии себя защитить сами и потери сравнительно меньше), скорости каслания, специализации и, наконец, власти на пастбищах. Большое общественное стадо способно «давить» на малое угрозой его полного поглощения внутри себя [13].

Малый размер частного стада делает просто безальтернативным сочетание оленеводства с традиционными промыслами (прежде всего рыбным) и другими видами деятельности (в том числе нелегальной продажей пантов) для обеспечения экономической устойчивости семейного малого бизнеса. Такая внутренняя комплексность хозяйства до 200-250 голов есть важнейшая страховка кочевого малого бизнеса. Небогатые (менее 100 голов) оленеводы стремятся уменьшить число забиваемых оленей, обеспечивать себя и оленегонных пастушьих собак пищей за счет других источников, прежде всего рыболовства, сохраняя и наращивая таким образом поголовье оленей [14]. Малый размер влияет и на структуру самого стада – меньше важенок, меньше телят до года, больше быков-кастратов [15].

Если сравнивать маршруты касланий частных семейных и общественных хозяйств, то окажется, что при существенном совпадении самих направлений траектории частных хозяйств значительно более вариабельны. К этому их вынуждают форс-мажорные природные обстоятельства (например, гололед, раннее вскрытие рек и др.) и «игра» маршрутами бригадиров крупных оленеводческих хозяйств: чтобы не угодить в ловушку смешения стада, нужно уметь вовремя отсоединяться. У частников поэтому всегда сильнее маневры: как подлинный малый бизнес они более гибкие и юркие, чем крупные общественные хозяйства

и их бригады, которые, по образному выражению исследователей, идут «как колонна» [16]. В связи с этим можно сказать, что оленевод-руководитель семейного хозяйства – это предприниматель, который специализируется на принятии нетривиальных решений по поводу маршрутов касланий/распределения ограниченных ресурсов пастбищ в конкретных обстоятельствах пространства и времени.

Оленеводство как типичный арктический бизнес является видом деятельности с исключительно высокими рисками. Используя статистические данные по годовой динамике поголовья домашних оленей с 1998 по 2015 годы [10] по каждому из десяти оленеводческих регионов России, мы обнаружили, что в шести из них были периоды (например, 2003, 2004, 2006 годы), когда значения соседних годов отличались на 18-20%, в одном случае (Магаданская область) – на 35% (2014 год). В Ямало-Ненецком автономном округе только в Приуральском районе вследствие падежа в осенне-зимний период 1998 г. и весенний период 1999 г. поголовье сократилось сразу на 40% (с 55,8 тыс. до 33,5 тыс.).

Такая колоссальная амплитудность означает, что терпимость к рискам, умение страховаться от них (прежде всего, не класть все яйца в одну корзину и предельно диверсифицировать участки пастбищ на протяжении годичного цикла каслания) и даже их использовать в свою пользу для арктического предпринимателя-оленевода – это просто вопрос выживания. Лучшие предприниматели-оленеводы Ямала научились таким манерам, такой беспримерной гибкости и пластичности в кочевом поведении, которые позволяют даже из рисков извлекать выгоду, которые сделали саму неопределенность фактором коммерческого успеха. А эти маневры и гибкость каслания зависят от неявного знания, интуиции, опыта. Кто сильнее в знании о тундрах, погоде, конкурентах на путях каслания, тот и выигрывает в невидимой состязательной борьбе за то, чтобы первым быть на лучших пастбищах.

О внутреннем социальном расслоении ямальских и таймырских частных оленеводов, о появлении «новых» ненцев или супероленеводов исследователи в 1990-е годы писали многократно [17]. Меньше обращали

⁶ Данные ЕИС «Ямал». Хотя критерии бедности и зажиточности среди оленеводов-частников сильно варьируют от района к району, условно можно признать бедностью наличие до 100 оленей, середняком – семейное хозяйство, где около 350 оленей (чуть выше прожиточного минимума примерно в 300 голов), а богатой – семья, которая владеет более 800-900 оленями.

внимание на технологические причины расслоения, на роль широко вошедших в жизнедеятельность семейных хозяйств оленеводов в 1990-е годы снегоходов, которые резко снизили трудовые затраты на окарауливание стада, но существенно увеличили затраты на закупку бензина, запчастей и др. Абсолютно в духе эффектов возрастающей отдачи те предприниматели-олeneводы, которые сумели быстро адаптироваться и извлечь пользу из новой экономической свободы, стремительно пошли в гору; другие же, наоборот, скатились в бедность, в итоге безоленность.

Не только снегоход, но и весь спектр новых, ставших доступными для покупки технических средств – моторная лодка, бензопила, генераторы, мобильные и спутниковые телефоны – привели к поляризации и расслоению внутри частных кочевых хозяйств Ямала и к большому «нажиму» на всегда ограниченные зимние пастбища наиболее богатых частных семейных хозяйств. И это подтверждает правоту предупреждения Э. Остром: «Если применение новых технологий происходит ускоренным образом, баланс между ними и правилами эксплуатации ресурсной системы может быть сильно нарушен» [18, с.328]. Поляризация возникла и внутри самого автономного округа: в советское время распределение домашних оленей по районам было более равномерным, а теперь три тундровых района (Ямальский, Тазовский, Приуральский) концентрируют около 70% всего поголовья округа, с перегрузкой по пастбищам, в то время как пастбища остальных районов, наоборот, теперь недогружены.

Один из авторов данной статьи хорошо помнит свое удивление в бытность работы начальником Отдела Арктики Госкомсевера России в 1990-е годы, когда ямальцы все время инициировали законопроект по факториям, в то время как лидер советского домашнего оленеводства – Чукотка – никогда не выходила с такими инициативами. Секрет объясняется институциональными причинами. Ямало-Ненецкий автономный округ уже в 1990-е годы очень быстро осуществил переход на модель частного семейного оленеводства, которое стало доминировать в общем поголовье. С другой стороны, на Чукотке на фоне катастрофического сокращения стада сохранились общественные формы управления отраслью.

Но именно для частного оленеводства нужны были фактории-посредники на рынке закупок и продаж. Для общественных хозяйств эти задачи решались централизованно, через департаменты АПК или через систему потребительских кооперативов (райпотребсоюза).

Получается, что за очень короткий период нескольких лет в 1990-е годы на Ямале встала на ноги абсолютно новая отрасль, которая опиралась на частное семейное хозяйство, подлинно рыночные стимулы и институты. Этот переворот, который в последующие

годы только укрепился, повлек радикальное изменение экономического поведения предпринимателей-олeneводоов. Конечно, здесь сказался и благоприятный фактор неформального рынка сбыта в лице подразделений Газпрома и поддержки оленеводов за счет отчислений предприятий ТЭКа в бюджет автономного округа, которого не было, например, на Чукотке, где оленеводство так и осталось в основном общественным.

Частное семейное оленеводство Ямала нужно рассматривать как полноценный малый бизнес. И только такой взгляд позволяет понять новые мотивы экономического поведения кочевников, которые были скрыты или не проявлялись в период господства модели общественного оленеводства в последние десятилетия советского времени. Тогда жизнеспособность ямальского оленеводства как отрасли основывалась на получении эффекта экономии на размере стада, в целом регионального поголовья. Это позволяло экономить расходы при проведении регулярной вакцинации, борьбе с волками, других ветеринарных и зоотехнических мероприятий, заказах вертолетов.

Переход к предпринимательской модели ямальского оленеводства радикально изменил экономические эффекты, которые теперь определяют жизнеспособность отрасли. Это прежде всего «пространственные экстерналии»⁷ – перетоки знания, опыта от одного кочевого предпринимателя к другому, также и опытных кадров из бывших общественных хозяйств в семейные частные; значительно большее разнообразие в структуре стада, сопутствующих видах деятельности (традиционные промыслы – охота, рыбалка, сбор дикоросов), сумасшедшей гибкости и маневренности (просто до ежедневных интуитивных/ситуативных импровизаций) в маршрутах кастаний с точки зрения состояния пастбищ и близости к рынкам сбыта оленины и пантов, подвижности фактической, а не формальной организационной структуры самого малого бизнеса и временных коалиций, в которые он ежедневно вступает с соседями, другими родственниками, органами власти.

Важнейшими факторами при принятии решений предпринимателями являются: а) цена на бензин и товары первой необходимости, закупаемые на факториях или в городе, выраженная в цене сдаваемой оленины (т.е. сравнительная цена, которая, по общему мнению оленеводов Ямала, существенно ухудшилась для них в последнее десятилетие); б) цена на панты на теневом рынке; в) конкуренция за пастбища с соседями – другими частными или общественными оленеводами; г) престижность и статусность положения среди других оленеводов Ямала.

В зависимости от конкретных обстоятельств места и времени сравнительная значимость этих факторов может радикально меняться: например, неэкономические факторы престижа и статуса могут выходить на первый план даже вопреки очевидной экономи-

7 В экономике экстерналии – это положительные или отрицательные внешние эффекты, которые возникают у «третьих лиц», непосредственно не участвующих в рыночной сделке.

ческой логике. С другой стороны, разогрев теневого рынка пантов может радикально изменить мотивацию и перенаправить усилия оленевода-предпринимателя от легальной заготовки мяса к нелегальной заготовке пантов.

Вот эти очень подвижные индивидуальные мотивации атомарного оленевода-предпринимателя – это как раз то, чем сформировавшаяся новая модель ямальского оленеводства радикально отличается от существенно более инерционной, «замороженной» прежней общественной модели. И современные проблемы ямальского оленеводства показывают, до какой степени властям всех уровней психологически трудно адаптироваться к этой предельно подвижной новой реальности развития отрасли.

2. Оленеводы - «личники» как типичные предприниматели Арктики.

Среди ученых бытует мнение, что аборигенное предпринимательство радикально отличается по мотивам, установкам, ценностям от предпринимательства европейцев и европейских переселенцев. Мы же, наоборот, считаем, что бизнес коренных народов в Арктике есть плоть от плоти арктического предпринимательства, более того, он задает «форматы», типические черты и особенности для предпринимательства Заполярья в целом.

Дело в том, что развертывание экономических систем в экстремальных условиях арктической природной среды и климата требует определенных общих защитных реакций. Прежде всего, это специфические механизмы страхования, которые нередко ищутся в намеренном создании разнообразия там, где его нет и быть не должно. Например, арктические тундры. Они кажутся очень однообразными. Но ежегодное каслание пастухов с домашними оленями по ним создает экологическое разнообразие за счет последовательных смен участков пространства и сезонов года. Именно это внутригодовое разнообразие микроландшафтов касланий и является для пастухов естественной защитой от частых в Арктике природных и социальных форс-мажоров.

Так вот все арктическое предпринимательство – это постоянное «изобретение» разнообразия на тонком и очень нестационарном хозяйственном субстрате, склонном к быстрой монополизации рынка одной структурой. Другая общая черта арктического предпринимательства – это приноровленность к сильной цикличности любых арктических экономических и

природных процессов. Здесь вообще не бывает среднего, но только сумасшедшая амплитудность – риски неожиданного изобилия (бешеного роста) или риски катастрофического сжатия. И то, и другое требует включения очень сильных саморегуляторных механизмов (с подключением государственных), например, сокращения или, наоборот, наращивания поголовья оленей⁸.

В тонком экономическом слое Арктики в принципе не работают классические рынки труда, земли, капитала, как это прописано в классических учебниках по рыночной экономике. Все это есть в плотно заселенных и давно освоенных европейских, американских, азиатских пространствах. Здесь же в разреженных пространствах Арктики для них элементарно недостает хозяйственной, экономической плотности.

В арктическом малом бизнесе значительно больше социального, социокультурного элемента (культурных традиций и ценностей, идеологических мотиваций), чем это принято в обычном предпринимательстве освоенных территорий [20]. Например, в оленеводстве Ямала есть предприниматели, которые однозначно заинтересованы в росте своего бизнеса через рост поголовья оленей, чтобы получить большой и немедленный доход, иметь дополнительную страховку на случай падежа и обеспечить своим стадом сыновей при разделении хозяйств. С другой стороны, есть предприниматели, для которых оленеводческий бизнес есть возможность сохранить связи с предками и верность традициям. Они готовы продавать минимум оленей, только чтобы обеспечить прожиточный минимум своей семье и возможность кочевать. Но существует значительно больше предпринимателей, которые сочетают в своем поведении и ту и другую, внеэкономическую, мотивацию.

В арктическом предпринимательстве колоссальна роль производственных, складских, логистических баз, где хранятся накопленные за короткую навигацию материальные ценности, средства производства, товары и продукты. Аналогично важную роль в частном оленеводстве играют фактории⁹. Они воплощают в себе все типичные черты арктической экономики: мобильность – в ответ на изменение маршрутов касланий они тоже передислоцируются или возникают новые, монопольность – у пастухов нет выбора, кому сдавать продукцию оленеводства, рыболовства и где покупать товары и ГСМ, потому что другая ближайшая фактория или магазин в поселении находится в сотнях километров отсюда; комплексность – запчасти к снегоходам, бензин, моторное масло, товары первой необходимости

8 О важности разнообразия и цикличности в норвежском домашнем частном оленеводстве (и фундаментальном отличии его от обычного стойлового животноводства) хорошо и подробно написано в статье [19].

9 Фактория – специализированное предприятие или организация, созданное в местах традиционной производственной деятельности и проживания коренных малочисленных народов Севера, предназначенное для приема, накопления, первичной обработки, хранения и подготовки к транспортировке продукции производства традиционных отраслей хозяйствования и традиционных промыслов коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей, обеспечения представителей этих народов товарами и услугами, необходимыми для их жизнедеятельности, а также для проживания обслуживающего персонала – Постановление Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа от 8 мая 2008 года № 200-а «Об утверждении Порядка предоставления в 2008-2010 годах субвенций из окружного бюджета бюджетам муниципальных образований в Ямало-Ненецком автономном округе на осуществление отдельных государственных полномочий по поддержке факторий, доставке товаров на фактории, обеспечению дровами тундрового населения из числа коренных малочисленных народов Севера».

и продукты продаются в одном месте; от оленеводов принимаются мясо, костяные рога, панты, камус, рыба, дикоросы и др.

2.1. Переплетение связей

Арктическая нестационарность проявляется здесь в частой смене партнеров по бизнесу, поставщиков и потребителей. Частное ямальское оленеводство полностью это подтверждает. Начать с того, что на протяжении позднесоветского и раннероссийского периодов его вообще трудно было обособить как отдельный феномен, потому что он находился внутри общественного хозяйства, в котором пастухам допускалось иметь и немного своих оленей. Но и после разгосударствления и приватизации ямальского домашнего оленеводства прочный симбиоз между общественными и частными хозяйствами (и неотчетливость границ между общественным и частным в домашнем оленеводстве¹⁰) сохраняется: это и неудивительно – ведь оленеводческая бригада в совхозе нередко фактически представляет собой несколько семейных хозяйств, где консолидированное личное стадо пастухов и зоотехников в разы превышает выпасаемое ими общественное.

Арктический малый бизнес характеризуется очень сложными и многообразными, быстро меняющимися рекомбинациями хозяйственных связей. Это кадровые связи – переток знания с опытными пастухами из совхозов/ муниципальных хозяйств в личные семейные хозяйства, который исключительно характерен до настоящего времени. Это конфликты/кооперация по поводу пастбищ, которые требуют постоянных неформальных договоренностей заранее или «по факту» уже состоявшегося конфликта.

Частный оленевод должен получить юридический статус индивидуального предпринимателя или малого бизнеса, чтобы иметь право претендовать на земельные участки, но, чтобы сам этот статус получить, нужно уже иметь пастбища в аренде, а ямальский закон об оленеводстве этого для частных не предусматривает. Если бы речь шла о «миниатюрном» явлении ценой несколько тысяч голов, это было бы решаемо, но личное оленеводство Ямала – это многие сотни тысяч голов, и проблема превращается в грозное препятствие для дальнейшего развития кочевого предпринимательства ненцев: тысячи семейных хозяйств не имеют юридического статуса и фактически находятся вне правового поля, в нелегальной частной оленеводческой «эконо-

мике физических лиц». Поскольку владельцы личных оленей обычно не имеют юридического статуса и прав на пастбища, они вынужденно (нелегально) используют пастбища, исторически закрепленные за совхозами. А потом совхозные пастухи говорят, что «частники обнаглели».

Но и между личными хозяйствами также налаживаются сложные, нестабильные/временные и разнообразные связи, в которых сосуществует конкуренция за пастбища и взаимная поддержка, кооперация. Об их богатстве можно судить по материалам наиболее полного обследования частных кочевников-оленеводов [11].

Выделяются следующие наиболее распространенные типы объединений семейно-родовых хозяйств: объединения малочисленных кочующих хозяйств с крупнооленными хозяйствами; объединение семейно-родовых хозяйств с приблизительно равным поголовьем животных; объединения семейно-родовых хозяйств, где все члены находятся в степени родства – «большая семья». В общей сложности члены одной семьи в течение года оказываются участниками семи-восьми различных хозяйственных объединений, вступают в торгово-обменные контакты с таким же количеством промысловых стойбищ, посещают многочисленные торжища (в прошлом ярмарки, в последние десятилетия совхозные собрания оленеводов в поселках и на факториях) [14].

Фактически работает социальная, поддерживающая друг друга в трудные периоды, сеть частных хозяйств. Олени передаются родственникам, друзьям или наемным пастухам на время для того, чтобы иметь возможность заняться рыбным промыслом для получения важного дополнительного дохода. Семьи родственников отдают друг другу в долг снегоходы, моторные лодки до такой степени часто, что фактически это имущество можно рассматривать не как личную, конкретного пастуха, но как межсемейную, общинную, соседскую собственность. При плохой ситуации зимой с пастбищами, можно разукрупниться и потом снова объединиться и др.

2.2. Пространственные экстерналии аборигенных предпринимателей: специфика Арктики

Позитивные коммуникационные экстерналии¹¹ в виде перетоков знания, передовых практик, техник от соседей по касанию и просто мобильное «подсматривание»¹² – очень важное отличие предприниматель-

10 «Был в совхозе охотником, но сократили. Стал собственником частного хозяйства». Совхозный бригадир на пенсии стал руководителем частного оленеводческого хозяйства. Таких историй на Ямале десятки. Особенно нужно подчеркнуть значение прежнего «высокого» статуса в общественном оленеводстве. Дело в том, что частники формальных прав на пастбища обычно не имеют, и потому преклонный возраст и прошлый статус бригадира или неформального лидера совхоза является важнейшей страховкой, гарантией, что с тобой будут считаться при конкуренции за пастбища.

11 Экстерналия – перераспределение всех или части издержек или выгод, получаемых в процессе некоей деятельности в пользу тех, кто не принимает в ней непосредственного участия: [21, с.210].

12 Европейская хорошо изученная практика – стационарное близкое подсматривание через окно у соседа, в одном дворе, в одной городской агломерации и др. Она радикально отличается от арктической практики, когда подсматривание всегда происходит на бегу, в движении, при быстром перемещении в пространстве. Здесь, чтобы «подсматривать» и напитываться знанием соседа, требуется быть супермобильным и обязательно преодолевать значительные расстояния. В арктических пространственных экстерналиях нет агломерационного эффекта, как в плотно заселенной Европе, и именно поэтому так значима мобильность, которая формирует условия для временной, коротко наведенной близости (можно сказать, что по тоже не-агломерационному варианту Силиконовой долины).

ской ямальской модели оленеводства от общественной, государственной и муниципальной. Равнинность ямальских тундр в Ямальском, Тазовском и отчасти Приуральском районах до такой степени благоприятствует этим пространственным перетокам, что можно признать существование трех, географически отграниченных друг от друга, «знаниевых» районов частного оленеводства (ямальского, тазовского, приуральского).

Неоднократно в ответах на вопросы нашей анкеты респонденты отмечали влияние соседей на их

практику калания: «Как и от кого именно Вы узнаете о близящихся природных опасностях во время калания? - «От соседей по кочевкам... Встречи с соседями более пяти раз в году, иногда их решения сильно влияют...». Самым надежным и быстрым средством связи считается тундровое радио («сарафанное радио, из уст в уста, от стойбища к стойбищу – «быстрее сотовой связи», которая работает только вблизи объектов инфраструктуры ТЭК и населенных пунктов - рис. 1).

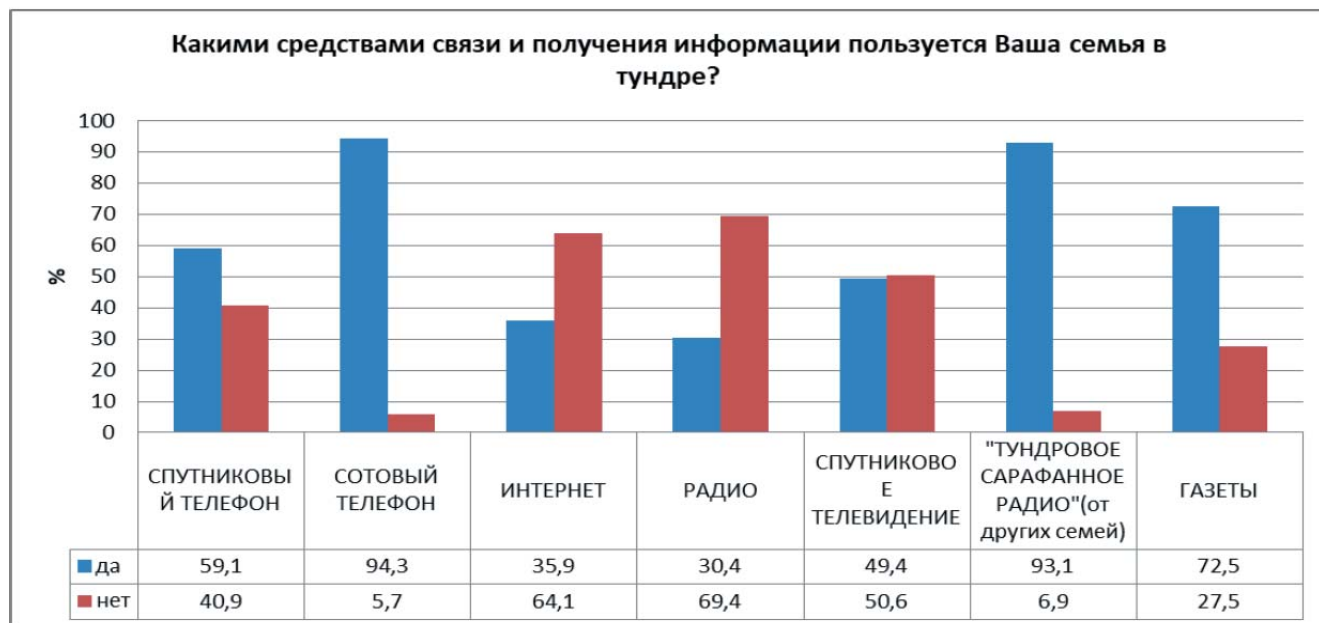

Рис. 1. Доминирование «сарафанного радио» от других семей во всех способах коммуникации оленеводов-предпринимателей Ямальского района [22].

Семьи гыданских ненцев переняли из соседнего Красноярского края кочевые балки – передвижные дома на санях, не требующие при перемещении разборки и сборки. Новое жилье облегчило труд и быт семей, но привело к задержке на позднеосенних пастбищах. Тундровики ждут, пока заметет реки и овраги, сгладит крутые места, чтобы потом перетащить балок в нужном направлении. И маршруты миграций у тех, кто живет в балках, проходят в основном по равнинной части тундры [23].

Можно предположить, в духе современных знаниевых теорий предпринимательств (knowledge spillover theory of entrepreneurship) [24], что динамика размера семейного стада оленей зависит, в том числе, от способности владельца и членов его семьи к обучению, восприятию новой информации, умению собирать эту информацию от соседей по каланию и в управленческих центрах в городе. В тундре оценить, насколько эффективно идет процесс коммерциализации этого знания у владельца, очень просто – по динамике поголовья его личных оленей.

Эта коммуникация в ямальской тундре между оленеводческими семьями и бригадами идет очень актив-

но, но остается как бы невидимой для исследователя. Она продолжается и в поселке. Но нет ни одной работы ни в России, ни за рубежом, посвященной этому важному для предпринимательского успеха в оленеводстве феномену¹³.

В ответ на обвинения чиновниками оленеводов и в Норвегии, и в России в безответственном отношении к проблемам перевыпаса, защитники пастухов в лице основной массы антропологов, социологов, историков всегда отвечают, что «олeneводы знают лучше». Однако остается неясным, а каким именно способом они научаются знать лучше? Обычно упоминается только «обучение в процессе работы» с детства с родителями-пастухами. Но не только внутренняя память предков, традиции, но и умение «ловить» перетоки знания от более опытных оленеводов и обучаться на ходу является элементом знания, внешне получаемого, неформального, неявного и очень важного. Обучение происходит через мобильное подсматривание у соседа по маршруту калания, через подключение к единой районной знаниевой сети, лидерами которой становятся опытные пастухи – прошлые бригадиры совхозов

¹³ Ради объективности нужно сказать, что все респонденты наших анкет по этому вопросу разделились на две категории: те, кто активно воспринимает опыт соседей, и кто доверяет только себе. Во втором случае позиция пастуха закрывает для него возможности позитивных экстерналий.

(как правило, получившие в советское время хорошее средне-специальное и даже высшее образование) и т.д.

2.3. Внутренняя структура: два полюса кочевого предпринимательства – вынужденные и фронтальные (инновационные)

Наши опросы показали, что внутри предпринимательского сообщества оленеводов-частников есть два полюса – вынужденные, зависимые от господдержки и фронтальные, самодостаточные. *Модель экономического поведения «послушного» оленевода-предпринимателя:* получает господдержку, не прочь стать совхозным наемным работником или стать членом общины, следует указаниям районных и окружных властей в основных решениях по сдаче мяса (на какие убойные комплексы, на какие фактории, через какую общину, по какой цене и др.) – «все сдаем на забойные пункты, дальше не влияем на цену реализации. Не сдадим, потеряем все льготы». Этот предприниматель не видит необходимости перехода на новую модель организации ямальского оленеводства, при форс-мажорах выходит ближе к поселениям, думает больше о сохранении, чем об увеличении стада. Размер его стада немного превосходит необходимый для прожиточного минимума семьи (около 250 голов). Именно данный тип предпринимателя виртуозно умеет подстраиваться по критериям для получения всех возможных объемов господдержки – даже в условиях постоянного изменения ее норм и правил.

Модель абсолютно самодостаточного частника: господдержку не получает – не имеет для этого юридического статуса; высоко ценит свою экономическую независимость; имеет около 500 голов; единолично принимает основные решения, полагается на свой опыт и интуицию; при этом воспринимает и передовые практики, и новые навыки от соседей по тундре; в факториях не нуждается, потому что все мясо продает знакомым, все снабжение получает в поселке/городе, думает (планирует) увеличивать поголовье. Для такого фронтального предпринимателя-оленевода очень характерно регулярное «вылезание» на чужие пастбища. Именно в нем отрицание оседлого образа жизни предельно, максимально сильно.

Его философию отчетливо передал руководитель семейного хозяйства Александр Сэротэтто: «Кочевой образ жизни это – ты не должен ни дров, ни транспорт ни у кого просить. Ты же сам выбрал этот путь. Ты должен кочевать и ничего ни у кого не спрашивать... Вот чем отличаются северные от южных (Ямальский район) – северные никогда не скажут, что у нас нет дров, нет хлеба или каких-либо других продуктов. Они знают, раз такой путь выбрали, значит, надо работать, им же никто не запрещает сидеть дома» [11, с.193].

Уже сделав вывод о наличии двух полюсов внутри сообщества кочевников-предпринимателей, интересно было узнать, что к аналогичным выводам

приходят и зарубежные исследователи. Например, Дана и др., описывая финского саама-предпринимателя в семейном оленеводстве, отмечают наличие двух полюсов в отношении к власти: от «делают недостаточно для помощи нам» до «слишком много регулирования» [20]. По сути, это те же наши два полярных типа внутри аборигенного предпринимательства!

С другой стороны, Э. Райнерт на материалах норвежского частного предпринимательства оленеводов-саамов пишет про их разделение на тех, кто вполне удовлетворен своей ролью поставщика сырья под контролем региональных чиновников, и на тех, кто хочет более активной собственной роли в корпоративизации, маркетинге и продажах. Далее он отмечает, что эта поляризация в принципе совпадает с полюсами бедности и богатства среди оленеводов-частников: бедные и зависимые продают оленину на уполномоченных коралях; более богатые оленеводы напрямую в городе на рынках и дорожке [9].

Конечно, одновременно с описанными полюсами, в ямальском частном оленеводстве существует и третий, компромиссный, «стертый», средний тип, который включает черты первого и второго и потому значительно труднее отчетливо диагностируется.

2.4. Районные типы кочевника-предпринимателя: выбор «мясной» или «пантовой» модели

Внутри трех районов-лидеров ЯНАО по развитию кочевого предпринимательства – Ямальского, Тазовского и Приуральского – отчетливо обособляются две экономические модели: там, где основные производственные доходы семейный бизнес получает от реализации оленины, и где – от пантового производства. Первая модель характерна для Ямальского района, вторая – для Тазовского и Приуральского районов.

Но возникает вопрос, а какие же факторы определяют выбор предпринимателем той или иной модели? Конечно, это институциональный фактор характера, масштабов, форм государственной поддержки округа; экономический фактор, связанный с государственной ценовой политикой на мясо оленя, а также своевременностью расчетов за сданное мясо¹⁴ и конъюнктурной зависимостью цены на панты и костяные рога от курса валют; инфраструктурный фактор, понимаемый прежде всего как специфика организации местного рынка сбыта в виде системы расселения, факторий, заготовительной сети; географический фактор, понимаемый как близость или транспортная удаленность от крупных местных центров, в том числе соседство с другими регионами, которые имеют более привлекательную ценовую политику на продукцию оленеводства и предметы первой необходимости для предпринимателя.

Отдельно нужно отметить еще фактор местных аномалий (который непосредственно влияет на объем предложения товарной продукции оленеводческого

14 До 2017 года расчет за сданное мясо осуществлялся предприятиями-заготовителями только после реализации мяса, что создавало определенное напряжение в отношениях между агрокомплексом и оленеводами. В такой ситуации семьи вынуждены брать продукты и товары в долг («под запись»), зачастую с наценкой до 7% (с. Сеяха, Ямальский район).

бизнеса в виде мяса, рогов, пантов и др.) в виде часто повторяющихся именно здесь заболеваний животных или климатических «эпидемий»¹⁵, или, например, ярко-го местного лидера внутри предпринимательского сообщества оленеводов и т.д. Именно в условиях разреженных и не всегда предсказуемых по климатической и социальной динамике пространств Арктики фактор «местной аномалии» может переломить влияние всех других факторов.

Конечно, в каждом районе сравнительная значимость этих факторов будет своя. Возьмем, например, *Ямальский район*, который именно в силу сложившейся еще с советского периода традиции (кузница кадров для управления АПК округа, удобная ввиду близости к центру региона) стал своеобразной экспериментальной площадкой, «витриной» для государственной поддержки отрасли в последние десятилетия на базе бывших совхозов и вновь созданных МУПов. Здесь проводятся научные изыскания учеными со всего мира, по нему защищают диссертации специалисты государственного управления в сфере АПК, КМНС и др. В район привозят группы туристов, участников различных мероприятий, проводимых в столице округа, для знакомства с культурой и хозяйственной деятельностью оленеводов и т.д.

Здесь развернута самая обширная и территориально рассредоточенная заготовительная и перерабатывающая сеть, приуроченная к поселкам, факториям и железной дороге. Территория считается эпизоотически благополучной, ранее Приуральского района была сертифицирована для продажи оленины на европейские рынки (несмотря на экономическую нецелесообразность: оленина из Ямальского района реализуется на экспорт по цене 360 рублей за кг, в России по цене 372 руб., а себестоимость ее оценивается в 1023 рубля за кг, т.е. при средней стоимости в 366 руб. за килограмм 64% стоимости компенсируется из бюджета ЯНАО [7]).

Район с советского периода считается крупным заготовительным центром в округе с созданными для этого относительно благоприятными условиями (сеть убойных комплексов, факторий), необходимостью выполнения плана заготовки мяса, в том числе для соблюдения экспортных обязательств, что во многом обуславливает сложившуюся модель предпринимательского поведения оленеводов, ориентированных на мясной рынок и на сопутствующий рыбный промысел, который характерен для всех трех рассматриваемых районов (для пропитания семьи и оленегонных собак, дополнительного дохода, а в некоторых случаях и для выживания в случае значительного падежа оленей).

На другом полюсе находятся Тазовский и Приуральский районы, где кочевники-предприниматели развивают свой бизнес по «пантовой модели», что определяет многие его характеристики: здесь неслучайно самые скромные показатели личных домохозяйств по производству оленины – убой оленей осуществляется в небольшом количестве для личного потребления и

покрытия самых критичных насущных потребностей семей в период между сдачей костяных рогов и «пантовкой» (кампанией по сбору пант, когда наземным и авиатранспортом осуществляется сбор пант в обмен на ГСМ, продукты, различные товары, ветеринарные препараты, реже на деньги). Выбранная предпринимателями «пантовая модель» на фоне отсутствия (до 2017 года) убойного комплекса, рассчитанного на большой объем заготовки мяса, даже изменила пути касаний оленеводов Гыданской тундры: они перестали уходить на север в весенне-летний период, занимая на это время осенне-зимние ресурсы (оставаясь в летний период на зимних пастбищах), в том числе и чужие пастбища южнее с. Гыда. Впоследствии это привело к их выеданию и вытаптыванию, и семьи двинулись дальше на юг района, ближе к социальной, торговой транспортной, корпоративной (ТЭК) инфраструктуре, где можно успешно реализовать мясо, панты и костяные рога.

Тазовский район находится на первом месте по размеру поголовья домашних оленей во всем автономном округе. Очевидно, что выбор «пантовой модели» предпринимателями-оленеводами, которые владеют здесь основным поголовьем домашних оленей, на это непосредственно влияет. Помощь государства здесь оказывалась слабее, чем в Ямальском районе – даже на юге района долго не развивалась заготовительная сеть, а имеющаяся не обновлялась.

Поэтому предприниматели здесь вынуждены значительно в большей степени полагаться на себя, они мобильнее, ориентированы на поддержание неформальных бизнес-связей и работу на теневых рынках пантов, где они получают в три-пять раз более высокую цену, чем оленеводы-частники Ямальского района на факториях. И под эту модель как бы «подверстывается» и инфраструктура в виде неофициальных корпоративных зимников, «пантовых» вертолетов, и география – относительно близко расположены местные рынки Красноярского края (Дудинка, Караул, Носок и нефтегазовые промыслы), в которых значительно лучше закупочные цены на продукцию оленеводства, «скромнее» цены на технику, запчасти, продукты и товары первой необходимости, меньше обмана со стороны скупщиков во время проведения сделок.

Значимую роль в выборе «пантовой» модели здесь играет и фактор местной аномалии в виде высокой распространенности в Тазовском районе бруцеллеза, который является сильным ограничением для заготовки и реализации оленины – она здесь в основном направляется на переработку в тушенку.

Приуральский район, в котором кочевое предпринимательство также развивается по «пантовой модели», представляется самым комфортным для оленеводов ввиду сравнительной развитости поселенческой сети (окружной центр Салехард и город-спутник Лабитнанги расположены здесь), более развитой, чем у соседних районов, транспортной инфраструктуры, как государственной, так и корпоративной, близости к

¹⁵ Под «климатической» эпидемией здесь имеется в виду спровоцированная летней жарой 2016 года вспышка сибирской язвы на Ямале.

Воркуте (Республика Коми) как крупному рынку сбыта (коммерсанты из Республики Коми прямо «у дороги» и предлагают достойные цены). Здесь самые высокие закупочные цены на продукцию оленеводческого бизнеса, за исключением мяса на официальных заготовительных пунктах.

Неудивительно, что в таких условиях способны успешно развиваться даже мелкие частные хозяйства, а здесь самая дисперсная и многочисленная их сеть среди трех основных оленеводческих районов ЯНАО. И этому помогает «география»: уникальный природный ландшафт, включающий горную, тундровую и таежную зоны, река Обь, разделяющая район на две части, определяют колоссальное разнообразие местных типов семейного оленеводческого хозяйства.

Фактором местной аномалии здесь является тяжелая ситуация в районе прогонных пастбищ (такая же ситуация наблюдается на юге Ямальского района), где у многих семей находятся осенние и весенние (отельные) пастбища, от которых зависит воспроизводство и нагул стада. Здесь ежегодно проходят транзитом с юга на север и обратно многие тысячи оленей, что радикально ухудшает состояние этих пастбищ. Именно поэтому здесь очень характерно частое смешение оленей частников с совхозными, что провоцирует напряженность в отношениях между оленеводами.

Самой выгодной статьей доходов семьи оленеводов в Приуральском районе является продажа рогов и пантов, цены на которые на неформальных рынках здесь самые высокие в автономном округе ввиду развитой транспортной сети и сети расселения. На продаже пантов здесь уникально возник рынок не покупателя, а продавца, когда за оленеводов конкурируют различные предприниматели – из Республики Коми, из самого автономного округа, из Китая.

В расчетах преобладают наличные денежные средства, за которые оленеводы отовариваются на оптовых базах и в магазинах, приобретают бензин на АЗС г. Салехарда, г. Лабытнанги и с. Аксарки. На севере района в летний период благодаря транспортному сообщению с Воркутой оленеводы сами – в Воркуте, либо на месте (через точки скупки) – реализуют панты, в основном в обмен на продукты питания и ГСМ.

Центральный из трех – Ямальский район, географически зажаты соседними Приуральским и Тазовским районами, своим положением ограничивает свободу предпринимателей на самостоятельный сбыт своей продукции. Но к тому же, здесь и государство постаралось создать мощную сеть заготовки и переработки оленины. Поэтому выбранная предпринимателями с сильным расчетом на государственную поддержку «мясная» модель пока здесь представляется безальтернативной (хотя в будущем возможен и компромиссный крен к «пантовой»).

С другой стороны, «окраинные» Тазовский и Приуральский районы, предприниматели в которых имеют свободу «выбегать» на более привлекательные рынки соседей – Красноярского края и Республики Коми, и в

целом более ориентированные на экономически независимое поведение, без расчета на господдержку, опираются на «пантовую модель». Этому помогает здесь и развитая транспортная государственная и корпоративная сеть, сеть расселения, современная вездеходная техника (снегоходы и квадроциклы), которую здесь оленеводы-частники используют более активно, чем в Ямальском районе.

В отличие от вынужденно ориентированных на факторийную схему предпринимателей Ямальского района, здесь оленеводы стараются продавать панты и костяные рога в населенных пунктах, где закупочная цена существенно выше (чем в тундре или на фактории), расчет происходит «живыми» деньгами, и оленевод может сразу приобрести продукты питания, запчасти и др. в магазине (оптовой базе) по адекватным ценам населенного пункта. Хотя есть и предприимчивые оленеводы на юге Ямальского района, которые в складчину (кооперируются 5-7 семей) на одном снегоходе едут в райцентр Приуральского района с. Аксарка, где реализуют продукцию оленеводства, затем на арендованной машине едут в г. Лабытнанги и покупают продукты на оптовой базе, бензин и возвращаются домой в тундру.

3. Парадоксы ямальского оленеводства: тень или день?

Особенность возрождения кочевого предпринимательства на Ямале в 1990-е годы состояла в том, что, как это часто бывает, организационные, институциональные изменения в виде разгосударствления и приватизации ранее общественных оленеводческих хозяйств шли вместе с технологической революцией, которая выразилась в массовом внедрении снегоходов и других индивидуальных технических средств (дизель-генератор, мобильный телефон и др.) в «малые» семейные оленеводческие хозяйства. Эта технологическая революция пришла на Ямал примерно через 30 лет после аналогичных радикальных преобразований облика традиционных отраслей (оленеводства и промыслов) в северной Скандинавии, Канаде и Аляске [25-26].

Можно без преувеличения сказать, что именно кочевники-оленеводы ЯНАО в максимальной степени среди народов Севера России воспользовались плодами этой технологической революции. И именно потому, что здесь она проходила рука об руку с успешной приватизацией общественных хозяйств. Если в других арктических оленеводческих регионах (например, Чукотском автономном округе) радикальные организационные преобразования по сути уничтожили товарность отрасли и привели к радикальному снижению поголовья (при этом сравнительная значимость общественных хозяйств внутри оленеводческой отрасли сохранилась, хотя и на значительно более низкой планке), то на Ямале прежняя «социалистическая» товарность оленеводства за счет стопроцентных госзакупок была воссоздана уже в частных семейных хозяйствах (нередко существующих без юридического статуса, т.е.

как бы нелегально) в следствие быстрого технологического переоснащения самых динамичных и проворных среди них и их успешной работы на рынках факторий, на городских рынках, на теневом международном рынке пантов.

Большинство исследователей признает, что уровень жизни ямальских оленеводов-частников (даже если признать новые реалии сильного внутреннего социального расслоения) за последние 25 лет несомненно вырос. При этом наиболее быстрый рост уровня жизни происходил именно в первые полтора десятилетия, в последние 10 лет рост затормозился, и оленеводы теперь отмечают, что «раньше 300 голов было много, а теперь и 1000 голов мало», если переводить головы на покупательную способность оленьего мяса. Динамика закупочных цен отстает от роста цен на бензин, который стал с массовым внедрением снегоходов просто важнейшим элементом потребительской корзины оленевода.

Одна из причин значительного возрастания оленепоголовья состоит как раз в нарастающем диспаритете цен на оленину (закупочная цена мало меняется) и покупаемые оленеводами-частниками снегоходы, квадроциклы, запчасти и ГСМ, мобильные телефоны, продовольствие и др. (быстрый рост в последние два десятилетия). Падающая товарная емкость одного килограмма оленины вынуждает оленевода наращивать поголовье, чтобы компенсировать ее «массой» сдаваемого мяса.

Новые рыночные стереотипы поведения оленеводов-частников (по крайней мере, некоторых из них) выявили многочисленные парадоксы в ямальском частном оленеводстве, которые абсолютно отсутствуют в других оленеводческих регионах, в которых личные олени не доминируют по численности. Например, Ямал – единственный регион, в котором производство оленины радикально ниже ожидаемого, если сравнивать его с общим поголовьем оленей (рис. 1).

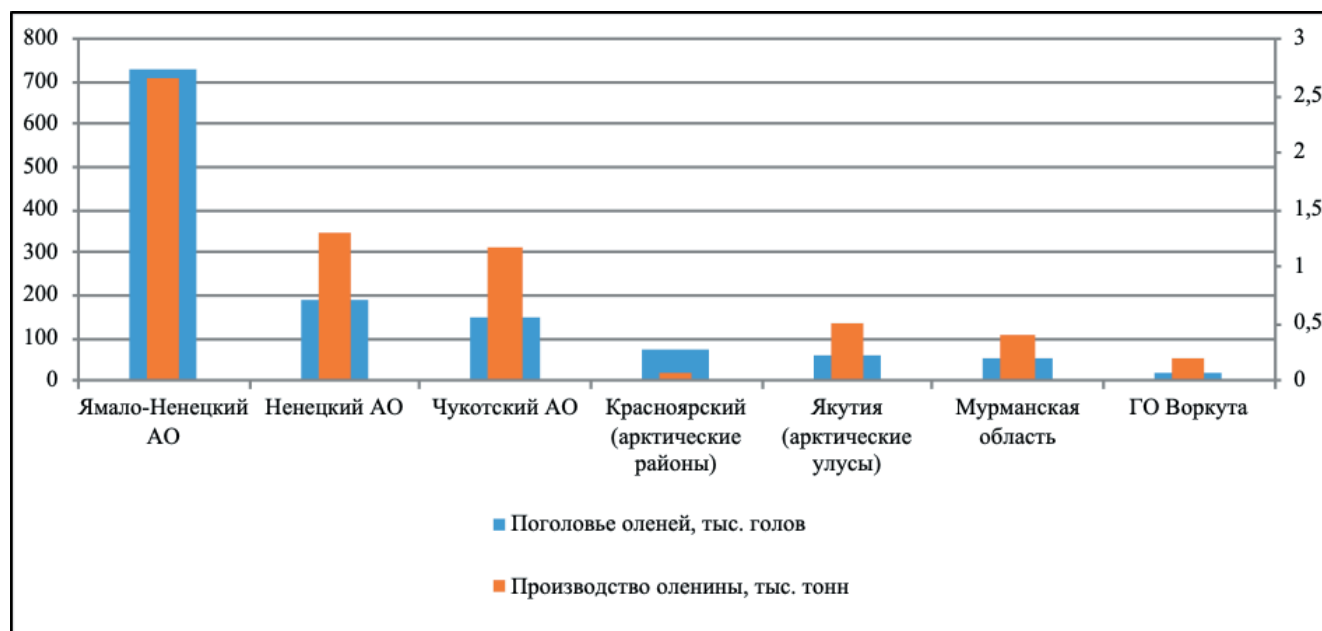

Рис. 2. Панты или мясо: тень или день? Оленеводство в АЗРФ, 2016.
 Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики и СМИ¹⁶.
 Рисунок подготовлен экспертом АНО «ИРК» Д.А. Сидоровой.

Почему оленевод-предприниматель проходит мимо убойного комплекса? В чем причина недосдачи? В экономических стимулах, которые для частных предпринимателей формируются важнейшими соотношениями цен на оленину и бензин, оленину и панты. Понятно, что в общественном оленеводстве других регионов эти сравнительные цены до такой степени на экономическое поведение пастухов не влияют. По сути, рис. 2. свидетельствует о роли неформального рынка пантов, в который вовлечены тысячи ямальских семейных хозяйств:

«Потомственный кочевник Иван Анагуричи из Панаевской тундры решил повременить с забоем трехсот

оленей. От неминуемой гибели животных спасли их рога! - Покупатель на панты объявился, - радуется мужчина. - Хорошую цену дал. У меня в стаде больше двух тысяч голов, рогов скопилось много, продажам - большую выручку получу. А олени пусть живут до следующего года. Схожей тактики нынче придерживаются многие тундровики. Заготовкой оленьих пантов на Ямале занимаются практически повсеместно»¹⁷.

Наличие двух рынков – официального (оленины) и полулегального (пантов) со своими посредниками, своей транспортной схемой (авиа - вертолеты, зимники, водный транспорт) формирует сильнейшую

¹⁶ Рост производства оленины на Ямале за пять лет превысил 60% URL: <http://tass.ru/ekonomika/4231054> (дата обращения 20.08.2019); Оленеводы съехались 15 лет спустя URL: <http://www.ks87.ru/20/28/6521.html> (дата обращения 20.08.2019)

¹⁷ Из-за высокого спроса на панты тундровики неохотно сдают животных на мясо URL: <http://www.myaso-portal.ru/news/news-branches/iz-zavysokogo-sprosa-na-panty-tundroviki-neokhotno-sdayut-zhivotnykh-na-myaso/> (дата обращения 22.08.2019)

драматургию внутри частного ямальского оленеводства, не сравнимую с ситуацией в общественном поголовье. А то, что оба эти рынка вносят ощутимый вклад в доходы ямальских частных оленеводческих хозяйств, подтверждают данные по структуре доходов семей оленеводов (табл. 5-6).

Таблица 5. Структура доходов семьи оленеводов Ямальского района ЯНАО от реализации продукции оленеводства, % [16]

Вид продукции	Удельный вес, %
Мясо оленя	66,6
Панты	18,7
Костяные рога	14,7
Всего	100,0

Таблица 6. Доход от реализации продукции оленеводства семей оленеводов Тазовского района ЯНАО (Гыданская тундра) [23]

Продукция оленеводства	Всего (кг)	Доход при средней цене (руб)	Удельный вес, %
Панты, кг (n=43)	11647	14512162	67,4
Мясо оленя, голов	29745*	4 878180	22,7
Мясо оленей, в тушах**	82	1230000	5,7
Костяные рога, кг (n=42)	6184	909048	4,2
Всего		21529390	100,0

*Общий вес рассчитан исходя из среднего убойного веса - 45 кг

** Мясо оленей в тушах - продажи в поселок или скупщикам минуя официальные забойные пункты для получения наличных денег. В данном случае мясо продали тушами девять семей из 50. Всего в течение года реализовали 82 туши оленей.

Есть существенные отличия в структуре доходов общественных (муниципальных) и частных оленеводов: доходы от продажи рогов и пантов у частных существенно, кратно выше, чем у муниципальных пастухов. Но в МУПе¹⁸ есть заработная плата, у частных нет. Сумма годовых доходов семьи частных может быть как выше (что часто), так и ниже, чем у семьи в МУПе, что зависит от размера личного поголовья и наличия разрешения сдавать панты общественного стада пастухам МУПа для себя; а также от того, есть ли в семье пенсионер. «Еще два года назад семья в Гыданской тундре зарабатывала 44 процента совокупного дохода на продаже оленины, 24 процента приносил сбор пантов. Нынче цифры поменялись местами: 23 и 52 процента соответственно. Подсчитано: разводя стадо ради растущих рожек, тундровик со ста голов выручит 120 тысяч рублей за год, ради мяса – на 30 тысяч меньше»¹⁹.

На этих двух рынках различно все: институты, транспортные схемы, посреднические структуры и др. Для мясного рынка нужна упитанность оленей, качество мяса, наличие важенок для регулярного воспроизводства стада; для рынка пантов важно поголовье самцов, с которых срезают уникальное сырье.

При этом будет абсолютно неправильно, как это принято среди журналистов, обличать жадность оленеводов-частников, которые бросили дело предков ради пантовой наживы и, безудержно наращивая поголовье, подрывают пастбища.

Заготовка пантов – важный источник дополнительного дохода частного хозяйства. Сбор пантов происходит летом, вдали от населенных пунктов, когда стада на севере, где нет заправок, магазинов, и это единственный способ пополнить запасы продовольствия и ГСМ у скупщиков по высоким ценам, в основном за бартер. «Пантовка» позволяет оленеводам не везти на север много продуктов, ГСМ, а купить на месте, побаловать детей, которые приезжают на лето в семьи в тундру.

Это важный элемент страхования («нельзя класть все яйца в одну корзину» – зависит от одного источника дохода – мяса оленя). И как раз для малых и средних оленеводческих частных хозяйств такая диверсификация видов экономической деятельности критически важна. В каждом районе в тундре есть оленеводы-предприниматели, которые сами скупают рога, панты и камус у близко касающихся оленеводов и затем едут и перепродают их в поселках по более высокой цене.

Нельзя допустить только, чтобы пантовый бизнес развивался нелегально, хищнически, безудержно, в формате «охоты за рентой». А предпосылки к этому есть. И это как раз и ниша для государственного регулирования, которое многолетним субсидированием оленеводов за «голову оленя», без привязки к объемам сданного мяса, наоборот, само стимулировало их охоту за пантовой рентой, а не эффективное и природосберегающее устойчивое хозяйствование. И само, не выработав вовремя внятных форматов его регулирования и сертификации, отдало этот рынок на откуп теневым посредникам из Китая.

¹⁸ МУП – муниципальное унитарное предприятие.

¹⁹ Олени стада вытоптали «ведьмины круги» URL: <https://ks-yanao.ru/obshchestvo/oleni-stada-vytoptali-vedminy-krugi.html> (дата обращения 22.08.2019)

Кроме того, многолетнее снижение сравнительной цены за оленину, выраженное в ухудшении соотношения цены на оленину и бензин, оленину и товары первой необходимости для оленеводов, само вынудило оленеводов уйти в другие, альтернативные «мясному» оленеводству, виды деятельности, среди которых пантовый промысел был наиболее очевидным и легким (развивать туристический бизнес в семейных хозяйствах оленеводов, понятно, сложнее и непривычнее).

Другой парадокс связан с частым официальным упоминанием проблемы сбыта: негде сдавать оленину, поэтому давайте будем создавать мобильные убойные комплексы. Однако дело вовсе не в дефиците объектов заготовительной инфраструктуры, а в отсутствии стимулов у оленеводов сдавать мясо на официальные убойные комплексы и фактории. Дело в том, что игра сортностью, ограниченность бюджетных субсидий у факторий приводят к тому, что при сдаче на «уполномоченных» убойных цехах частники несут ощутимые потери (особенно при несвоевременности расчетов за сданную продукцию) и, естественно, этих пунктов при малейшей возможности сторонятся.

Проблемы и парадоксы ямальских оленеводов-личников типичны вообще для российских предпринимателей-физических лиц. Эффективной системы, стимулирующей и поощряющей созидательную предпринимательскую деятельность, во всей стране пока не создано. Государству не удается конструктивно взаимодействовать с новой экономикой физических лиц, гораздо лучше получается «рулить» и «нагибать» крупные корпоративные структуры различной формы собственности. В ответ предприниматели «голосуют ногами» и массово уходят в тень, в нелегальную, неформальную деятельность.

Особенность Арктики, арктического предпринимательства здесь состоит, во-первых, в колоссальной, просто лихорадочной скорости «увертывания» и «маневрирования» от официальных государственных указаний, с одной стороны (это у фронтальных предпринимателей); с другой стороны, быстром обучении новому искусству эксплуатации «амплитуд» мер господдержки в своих бизнес-интересах (это у «популярных» предпринимателей, завязанных на меры господдержки) – например, для части оленеводов стало своеобразным бизнесом так подстроить формат своей деятельности, чтобы вписаться в требования максимального количества мероприятий поддержки.

4. «Трагедия общественной собственности» в ямальском оленеводстве: миф или реальность?

Кажется интеллектуально очень соблазнительным свести многие современные проблемы частного ямальского оленеводства к модели «трагедии общественной собственности». Термин трагедии ресурсов общего пользования (commons) ввел Гарретт Хардин в 1968 году в статье для журнала Science [27].

Действительно, ситуация в ямальском оленеводстве вроде бы развивалась канонически по этой модели.

Сначала в общественном оленеводстве все было нормально, экологическая емкость (несущая способность ландшафтов пастбищ) соответствовала количеству домашних оленей, подрыва пастбищ не возникало. Потом, после разгосударствления и приватизации отрасли возникли оленеводы-частники со своими новыми стимулами к получению прибыли, даже ренты, которые по эффекту безбилетника или зайца бесплатно и нещадно, при слабом и неэффективном государственном регулировании этого процесса, эксплуатировали свободный для доступа общественный ресурс кормовых зимних и летних пастбищ быстрорастущим поголовьем своих личных оленей, что вызвало их быстрый подрыв (прежде всего зимних). Все рвут на себя, а вменить издержки «жадного» использования общего ресурса кому-то одному невозможно – все несут издержки перевыпаса, даже те, кто непосредственно не вносил свою лепту в создание этой проблемы (например, оленеводы-общественники). Реальные факты возрастающей конкуренции за пастбища (например, молодежь хочет отделиться от родителей, свой чум поставить, завести своих оленей, – вот вам и демографические причины перевыпаса), космические снимки «лунных ландшафтов» на месте бывших «цивилизованных» ягельников в центре полуострова Ямал вроде бы подтверждают эту теорию.

Однако при всей привлекательной простоте этой объясняющей теории, реальная ситуация в частном оленеводстве Ямала оказывается сложнее, и интерпретация проблемы перевыпаса только с позиций трагедии общественной собственности и, следовательно, обвинения в жадности оленеводов-личников, имеет ограничения. Перевыпас имел место и в советское время, например, в Чукотском автономном округе, когда еще никакого частного использования общей земельной собственности пастбищ не было и в помине.

Во-первых, на самом деле имеет место не хаотичная система пастбищ общей собственности, а сложившаяся система традиционного распределения участков/ регулирования пастбищ, которой придерживается большинство пастухов (лишь некоторые ее нарушают). Поэтому уже исходная посылка о том, что эти пастбища находятся в «общей собственности», не соответствует реальным практикам. Представление о частных оленеводах, как о хищниках, которые оголтело во имя наживы подрывают основы своего будущего благополучия, будет сильно противоречить всем тем природосовместимым ценностям, которые веками утверждались в фольклоре коренных народов Севера.

Во-вторых, перевыпас²⁰ и лунный ландшафт, наблюдаемое очагами явление подорванного ландшафта – это никак не однородный и тотальный феномен. Речь идет, наоборот, об очень поляризованном явлении, когда «спокойные» участки сочетаются с очень истощенными. Общеизвестно, что сверхнагруженные участки сосуществуют с недогруженными районами выпаса.

20 Нынешнее поголовье оленей в ЯНАО почти в два раза превышает расчетную оленеемкость [28].

В-третьих, нельзя видеть виновниками сложившейся ситуации односторонне оленеводов, потому что «прочие условия» в последние десятилетия не были равными: в этот период существенно, даже радикально ускорилось газопромышленное освоение севера Ямала, и это вызвало хозяйственное отчуждение части ранее используемых пастухами пастбищ.

Наконец, выскажем и общие соображения по этому поводу. Прямая связка «рост числа оленей – перевыпас пастбищ» очень упрощает природную реальность Ямала как типичной арктической территории. Эта связка навеяна аналогиями тотально управляемого и предсказуемого конвейерного процесса в виде стандартного животноводства, мясной фабрики, когда коровы и быки выпасаются в абсолютно контролируемой среде. Но ситуация в оленеводстве фундаментально другая! Здесь среда абсолютно нестационарна и слабо управляема человеческим воздействием. Это многофакторная реальность, в которой на состояние пастбищ влияет далеко не только выпас оленей. Работают климатические циклы, постоянные изменения погоды и климата [9]. Эти арктические системы – и в этом их фундаментальное отличие от природных систем умеренной зоны – высоко неравновесны, и найти здесь «простое» соответствие между количеством животных и емкостью пастбищ в стиле замкнутой фермы просто невозможно. И то, что это правильный подход, подтверждают уроки советского времени, когда вопреки арктической природной нестационарности вынашивались идеи создания здесь стационарной конвейерной большеобъемной переработки дикоросов, например. И всегда они терпели фиаско ввиду непредсказуемости год от года природной среды и урожая. Природная

цикличность очень мешала получать эффект экономии на размере, на масштабе операций, на которые были заточены эти индустриальные гиганты. Поэтому они так и оставались «соборами в пустыне».

Вообще в коллизии перевыпаса, в котором «виновны оленеводы», виден конфликт двух полярных видов знания – книжного и «живого», формального знания биологов и неявного знания оленеводов. Знание биологов – модели экологического равновесия, когда поголовье домашних оленей после высокоамплитудных колебаний «успокаивается» на определенном «гармоничном», устойчивом уровне. Знание оленеводов – непредсказуемость среды быстрых изменений и опора на интуицию, живое знание от конкретного места и времени. Это знание годами, десятками лет копится внутри семьи родственников, которые совместно выпасают стадо оленей. Трудно сделать носителем этого знания кого-то одного из них [19].

Конечно, самая конструктивная ситуация – это когда ни одно из этих знаний не доминирует в принятии политических решений, а имеет место интеграция двух видов знания, книжного и местного. И только решения с опорой на интеграцию знания будут устойчивыми и рациональными с точки зрения дальнейшего развития ямальского частного оленеводства.

Но концепция трагедии общественной собственности, приложенная к ситуации в ямальском частном оленеводстве, верна в одном: именно слабый государственный регламент стал катализатором быстро возникшей проблемы перевыпаса. Закон об оленеводстве ЯНАО является самым слабым с точки зрения экологических требований по сравнению с другими (табл. 7).

Таблица 7. Характеристика региональных законов по оленеводству с точки зрения силы экологических критериев

Критерии	Мурманская область	Магаданская область	НАО	Республика Саха-Якутия	ХМАО-Югра	Республика Коми	ЯНАО	ЧАО	Красноярский край	Камчатский край
1. Прописана ли возможность изъятия оленьего пастбища в случае нарушения правил его использования	Да (если нецелевое назначение)	Да	Да (нарушение олене-емкости)	Нет	Нет (но есть условия предоставления пастбищ)	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
2. Есть ли норма о необходимости соответствия численности оленеёмкости пастбищ, определенных по землеустройству	Да	Да	Да	Нет	Да	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
3. Есть ли норма восстановления нарушенного покрова и/или возмещения ущерба при ГРП и добыче полезных ископаемых	Да	Да	Нет	Да	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет

4. Запрет на движение механических транспортных средств в бесснежный период	Да (кроме выделенных трасс)	Да (кроме спасательных, медицинских, аварийных)	Да (кроме спецразрешений и аварийных и др.)	Да (кроме выделенных трасс)	Нет	Да (кроме спецразрешений Правительства)	Нет	Нет (наоборот, завоз важен)	Нет	Нет
5. Контроль оленеемкости - источники	Да (материалы земельного устройства)	Да (устанавливается Правительством области)	Да (Проекты внутрихозяйственного земельного устройства пастбищ)	Нет	Да (специально уполномоченный орган Правительства на основании научных рекомендаций)	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Сумма баллов	5	5	4	2	2	1	0	0	0	0

Ямальские проблемы оленеводства, связанные с перевыпасом, не уникальны для глобальной Арктики. Возьмем, например, норвежскую провинцию Финнмарк, в которой выпасается три четверти всех оленей страны (всего в Норвегии около 250 тысяч домашних оленей). Здесь тоже очень высокая пространственная концентрация использования пастбищ частными семейными хозяйствами, особенно зимних. Проблемы перевыпаса обозначились здесь еще в 1980-е годы. Меры государства, направленные на принуждение оленеводов сокращать свое личное стадо оленей, неэффективны – поголовье оленей растет, несмотря на ужесточение мер регулирования [29].

Во многих статьях норвежских исследователей подробно описывается расстановка сил и позиций вокруг проблемы перевыпаса. Оленеводы-саамы считают, что виноваты промышленники и ветропарки, что отчуждение пастбищ участниками хозяйственного освоения наряду с нерациональным размещением коралей и низкими ценами на мясо провоцируют перегрузку пастбищ. Позиция государственных органов состоит в том, что виноваты алчные частные оленеводы, которые раздули численность и тем самым спровоцировали перевыпас, что оленеводы должны сокращать поголовье [30].

Все это звучит очень похоже на ямальскую ситуацию. Как и на Ямале, очень мощным аргументом за «трагедию общественной собственности» являются спутниковые снимки лишайников – временные серии за 30 лет, которые научно обеспечивают лобовую логику «лишайников меньше – оленей больше, значит их меньше из-за оленей!» [31].

Однако более глубокие и многофакторные исследования свидетельствуют, что имеет место воздействие не одного, а целой гаммы факторов: климатические изменения, ценовая политика правительства, санитарное регулирование оленеводства и др. Совокупное действие этих факторов приводит к тому, что сами оленеводы имеют очень слабое влияние на развитие своей отрасли, что они не только не могут сами реализовать полноценно злой умысел урвать прибыль на своем бизнесе, но, наоборот, сами являются заложниками

значительных изменений в природных условиях и государственных ужесточениях в регулировании [9].

5. Что делать – вспоминая Э. Остром: предпринимательская модель, адаптивный коменеджмент, полицентричное управление

Подобно тому, как многие черты проявившейся в ямальском оленеводстве трагедии общественной собственности, с поправками на специфику, были уже давно известны и описаны в литературе, так и решения этих проблем, которые выходят за рамки чисто рыночных или чисто государственно-централизованных, также были детально описаны лауреатом Нобелевской премии по экономике Элином Остром в книге «Управляя общим» [18].

В этой книге Э. Остром охарактеризовала самоуправляемые институты распределения ресурсов общего доступа – общинного землевладения, прибрежного рыболовства, грунтовых вод, водных ресурсов ирригационных проектов, успешно существующие длительное время. Они вполне могут быть применены для решения проблем ямальского оленеводства. Важно, что эти механизмы опираются на уже состоявшуюся реальность ямальского личного, семейного оленеводства (и присущую этой модели опору на личный интерес, т.е. не требуют возврата к общественной собственности на оленей в той или иной форме), включают алгоритмы коллективного использования ограниченных ресурсов пастбищ на основании саморегулирования этого процесса самими участниками при поддержке государства.

В этой системе есть три краеугольных камня: 1) исходная ясность и определенность в постановке проблемы истощения пастбищ; 2) опора на коммуникацию между всеми участниками конфликта – оленеводами, недропользователями и государством; 3) курс на создание оленеводами своих собственных «ограничительных» институтов.

Первый блок, в свою очередь, конкретизируется в требованиях точности и достоверности информации (сегодня даже исходный показатель численности домашних оленей в разных информационных

источниках автономного округа отличается на 25-30% – личные семейные хозяйства во всех смыслах являются «невидимками», исчезающими из официального учета и регулирования); четко определенных границах проблемной области – важно определить, идет ли решение проблемы перевыпаса в пределах того ареала, где она остро обозначилась, т.е. на площади Тазовского, Ямальского и Приуральского районов, или в контуре всего автономного округа, с подключением южных лесотундровых районов, которые сегодня недозагружены по пастбищам, например, через увеличение дальности касланий). Очевидно, что эффективное решение возможно только при предельной соотнесенности с местными условиями, т.е. на путях признания колоссальной гетерогенности тундровых пространств Ямала и необходимости выработки для каждого его участка своего решения кризиса. Практика показывает, что если для благополучия есть общие рецепты, то пути выхода из кризиса специфичны для каждого. Например, каждый город кризисного немецкого Рура искал свой собственный выход, в одиночку, своим алгоритмом.

Второй блок эффективной и доверительной коммуникации отдает успех решения проблемы в руки посредников между властью и частными оленеводами, которые способны внятно понять и услышать и тех, и других. В разных странах такими посредниками выступают адвокаты, бывшие оленеводы, ставшие чиновниками или национальными лидерами, эксперты-консультанты от науки и др. Но не менее важны и такие посредники в среде самих оленеводов, между владельцами крупных и малых семейных хозяйств, между общественниками и личниками – ведь им требуется наложить системные ограничения на самих себя, принять на себя добровольные самоограничивающие обязательства. Опыт Норвегии свидетельствует о том, что там найти таких эффективных посредников в среде саамов-оленеводов и для коммуникации между саамами и государством не удалось, что и стало причиной неудач государственных мер по регулированию численности оленей. Конечно, в деле налаживания доверительной и открытой коммуникации между всеми участниками гигантскую роль играет учреждение и поддержание постоянно работающих форумов как эффективных площадок обмена мнениями и согласования позиций.

Третий блок постепенных институциональных изменений – вовлечения самих оленеводов в создание норм и правил для себя – означает появление в их среде нового вида институционального предпринимательства: людей, которые в состоянии предложить свои собственные институты надзора и санкций или изме-

нить действующие для контроля поголовья для их последующего закрепления государственными органами.

Идеальной схемой в ямальском оленеводстве является переход к принципам адаптивного самоуправляемого ко-менеджмента [32] с предоставлением самим оленеводам права принимать ключевые решения с учетом существующих ограничений. Это и будет реализацией идеи Э. Острома о полицентричном управлении, коллективном многоуровневом управлении сложными экологическими проблемами. Это в определенной степени близко к финско-шведской модели частного оленеводства. Конечно, перейти на такую модель существенно проще, когда цена вопроса ниже, когда невелико общее поголовье оленей и значимость вопроса сравнительно мала на фоне других общественных проблем. Но уже в северной Норвегии, где поголовье частных оленей существенно больше, перейти на эти принципы ввиду существования влиятельных политических интересов существенно труднее и пока не удалось.

6. Ошибка: поддержка оленеводства как отрасли, а не частного оленевода

Проблемы ямальского оленеводства, которые встали во весь рост в последние годы (сибирская язва, перевыпас пастбищ, неудачные попытки директивно стабилизировать численность домашних оленей, неэффективность системы экономической поддержки оленеводческих хозяйств и др.), честно признаются окружной властью: «Правовые нормы по регулированию численности домашнего оленя, установленные законодательством автономного округа, регулирующим отношения в сфере северного оленеводства, не работают (механизмы их реализации отсутствуют)»²¹.

Но возникает вопрос, в чем причина? Почему, несмотря на значительные бюджетные ресурсы, которые ежегодно выделяются на поддержку оленеводства в округе (а в округе есть для этого бюджетные деньги, в отличие от других «оленеводческих регионов» – и это даже играет с ним злую шутку, потому что возникает иллюзия, что простым распределением бюджетных ресурсов по различным направлениям развития оленеводства можно решить все его проблемы²²), проблемы отрасли усугубляются, и выйти в ней на решения, которые удовлетворяют самих оленеводов, не удается?

Представляется, что важнейшая причина заключается в том, что господдержка игнорирует состоявшиеся реалии возникшей новой уникальной модели частного, малого и среднего по размеру предпринимательского оленеводства, которое в округе среди всех северных регионов России доминирует в численности поголовья. Между тем, поддержка осуществляется, как если бы оленеводство по-прежнему было сложено немно-

21 Постановление Правительства ЯНАО об утверждении государственной программы Ямало-Ненецкого автономного округа «Управление окружным имуществом на 2014 - 2018 годы» от 13.03.2017 № 171-П).

22 Эрик Райнерт называет это «норвежским синдромом»: значительное увеличение «трансфертного комплекса», направленного на поддержку общественного оленеводства и частично оленеводов-частников. Речь идет о госпрограммах, штате чиновников, которые занимаются распределением выделенных средств по установленным критериям, и др. Оленеводы в этом случае до такой степени «накормлены с ложечки», что напрочь утрачивают всякие стимулы к саморазвитию и занятию подлинно предпринимательской деятельностью.

численными крупными общественными хозяйствами: в ней нет понимания новой природы малого предпринимательского хозяйства, которое фундаментально отличается от крупного по *мотивации* собственников, по их экономическому поведению, интересам, устремлениям, супермобильности и др. А их поддерживают, как если бы они были наемными работниками в бригадах крупных общественных хозяйств, без учета абсолютно других стимулов и мотиваций, которые они имеют теперь!

Это было бы не страшно, если бы частное оленеводство составляло мизер в доле поголовья, как во многих других регионах Севера. Но ямальский вызов для господдержки состоит в том, что здесь-то частное оленеводство доминирует, а поддержка по-прежнему заточена на отрасль, крупное хозяйство, в которой нет предпринимателя как ведущего теперь агента изменений в оленеводстве округа. Получается, что в поддержке есть вид деятельности, есть олень как субъект, принимающий деньги на развитие, но нет фигуры человека, предпринимателя, как важнейшего нового актора! В других регионах ситуация даже лучше, потому что там нет такого вызова, как на Ямале, создающего необходимость учитывать интересы нового появившегося частного оленевода, там их доля несущественна внутри отрасли.

Это проявляется, например, в предельной унификации/усреднении поддержки – как если бы все хозяйства были одинаковыми. Но на деле ведь это не так. Есть сильные и быстрорастущие хозяйства, есть слабые и даже иждивенчески настроенные частные хозяйства. Но поощрения сильных предпринимателей, готовых и желающих расти, за счет поддержки не происходит, она лишает всяких стимулов сильные хозяйства, которые в лучшем случае сторонятся вообще поддержки и/или уходят в тень, и пестует многие слабые и малые по численности хозяйства, в итоге подрывая конструктивную динамику развития отрасли в целом. Система поощряет покорных получателей субсидий и наказывает оленеводов с подлинно предпринимательскими амбициями.

Именно на Ямале провал государственной политики особенно ощутим, потому что в отрасли доминирует частное стадо, а формы и меры поддержки по сути своей старые. Господдержка направлена на сохранение инерционной траектории, в которой главными были крупные общественные хозяйства, но не поощрение формирования предпринимательской модели оленеводства (парадокс: личные олени есть, а рыночно ориентированной системы господдержки частных оленеводов на Ямале нет). Не получается поддержка личных оленеводов как субъектов предпринимательской экономики.

Между тем предприниматели как раз и отличаются от крупных общественных хозяйств тем, что сумасшедшим образом, очень быстро, подвижно, реагируют на институты власти! То, что в общественном хозяйстве

«переваривается» месяцы и годы, здесь мгновенно скачивается на предпринимателе и его хозяйстве – происходит уход в тень, переключение работы на другие рынки, изменение маршрутов касланий и др. Вот эта ультраподвижность частного хозяйства в его отклике на изменения институциональных условий, задаваемых мерами господдержки, окружной властью абсолютно не учитывается.

В этих условиях выход только один – «лепить» новые институты для кочевников-предпринимателей быстро, смотреть их реакцию, быстро совершенствоваться с учетом отклика. И только так, быстрым инициированием и потом последовательным совершенствованием можно добиться того, что оленеводы примут эти государственные институты и будут по ним жить, будут им подчиняться и легально выполнять те ограничения, которые они накладывают.

В прежней государственной модели общественного оленеводства не стояло задачи искать и подбирать новые институты, и сама эта модель была страшно инерционной, ситуация могла не меняться годами, и нормы и правила, по которым жили общественные хозяйства, тоже существовали «столетиями». Но вот с переходом к предпринимательской модели все изменилось, возникли новые стимулы, ситуация стала очень быстро меняться ввиду массового появления тысяч новых акторов в лице частных семейных хозяйств, а институты поддержки по-прежнему рассчитаны на «столетия», как если бы все осталось по-прежнему.

Одним словом, налицо конкретное противоречие «по Марксу», микромарксизм в действии: производительные силы уже совсем другие, другие акторы, другие мотивации, другие стимулы, самое главное – другая скорость изменений внутри отрасли, а производственные отношения в лице институтов, которые задают регуляторный каркас отрасли, изменились несильно и очень инерционны, не успевают за изменениями в поведении новых частных собственников. Результатом становится нарастающее противоречие «акторы-институты» и уход многих частных хозяйств в нелегальность, например, теневой пантовый промысел.

«Оленеводы-частники по сию пору лишены множества привилегий, которые есть у хозяйств и общин. По сути, если абориген, кочующий в тундре, не работает в хозяйстве и не имеет юридический статус, хоть того же индивидуального предпринимателя, то считается нетрудоустроенным. А значит, впоследствии будут проблемы и с получением трудовой пенсии... У общинников в отличие от частника преимущество и в очереди на сдачу мяса. Они включены в график забоя» (Альберт Сэрэтэтто из Ярсалинской тундры, руководитель общины «Я-Ерв»).²³

В оправдание окружной власти можно сказать, что и на федеральном уровне в целом, как показали наши исследования в период подготовки правительственного доклада по развитию предпринимательства в

23 Ямальских кочевников зовут в общины URL: <https://ks-yanao.ru/ekonomika/yamalskikh-kochevnikov-zovut-v-obshchiny.html> (дата обращения 24.08.2019)

Российской Федерации для Министерства экономического развития РФ, также недоучитывается особая природа малого предпринимателя не только с точки зрения размера бизнеса, но и с точки зрения фундаментально других мотиваций и стимулов, которые он в себе несет, и существенно переоценивается значение денежной поддержки при абсолютной недооценке информационной, институциональной, инфраструктурной. Просто «залить деньгами» проблемы предпринимателей не получается и в стране в целом.

В характеристике провалов экономической поддержки частного оленевода и частного оленеводства Ямала будем использовать материалы статьи специалиста по экономике оленеводства мирового уровня, талантливого норвежского экономиста Эрика Райнерта [9]. Во-первых, проблемы господдержки норвежского саамского частного оленеводства и ямальского частного оленеводства имеют много общего в своих недостатках; во-вторых, Э. Райнерту как мало еще кому среди экономистов удалось проникнуть в сущностную природу северного домашнего оленеводства как уникальной отрасли, требующей поэтому настройки специфического институционального каркаса. Унифицированные подходы к этой отрасли от просто животноводства, или от просто конвейерных технологий здесь не проходят.

Важнейшим и мощнейшим инструментом экономической поддержки всегда является цена, ценовая политика. В специфических условиях арктического домашнего оленеводства к ней предъявляются особые требования. Дело в том, что именно арктические, в существенно большей степени, чем даже северные, территории подвержены сильнейшим ежегодным циклическим колебаниям. Например, даже внутри Ямала амплитудность оленеводства в «высокой» Арктике существенно выше, чем на юге полуострова Ямал и на юге автономного округа.

Ключевой элемент экономики оленеводства – два разных вида экономического кризиса, которые создаются этими циклами – наверху и внизу этого цикла, кризиса недопроизводства и перепроизводства. Кризис недопроизводства возникает отчасти при трудной доступности зимних пастбищ, перепроизводства – при сверхблагоприятных условиях выпаса на пастбищах. Арктическое домашнее оленеводство отличается от обычного животноводства фермерского, «конвейерного типа» именно тем, что не может обеспечивать постоянство производства на протяжении долгого времени просто по естественным, природным ограничениям вечной арктической цикличности.

Ценовая политика обязана учитывать эту имманентную особенность отрасли: идеально, когда в периоды кризиса недопроизводства цена на оленину растет, а в периоды перепроизводства снижается. В реальности закупочная цена (и в Норвегии, и в России) устанавливается безотносительно этих природно-климатических циклов. В результате ценовая политика усугубляет воздействие негативных климатических колебаний вместо того, чтобы их ослаблять! Стабильность

цен, например, на говядину или свинину переносится в домашнее оленеводство, которое имеет сущностно другую, высоко циклическую природу производства.

Вместо нормального экономического института в виде цены на мясо реакцией на недопроизводство является увеличение социальных субсидий оленеводам, а цена при этом остается прежней: поголовье резко сократилось, цена прежняя, мяса сдали меньше, получили меньше дохода, но зато больше субсидий. В результате лишь возрастают проблемы и нестабильности внутри «кочевого» бизнеса.

Но в цене за оленину заключен еще один парадокс, который провоцирует нестабильность предпринимательской деятельности. Нормальное предпринимательство невозможно, если у оленевода нет права прямой поставки своей продукции на рынок. Но именно этого как раз многие, особенно бедные и зависящие от господдержки предприниматели в Норвегии и на Ямале как раз и лишены. По условиям господдержки они обязаны поставлять мясо на «уполномоченные» фактории и убойные комплексы, где им предлагается пониженная против условий нормального рынка цена. Государство частично компенсирует низкие закупочные цены и, соответственно, экономическое обнищание оленеводов социальными пособиями. Но к устойчивости их предпринимательской деятельности это не имеет никакого отношения! Она формируется только справедливой ценой.

Получается парадокс: зажиточные оленеводы, которые и так имеют относительную финансовую защищенность, еще больше ее укрепляют за счет того, что могут продавать мясо на нормальных городских рынках по справедливой цене, а бедные оленеводы, привязанные к господдержке, должны сдавать мясо на убойных комплексах и еще больше беднеть ввиду низкой закупочной цены.

Но вопрос можно поставить еще шире: бедные и средние по доходам оленеводы, которые ориентированы на господдержку, не имеют контроля над ключевыми процессами на рынке оленины – корализацией оленины, заготовкой мяса оленины и маркетингом оленины на продовольственных рынках в регионе и стране. То есть формально частные оленеводы уподобляются наемным работникам общественных хозяйств, которые также бесправны в вопросах собственности на произведенный ими продукт. Знакомство с опытом работы заготовительных кампаний и системой продажи оленины подтверждает, что у соседей Ямала нередко даже больше прав контроля своей продукцией, чем у ямальских частных оленеводов. И это неслучайно – когда отрасль не имеет такой роли и экономического значения, составляет ничтожную долю внутри сельскохозяйственного производства, ее участникам, частным акторам, дозволяется большая свобода. Когда же речь идет о нескольких тысячах тонн мясопродукции, то отдать ее сбыт в руки самих производителей государственным чиновникам уже труднее.

Главной мерой поддержки частного оленеводческого хозяйства на Ямале долгие десятилетия было дотирование отрасли в целом, а не произведенного мяса оленя. С одной стороны, она обеспечивала простоту отчетности, с другой стороны – создавала неверные стимулы наращивать поголовье для работы на теневом рынке пантов. Получается, что государство своими руками поощряло уход предпринимателей с легального местного рынка мяса на нелегальный азиатский рынок пантов. При этом официальной цены на сдаваемые панты у государства не было, то есть исходно весь этот рынок становился теневым, был отдан на откуп различным посредникам.

Конечно, учитывая множественность видов деятельности, которые ведет частное семейное оленеводческое хозяйство, правильнее было бы сделать главную субсидию на рубль добавленной стоимости от любого легального вида деятельности (производство мяса, пантов, рыбный промысел, пушной промысел, туризм и др.), или сначала приурочить поддержку к килограммам сдаваемого мяса.

Но можно сказать и еще мощнее – современная господдержка видит каждого оленевода «статистически», унифицированно, безотносительно размера стада, его структуры, местоположения, маршрутов калаша и др. Между тем, именно вот это разнообразие как внутри структуры стада оленей по полу (например, важность для сохранности стада быков и кастратов), возрасту, даже цвету, так и в техниках калаша пастуха-предпринимателя, создает критическую защиту от жестких природно-климатических рисков [9].

Критические для оленеводства ветеринарные услуги не учитывают современную капиллярную организационную структуру отрасли, сотканную из тысяч личных хозяйств. Значительно легче работать с крупными общественными хозяйствами и получать здесь эффект экономии на масштабе операций, экономить издержки. Но, как показал случай сибирской язвы, от того, что ветеринарный сервис не охватывает малые хозяйства, при начале эпидемии страдают и малые частные, и крупные общественные хозяйства.

Аналогично с остро необходимой племенной работой – за последние 20 лет средний вес ямальского оле-

ня уменьшился в полтора раза. Но невозможно вести племенную работу только в общественных хозяйствах, а как организовать ее среди тысяч личных хозяйств – не определено никаким нормативным актом округа.

Многие меры господдержки частного оленеводства, чтобы быть успешными, должны предусматривать возможность общих, коллективных действий со стороны кочевых предпринимателей (а не только госорганов), например, при пожарах на пастбищах, или при нападении волков, при ветеринарной работе, при поддержке племенного оленеводства и др. Сегодня поддержка отрасли, которая в неявном виде инерционно сохраняет прежние подходы, обращенные на крупные общественные хозяйства, как бы по умолчанию исходит из предпосылки внутреннего единства всех предприятий, единого рынка труда отрасли, единой кадровой политики и др. Но на самом деле этого единства нет, и за его воссоздание в виде согласованных коллективных действий тысяч частных хозяйств нужно еще побороться, его нужно обеспечить! Налаживание коллективных действий означает поощрение кооперации частных хозяйств в общей потребности в сбыте, сервисе и др. Пока таких государственных усилий нет.

На фоне провалов экономического стимулирования частных оленеводческих хозяйств «правильными» новыми институтами, социальная сторона поддержки семей оленеводов получается очень хорошо. Например, в общей структуре доходов семей предпринимателей-оленеводов Ямальского района доля социальной поддержки всех видов составляет более 45% (табл. 8). В соответствии с законодательством о гарантиях и правах народов Севера, семьи оленеводов пользуются всеми видами государственной поддержки, и даже щедрее, чем в других оленеводческих регионах. В округе есть «кочевые» - ежемесячное пособие лицам из числа КМНС, ведущих кочевой образ жизни; компенсационные выплаты за детей, не посещающих детский садик; органы местного самоуправления оказывают тундровикам нематериальную помощь в виде непродовольственных товаров (печки, сукно, брезент, генераторы, и др.), завозят дефицитные дрова и др.

Таблица 8. Общая структура доходов семьи оленеводов Ямальского района ЯНАО, % [22]

Вид дохода	Удельный вес
От хозяйственной деятельности	54,0
Мясо оленя	22,1
Подсобное хозяйство	16,3
Реализация пантов	9,5
Костяные рога	6,3
Социальная поддержка всех видов	45,8
Пенсионные выплаты	17
Социальная выплата (кочевые)	11,8
Товарно-материальная помощь	8,5
Социальная выплата (на детей, не посещающих дошкольное учреждение)	7
Социальная выплата (детские и другие пособия)	1,5

Интересно сравнить поддержку ямальского частного оленеводства со скандинавским опытом (Швеция, Финляндия, Норвегия) – признавая одновременно уникальность Ямала и с точки зрения прежнего советского опыта тотального обобществления оленеводства и современное его лидерство в заполярном мире по числу частных домашних оленей. Внутри трех скандинавских стран саамского частного оленеводства четко обособляются, с одной стороны, Финляндия и Швеция; и с другой – Норвегия, которая имеет самое больше поголовье домашних оленей.

Как это часто бывает, поддержка саморегулирования и самоуправления, децентрализация в вопросах принятия решений по приоритетам и конкретным мероприятиям обнаруживается вовсе не в стране самого многочисленного поголовья, а, наоборот, в Финляндии и Швеции (можно сказать, что существует как бы обратная зависимость: там, где меньше поголовье, там предприниматели-олeneводы имеют и больший контроль в развитии отрасли). В Норвегии отрасль характеризуется предельной зарегулированностью и полным отсутствием саморегулирования «снизу», со стороны самих оленеводов.

Финско-шведская модель поддержки характеризуется минимальным порогом по численности, с которого оказывается помощь (300 оленей на юге и 500 оленей на севере). Например, в Швеции ценовая поддержка за убитого животного может достигать до 20% чистого дохода от реализации оленины. Оленеводы здесь получают компенсацию за травеж животных волками, другими хищниками, потери от автомобилей и за загрязнение пастбищ атрибутами промышленной деятельности. Сами оленеводы владеют коралями (проводят убой), то есть имеют контроль в критических элементах цепочки добавленной стоимости [20].

С другой стороны, норвежская модель поддержки масштабнее, но и степень зарегулированности частного оленевода-получателя помощи здесь существенно выше. В отличие от Финляндии и Швеции, здесь установлен не «пол» численности, с которого оказывается поддержка, а «потолок», когда она прекращается (что

бы стимулировать уменьшение поголовья как способ борьбы с перевыпасом). С 1977 года ведутся ежегодные переговоры по уровню и условиям субсидирования, которые постоянно меняются (поэтому сама настройка предпринимателя-олeneвода на новые правила становится выгодным бизнесом).

Здесь созданы различные структуры «опеки» частных оленеводов, например, специальные фирмы, которые занимаются убоем оленей и получают на это субсидии, фонд развития оленеводства для проведения НИОКР в отрасли, ассоциация оленеводов. Однако на деле эти организации отражают не голос и интересы независимых предпринимателей-олeneводо, а фактически на деле являются просто подразделением министерства сельского хозяйства страны [9].

7. Новая модель оленеводства Ямала: малый бизнес как главный агент изменений

Во время нашего анкетирования частных оленеводов Ямала зимой 2017 года оленеводам частных и общинных хозяйств Ямальского, Приуральского, Надымского, Пуровского районов предлагалось заполнить анкету, в которой был вопрос: «У Вас есть ощущение, что ямальское оленеводство находится на пороге очень радикальных перемен или Вы считаете, что ситуация вполне благополучная и напряженность нагнетается прессой и учеными?» Большинство наших респондентов ответили, что да, у них есть ощущение грядущих перемен. Из ответов оленеводов-респондентов на вопрос: «На Ваш взгляд, как должна выглядеть новая модель организации ямальского оленеводства?», оцениваемые по 5-ти бальной шкале варианты включали широко обсуждаемые в автономном округе «пути спасения» оленеводства. Среди ответов 20 руководителей оленеводческих хозяйств можно четко выделить две позиции: надежды на возврат советской огосударственной модели (меньшинство) и курс на дальнейшее развитие предпринимательской модели, потенциала частного малого и среднего бизнеса в ямальском оленеводстве (табл. 9).

Таблица 9. Основные, получившие наибольшее количество баллов, предложения по новой модели ямальского оленеводства

Возврат к советской модели	Предпринимательская модель
Больше крупных общественных хозяйств и меньше частных.	Больше частных оленеводческих хозяйств и меньше общественных
Больше опытных племенных хозяйств, средних по численности поголовья оленей, в которых «эталон» поддерживается	Укрепление институтов страхования в частном оленеводстве
Сделать ставку на общину как ядро частного оленеводства в округе, которая как сеть консолидирует семейные частные хозяйства одного района.	Дифференцированная система господдержки: учет, в какой фазе жизненного цикла находится конкретное частное оленеводческое хозяйство (роста, стабилизации численности, спада), размера личного хозяйства – крупное или малое
	Свобода реализации оленины и ее маркетинга полностью в руках самого оленевода, который в городе реализует ее на свой страх и риск на сельскохозяйственных рынках
	Больше нагрузка в доходе на традиционные промыслы (рыбный, пушной), туризм, чтобы диверсифицировать источники дохода и сократить риски чисто оленеводческого хозяйства.
Добровольные обязательства каждого хозяйства сокращать поголовье ежегодно в районах «перевыпаса».	
Увеличение дальности каланий с выходом в лесотундровую зону. Вместо количественного наращивания поголовья - качественное улучшение структуры стада и повышение продуктивности каждого оленя. Для сокращения поголовья оленей на Ямале необходимо приобретать и устанавливать на путях калания мобильные мини-цеха по переработке мяса.	

Наряду с этим, звучали и общие предложения, которые могут быть инкорпорированы при любой модели хозяйствования и имеют «общечеловеческий» характер (внедрять новые технологии, брать курс на интенсификацию развития отрасли, принимать добровольные обязательства по сокращению стада и др.).

Один из авторов вспоминает 1980-е годы накануне кризиса колымской россыпной золотодобычи. Тогда тоже просто в воздухе висела растерянность среди умных экспертов – горняков, геологов, технологов, которые все говорили, что отрасль подошла к технологическим, экологическим, экономическим пределам переработки горной массы, что дальнейшее экстенсивное наращивание объемов переработки просто невозможно по естественным причинам ограниченного безморозного периода, и что при постоянном снижении среднего содержания золота в песках это означает будущий неизбежный обвал объемов добычи и невыполнение государственных планов. Ситуация разрешилась неожиданным образом – поменялись не отдельные элементы внутри существующей системы, нет, с переходом от нескольких крупных ГОКов к десяткам и сотням недропользователей рухнула вся организационная структура отрасли и произошел резкий, давно назревший, но десятилетия откладываемый, переход к разработке рудных месторождений.

Есть уверенность, что радикальные изменения внутренней структуры в ямальском оленеводстве, которые привели к появлению тысяч малых и средних частных семейных хозяйств – вместо ранее существовавшего десятка крупных совхозов – еще далеки от завершения и подлинной смены моделей пока не произошло именно потому, что поддержка сейчас никак не поощряет развитие предпринимательства в отрасли, не учитывает уже состоявшийся феномен возникновения сотен и тысяч кочевников-предпринимателей. Ямал сегодня проходит мимо тех новых эффектов и тех новых возможностей, которые дает отрасли возникновение новой частной модели организации домашнего оленеводства, с включением предпринимательской энергии, новой динамики и новых стимулов экономического поведения пастухов (когда пастухов-предпринимателей лучше обеспечивать удочкой, а не рыбой).

И получается, что потенциал прежней радикально обобщественной модели исчерпан, но и резервы новой предпринимательской модели не включены. И отрасль «застыла» в самом плохом этом промежуточном состоянии.

Новая предпринимательская модель развития домашнего оленеводства Ямала опирается прежде всего на малый семейный бизнес как главный актер позитивных преобразований. Ему органично соответствуют новые конфигурации главного ресурса оленеводства – пастбищ, которые в последние десятилетия под влиянием резкого роста поголовья и нарастания масштабов хозяйственной

деятельности, наступления лесных ландшафтов на север, на тундровые, стали более мелкоконтурными, очаговыми. Монотонный ландшафт пастбищ превращается в очаговый, пятнистый. Но это означает, что признание правоты мало- и среднестадного оленеводства подкрепляется не только произошедшими институциональными преобразованиями, но и ландшафтно-климатической динамикой.

Прежняя «вертикально-интегрированная» модель организации обобщественной отрасли сменяется на сетевую, децентрализованную, с огромной ролью не директивных команд из центра, которые как линию партии непременно нужно претворять в жизнь, но горизонтальных перетоков знания, опыта, подхватывания передовых практик друг у друга, коллективного обучения всех соседних частных хозяйств, которые совместно сталкиваются с вызовами сильнейших температурных амплитуд и быстрой ландшафтной динамики (изменений структуры и площадей лишайников).

Для полноценного раскрепощения новых эффектов, которые несет предпринимательская модель организации оленеводства, нужно признать и рассматривать оленеводство как полноценный, настоящий, а не игрушечный бизнес. Значит, нужно сделать ставку на предпринимательскую энергию. А это означает децентрализация права принимать ключевые решения вниз, в сами семейные частные хозяйства, и увидеть в маневрах собственностью (от общественной к частной) важный потенциал роста и развития отрасли.

Наши респонденты позитивно восприняли предложение по маневру структурой собственности, когда округ создает общественное оленеводческое хозяйство, потом, после его выхода на устойчивую траекторию, отдает его в руки опытному частнику, которое сохранилось в одном из вопросов нашей анкеты: «Стоит подумать, но пока такого опыта не было». И по другому вопросу, связанному с поддержкой создания новых стартапов с участием бывших оленеводов, которые потеряли своих оленей и стали вынужденными промысловиками, тоже позиция респондентов была позитивной: полезно поддержать возвращение бывших оленеводов к своим прежним занятиям.

И, как свидетельствует местная пресса, такие меры уже обсуждаются: «ямальские парламентарии предложили вместо выделения субсидии оленеводам-частникам, наиболее пострадавшим от падежа оленей, купить оленье стадо. Мы посчитали, что для того, чтобы начать все с чистого листа, нужно иметь минимум 150 голов. Люди смогут продолжить традиционный образ жизни, будут заняты делом и, принимая участие в забойных кампаниях, будут поддерживать государственную политику по развитию сельского хозяйства. Это обойдется не дороже, чем переселять людей на новое место, строить им дома»²⁴.

Контуры новой предпринимательской модели продолжают формироваться на Ямале. И если в вопросах самих предпринимателей, их мотиваций, экономическо-

24 Тундровикам, потерявшим всех оленей, нужно купить стадо URL: <https://ks-yanao.ru/vlast/tundrovikam-poteryavshim-vsekh-olenev-nuzhno-kupit-stado.html> (дата обращения 28 августа 2019 года)

го поведения, стимулов, на которые они остро и быстро реагируют, все уже достаточно ясно, то вот в отношении позиции государства можно сказать, что она еще не сформирована, ее попросту пока нет – за исключением острого декларируемого желания сократить поголовье домашних частных оленей и через это выйти на решение проблемы отрасли. Но на самом деле решения здесь не будет, наоборот, меры спровоцируют дальнейший кризис всего окружного оленеводства: каток жесткого регулирования может повлечь либо массовый уход в нелегальность (что уже происходит), либо отказ от занятия частным бизнесом, который стал объектом грубого директивного вмешательства. А это как минимум на первом этапе только значительно усугубит уже драматичные проблемы отрасли.

Что касается перевыпаса, то здесь нет одного линейного решения – речь должна идти только о системном пакете мер, в котором каждый участник проблемы несет свои риски и ответственность (промышленники, оленеводы, государственные службы управления земельными ресурсами и регулирования оленеводства). Будет аморальным возлагать решение проблемы перевыпаса только на самого политически слабого участника конфликта – на оленевода-частника.

Заключение

1. Арктическое предпринимательство – очень специфичный феномен, который скорее опровергает, чем подтверждает основные постулаты теоретических представлений и эмпирических обобщений экономического мейнстрима. В этом направлении никак нельзя робеть и держаться за доминирующие взгляды и позиции – нет, нужно создавать свои собственные!

В данной работе мы как раз и попытались это сделать, на примере предпринимательства кочевников-оленеводов Ямало-Ненецкого автономного округа, мощно состоявшегося в последние 30 лет, но как бы невидимого для основной массы антропологов, экономистов, социологов и др., которые предпочитают изучать феномен домашнего оленеводства и оленеводов, как если бы ничего не произошло радикального в начале 1990-х годов. Мы же как раз считаем, что произошло, и это – радикальное изменение отношений собственности в ямальском домашнем оленеводстве, которое повлекло радикальные же изменения стимулов, мотиваций оленеводов-собственников. Не видеть этого нельзя, более того, всю дальнейшую траекторию развития оленеводства автономного округа нужно выстраивать, исходя из этой состоявшейся реальности, а не по-страусиному закрывая на нее глаза.

Но что дает нам право считать кочевников, владельцев домашних оленей, типичными арктическими предпринимателями? Ведь наши коллеги за рубежом, наоборот, всячески подчеркивают различия предпринимательства аборигенного, этнического, «обыкновенного» и переселенцев-мигрантов на Север и в Арктику.

У нас есть несколько аргументов за органическое единство кочевого и обыкновенного предпринимательства в Арктике. Более того, мы считаем, что именно из ко-

чевого предпринимательства правильно будет выводить и считать типовые, «родовые», черты арктического предпринимательства и его фундаментальные отличия от «материкового».

Во-первых, многодесятилетний опыт исследований проблем Арктики и Севера убеждает нас в их исключительных особенностях, которые не могут сводиться к «некоторым исключениям», но на самом деле являются фундаментальным отрицанием канонов «материка» в вопросах действующих экономических эффектов, ценностей и стереотипов поведения местных сообществ, ритмов и укладов общественной жизни, всей пространственно-временной организации «материи», как сказали бы в советское время. И вот это единство инаковости, безусловно, присутствует и в аборигенном, и в рядовом предпринимательстве как принципиально нерыночном феномене. А в плотно и давно освоенных районах, как известно, предприниматель выступает как важнейший агент конкуренции. Иначе говоря, можно искать отличия между первым и вторым, но крупнее и справедливее будет видеть общие отличия и того, и другого от материкового предпринимательства.

Во-вторых, неразумно проводить китайскую стену между предпринимательством коренных жителей и предпринимательством переселенцев. Это выглядит как проявление шовинизма наоборот: так боялись обвинений в политической некорректности в отношении коренных жителей, что в итоге записали их в научную резервацию, для специального изучения, и полного отчуждения от уже открытых и действующих арктических особенностей, арктической специфики. Наоборот, нужно по коренным жителям сверять арктическую специфику, видеть в них наиболее сильное ее проявление и искать аналогичные черты арктической специфики и в других, не-аборигенных, феноменах арктической жизни. Исследовательская правда жизни состоит в том, чтобы одновременно с уважительным признанием специфики аборигенов Арктики, не позволить ему остановить конструктивное изучение аборигенных жителей как составной части арктических социальных экосистем.

В-третьих, ситуация в ямальском домашнем оленеводстве настолько комплексно сложная и само оно является экспериментом мирового масштаба с точки зрения масштабов получившего развитие частного оленеводства (потому что ни норвежское, ни финское, ни шведское частное саамское оленеводство не может состязаться с ненецким по размеру и по пространственному охвату; так и в России нет больше частных аналогов), а весь основной поиск оптимальных решений идет до такой степени вне признания его типичным арктическим предпринимательством, что будет конструктивно и правильно, наоборот, вернуть дискуссию о поисках решений в русло именно предпринимательской модели и ее возможностей и ограничений, а не чего-либо еще (например, экологических в духе изменений климата или антропологических концепций изучения домашнего оленеводства, которым посвящена львиная доля литературы по ямальскому оленеводству, но которые фатально

не дают и даже не приближают к ответу на вопрос «что делать?»).

2. Экономика частного (семейного) кочевого хозяйства зависит от системы отношений внутри и с внешним миром. Внутри – это означает между поколениями оленеводов одного домохозяйства, между оленеводством и промыслами, туризмом, другими активностями, которые может поддерживать частное кочевое хозяйство. С внешним миром – это отношения с ресурсными компаниями и их персоналом, с региональной и местной властью (по вопросам поддержки), с соседними частными семейными хозяйствами, с факториями и другими рынками сбыта в лице торговых структур и конечных потребителей в ближайших населенных пунктах.

Эта система отношений претерпевает сезонные и погодные колебания, которые зависят от природно-климатических условий, от смены команд окружной и местной власти, демографической динамики кочевого хозяйства и других факторов. В зависимости от ценностей и модели поведения кочевого предпринимателя эта система может быть ориентирована либо на рост реального дохода домохозяйства (расширенное воспроизводство), либо на стабилизацию (простое воспроизводство). В любом случае важно, чтобы она не подрывала будущих основ жизни и экономики кочевого домохозяйства, обеспечивала его выживание и жизнестойкость в условиях турбулентных внешних изменений.

3. Современная проблема частного оленеводства Ямала – это чисто институциональная проблема! Дело в том, что государственная поддержка и регулирование не учитывают состоявшихся реалий перехода к предпринимательской модели оленеводства, по-прежнему ориентированы на то, чтобы помогать всем хозяйствам как если бы они были общественные и крупные. Но мотивации у частных хозяйств совсем другие! Вот почему действующая поддержка, не учитывающая этих реалий и новых стимулов частных оленеводческих хозяйств, не решает проблемы отрасли, а наоборот, провоцирует их возникновение, например, рост поголовья и проблемы перевыпаса пастбищ.

Вместо прежнего централизованного бюрократического менеджмента отрасли акцент должен быть поставлен на самоорганизацию оленеводческих хозяйств «снизу», на обратную связь от них в отклик на решения «сверху», на децентрализацию практики принятия ключевых решений, с существенно большим допуском к ним самих оленеводов и **большим** доверием к неявному знанию самих пастухов, которое последние годы активно замещается знанием биологов и чиновников от региональной администрации. Но эти знания должны усиливать, а не замещать в конкуренции одно другое!

От модели предельно детализированной и постоянно меняющейся по формам поддержки нужно перейти к модели самоуправяемого оленеводства с предоставлением самим оленеводам права принимать ключевые решения (финско-шведского типа), чтобы к непредсказуемости природной среды Арктики не добавлялась непредсказуемость чиновников региональной администрации. Это

важно по крайней мере для той части оленеводов-предпринимателей, которая, как показали наши опросы, сориентирована преимущественно не на саморазвитие, а на получение существенных объемов господдержки.

4. Современный кризис ямальского оленеводства, который проявляется в растущей амплитудности ежегодного поголовья домашних оленей (в результате природных и социальных катаклизмов) свидетельствует о растущей неустойчивости развития отрасли и требует ответственности и определенности позиции чиновников региональной власти. Вот именно для них мы хотим четко обозначить безальтернативность выбранной предпринимательской модели и необходимость опираться сегодня именно на нее в развитии отрасли.

Вместо ежегодного предоставления «рыбы» социальной поддержки оленеводческим частным хозяйствам гораздо более эффективно обучать их владеть «удочкой» навыков кочевого бизнеса, арктического предпринимательства. Окружное оленеводство должно строиться снизу (нужно перевернуть пирамиду), от атомарного предпринимательского хозяйства и его укрепления как основы, нового станового хребта развития отрасли. Нужно дать оленеводам право самим осуществлять самостоятельный сбыт продукции на ближайших рынках, чтобы у них возникали стимулы ответственного предпринимательства, а не наемного работника совхозного типа. Нужно искать решения на путях не подавления, а укрепления импульсов предпринимательства у кочевого оленеводческого хозяйства ненцев. Именно такую форму должно принять частно-государственное партнерство в отрасли.

При этом нужно понимать, что обе крайности не обеспечат одоление кризиса: ни предельная зарегулированность отрасли по советскому типу или по современному норвежскому варианту, ни полная рыночная стихия – оленеводство в ней тоже не сможет устойчиво существовать, в этом особенность Арктики и ее природной и социальной цикличности. Для Ямала поиск компромиссного сосуществования государства и рынка тем более важен, что здесь в отличие от саамского частного оленеводства Норвегии, Финляндии или Швеции ситуация осложняется мощным и растущим присутствием нефтегазовых компаний и объектов дорожно-транспортной инфраструктуры на традиционных пастбищах. Поэтому именно здесь остро нужны гибридные формы государственно-рыночного сосуществования, аналогичные тем, которые были найдены для нефтяной отрасли в штате Аляска («руки прочь» плохо, но и всеохватывающая рука государства тоже не решение).

Финансирование

исследования осуществлялось по гранту РФФИ № 16-46-890363 р_а «Арктическое предпринимательство как фактор устойчивого развития Ямало-Ненецкого автономного округа» и гранту РФФИ № 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»

Литература

1. Audretsch D., Thurik A. What's new about the new economy? Sources of growth in the managed and entrepreneurial economies// *Industrial and Corporate Change*. March 1. 2001. Vol. 10. Iss. 1. P. 267-315.
2. *International Handbook of Research on Indigenous Entrepreneurship*. Edited by Léo-Paul Dana. Edward Elgar. 2007. 640p.
3. Dana Leo Paul, Dana Teresa E., Anderson Bob. A Theory-based Empirical Study of Entrepreneurship in Iqaluit, Nunavut// *Journal of Small Business and Entrepreneurship* 18, no 2 (Spring 2005): pp. 143–152.
4. Dana, Leo Paul. Entrepreneurship in a Remote Sub-Arctic Community: Nome, Alaska// *Entrepreneurship: Theory and Practice*, 1995, 20 (1), Fall, pp. 55-72.
5. Пилясов А.Н. Природа арктической экономики// Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. д.э.н, проф. В.С. Селина, д.э.н., проф. Т.П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е.П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е.Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. 420 с.
6. Heikkinen, Hannu Ilmari (2006), "Neo-Entrepreneurship as an Adaptation Model of Reindeer Herding in Finland," *Nomadic Peoples* 10 (2), pp. 187-208.
7. Деттер Г.Ф. Экономика северного оленеводства Ямала: проблемы и возможности// *Научный вестник ЯНАО*. 2017. № 4 (97). С. 4-16.
8. Южаков А. А. Северное оленеводство в XXI в.: генетический ресурс, культурное наследие и бизнес.). *Арктика: экология и экономика* № 2 (26), 2017. С. 131-137.
9. Reinert, E. 2006. The economics of reindeer herding: Saami entrepreneurship between cyclical sustainability and the powers of state and oligopolies. *British Food Journal* 108, № 7, pp. 522–540.
10. Предварительные итоги ВСХП-2016 Том. 2. Субъекты Российской Федерации. Поголовье северных оленей в хозяйствах все категорий на 1 июля 2016 года, тыс. голов. С. 786-787: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/vsxp2014/vsxp2016.html
11. Анализ социологической и статистической информации по исследованиям кочевого населения из числа коренных малочисленных народов Севера (КМНС) на территории ЯНАО: рукопись / Департамент информации и общественных связей Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2005. 252 с.
12. Heikkinen, Hannu Ilmari (2006), "Neo-Entrepreneurship as an Adaptation Model of Reindeer Herding in Finland," *Nomadic Peoples* 10 (2), pp. 187-208.
13. Головнев А. В., Лезова С. В., Абрамов И. В., Белоруссова С. Ю., Бабенкова Н. А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: «Издательство АМБ», 2014. 232 с.
14. Арзютов Д.В. Связывая вещи, животных и людей: к социальной топологии ненецких узлов. «Археология Арктики» (Салехард, 2017. Вып.4).
15. Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России. Информационно-аналитический обзор. Том 1. СПб. 2004. 182с.
16. Зуев С.М, Кибенко В.А., Сухова Е.А. Отчет по итогам зимней экспедиции по Ямальскому району Ямало-Ненецкого автономного округа (Панаевская и Ямальская тундры) Салехард. 2017. 82с.
17. Клоков К.Б., Хрущев С.А., Моисеева В.М., Петина О.В. Кочевое оленеводческое население: оценка возможностей этносоциальной адаптации и развития. Этногеографические исследования. Вып. 1. 1996. 28с.
18. Остром, Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 447 с.
19. Reinert Erik S., Aslaksen Iulie, Eira Inger Marie G., Mathiesen Svein, Reinert Hugo & Turi Ellen Inga. Adapting to Climate Change in Reindeer Herding: The Nation-State as Problem and Solution. *Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics* № 16. January 2008. 40 p.
20. Dana Leo Paul, Riseth Jan Age. Reindeer Herders in Finland: Pulled to Community-based Entrepreneurship and Pushed to Individualistic Firms. *Journal of Small Business and Entrepreneurship*. 2010+ P.1-23.
21. Баумоль У. Микротеория инновационного предпринимательства. М.: Издательство института Гайдара. 2012.
22. Социально-экономические факторы жизнедеятельности и социальное самочувствие коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, ведущих традиционный образ жизни (Ямальский район) : отчет о НИР, Том I – Социологическое исследование (заключительный): 130/1, рукопись / ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» ; рук.: В. А. Кибенко; исполн.: С. М. Зуев, Е. А. Сухова. Салехард, 2017. Салехард, 2017. 101 с. Инв. №110230000000135
23. Социально-экономические факторы жизнедеятельности и социальное самочувствие коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, ведущих традиционный образ жизни (Тазовский район) : отчет о НИР, Том I – Социологическое исследование (заключительный): 142/1, рукопись / ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» ; рук.: В. А. Кибенко; исполн.: О. В. Рябова, Е. А. Сухова. Салехард, 2017. 114 с. Инв. № 110230000000148
24. Acs Z. Jaffe-Feldman-Varga: The Search for Knowledge Spillovers. A. Varga. Ed. *Universities, Knowledge Transfer and Regional Development*. Edward Elgar. Cheltenham. UK. MA USA. 2009. P.36-56.
25. Pelto Pertti J., Müller-Wille Ludger "Reindeer Herding and Snowmobiles: Aspects of a Technological Revolution// *Folk* 1972/3, 14-15, pp. 119-144.

26. Peltó, Pertti J. The Snowmobile Revolution: Technology and Social Change in the Arctic, Menlo Park, California: Cummings. 1973.

27. Hardin, Garrett. The tragedy of the commons. Science, 1968. 162, pp.1243-1248.

28. Зуев С.М. Оленеводство в Ямало-Ненецком автономном округе: перспективы и проблемы// Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2015. № 3 (88). С.103-107.

29. Johnsen Kathrine Ivsett. The paradox of reindeer pasture management in Finnmark, Norway URL: <https://www.arcticinfo.eu/en/features/112-the-paradox-of-reindeer-pasture-management-in-finnmark-norway> (дата обращения 28.08.2019)

30. Benjaminsen Tor A., Reinert Hugo, Espen Sjaastad & Mikkel Nils Sara (2015): Misreading the Arctic landscape: A political ecology of reindeer, carrying capacities, and overstocking in Finnmark, Norway, Norsk Geografisk Tidsskrift - Norwegian Journal of Geography. P.1-12.

31. Behnke, R.H. Equilibrium and non-equilibrium models of livestock population dynamics in pastoral Africa: Their relevance to Arctic grazing systems. Rangifer. 2000.20, pp.141-152.

32. Adaptive co-management: collaboration, learning, and multi-level governance. Ed. by Derek Armitage, Fikret Berkes, Nancy Doubleday. UBC Press. 2010. 360p.

Сведения об авторах:

Пилясов Александр Николаевич, в 1984 году с отличием закончил географический факультет ЛГУ, в 1987 году - аспирантуру кафедры экономической географии. Тема кандидатской диссертации «Эколого-географическое исследование населения Колымо-Магаданского промышленного района». Доктор географических наук. Автор более сотни научных работ, в том числе десяти монографий по вопросам социально-экономического развития регионов российского и зарубежного Севера, теории и методологии современной региональной науки, институциональным факторам регионального развития, креативному потенциалу российских региональных сообществ. Профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В.Ломоносова, генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга». E-mail: pelyasov@mail.ru

Кибенко Валерий Александрович, научный сотрудник сектора культурной антропологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», младший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала ФНИСЦ РАН, Ямало-Ненецкий автономный округ, руководитель Ямальской социологической лаборатории (совместная лаборатория ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» и ФНИСЦ РАН). E-mail: v.a.kibenko@ya.ru

КЛИМАТИЧЕСКИЙ ТРАССЕР - ЧЕРНЫЙ УГЛЕРОД НА ПОЛЯРНОМ КРУГЕ

CLIMATE TRACER - BLACK CARBON IN THE POLAR CIRCLE

Аннотация. Антропогенное воздействие на климат Арктики становится все более очевидным. В апреле-августе 2019 проведены измерения массовой концентрации короткоживущего климатического трассера - черного углерода на аэрозольном инструментальном комплексе, установленном вблизи г. Салехард. Впервые определены концентрации черного углерода, эмитируемого транспортом и городским хозяйством города, в шлейфах промышленных эмиссий топливно-энергетического комплекса ЯНАО и во время лесных пожаров в июле 2019 г. Анализ концентраций по секторам, определяемым расположением источников эмиссий аэрозолей горения, выделяет пять направлений: наиболее чистое юго-западное, наиболее загрязненный сектор - город Салехард, арктический сектор полуострова Ямал, крупнейший промышленный комплекс ТЭК на востоке ЯНАО, промышленный комплекс на юге ЯНАО и ХМАО. Среднемесячные концентрации черного углерода BC_{cp} в атмосфере ~ 25 нг/м³ определили чистые фоновые значения, эмиссии ТЭК приводили к трехкратному увеличению BC_{cp} , эмиссии г. Салехард в среднем достигали 161 нг/м³. Во время лесных пожаров на Полярном круге средняя концентрация черного углерода в направлении районов интенсивных пожаров возрастала более чем в семь раз.

Abstract. The anthropogenic impact on the climate of the Arctic is becoming increasingly evident. In April-August 2019, the mass concentration of the short-lived climate tracer - black carbon was measured on an aerosol instrument complex installed near Salekhard. For the first time, the concentrations of black carbon emitted by transport and urban economy of the city were determined in the plumes of industrial emissions of the fuel and energy complex of the Yamal-Nenets Autonomous District and during forest fires in July 2019. Analysis of concentrations in sectors determined by the location of sources of combustion aerosol emissions identifies five areas: the cleanest southwest, the most polluted sector – the city of Salekhard, the Arctic sector of the Yamal Peninsula, the largest fuel and energy complex in the east of the Yamal-Nenets Autonomous District, the industrial complex in the south of the Yamal-Nenets Autonomous District and Khanty-Mansi Autonomous District. The average monthly concentrations of black carbon (BC) in the atmosphere of ~ 25 ng/m³ determined the pure background values, the emissions of the fuel and energy complex led to a threefold increase in the average monthly concentrations of black carbon, the emissions of Salekhard reached 161 ng/m³ on average. During forest fires in the Arctic Circle, the average concentration of black carbon in the direction of intense fire areas increased by more than seven times.

Ключевые слова: аэрозольные загрязнения, черный углерод, городские и промышленные эмиссии, лесные пожары, Арктика.

Keywords: aerosol pollution, black carbon, urban and industrial emissions, forest fires, the Arctic.

Введение

При сжигании углеводородного топлива и во время лесных пожаров в атмосферу выбрасываются мельчайшие аэрозольные частицы. В настоящее время вклад от сжигания природного ископаемого топлива в промышленных установках, отопительных и транспортных системах, при горении биомасс в природных пожарах лесов и при сжигании биотоплива для отопления домов составляет порядка 25% от всей эмиссии аэрозолей с поверхности Земли [1]. Агломераты частиц в эмиссиях сжигания углеводородного топлива имеют размеры 0.1-0.5 мкм, состоят из первичных наночастиц диаметром 20-40 нм [2]. Физико-химические характеристики дыма пожаров существенно зависят от фазы тления или открытого горения [3, 4]. Микроструктура микрокристаллитов графита является причиной поглощения солнечного излучения в видимом диапазоне. Измеренную спектрофотометрическим методом [5, 6] концентрацию хорошо поглощающего аэрозоля в атмосфере называют black carbon (BC), отсюда в русском переводе появилось название «черный углерод».

Микрочастицы в продуктах сжигания являются опасным веществом для здоровья людей, особенно в районах интенсивного транспорта и промышленной деятельности. Они адсорбируют вредные вещества и проникают в организм человека на клеточном уровне через дыхательные пути, вызывают и усиливают дыхательные, сердечно-сосудистые и аллергические заболевания [7].

Оценки глобальных климатических моделей прямого радиационного эффекта BC от всех источников сжигания топлива и биомасс достигают 2 Вт/м², что лишь в два-три раза ниже парникового эффекта эмиссии диоксида углерода [8]. BC признан вторым после диоксида углерода короткоживущим климатическим трассером со временем жизни порядка недели. Предсказывается, что благодаря антропогенной эмиссии BC глобальный эффект ежегодного увеличения усредненной температуры поверхности Земли составляет 0.4K [9]. Показано значительное влияние дыма лесных пожаров Сибири на концентрацию и варьированность в атмосфере черного углерода, достигающего 15% массы аэрозолей [10].

Арктический регион наиболее чувствителен к быстрым климатическим изменениям. Скорость роста температуры воздуха в Арктике превысила в два раза скорость увеличения глобальной средней температуры за последние 100 лет [9]. Явление загрязнения атмосферы Арктики, названное Арктической Дымкой, стало известным в 1950-е годы. Исследования, проведенные в последующие 20 лет показали [11], что наблюдаемая зимой дымка является следствием переноса воздушных масс из средних широт в Арктику [12].

Экосистема Арктики особенно подвержена сильному воздействию аэрозольной компоненты в эмиссиях источников сжигания природного топлива и биомасс. BC, осаждающаяся на поверхности, способен

изменять отражательную способность снега и льда, что приводит к раннему снеготаянию и сокращению площади арктических льдов. Оценивается, что эмиссия в Арктику с российских территорий составляет 10-15% от мировой эмиссии углеродосодержащих аэрозолей, более 50% эмитируется к северу от 60 с.ш. [13]. По модельным оценкам, сжигание попутного нефтяного газа (ПНГ) в факелах составляет основной источник антропогенных эмиссий BC Сибирского региона (36.2%), за которым следуют эмиссии жилищного фонда (25.0%), транспорта (20.3%), промышленности (13.1%) и теплостанций (5.4%) [14]. Вывод о значительном вкладе промышленных эмиссий в высокую концентрацию черного углерода в акватории Карского моря подтвердился в морских экспедициях в периоды выноса воздушных масс из районов Ямало-Ненецкого и Ханта-Мансийского автономных округов [15, 16].

Однако оценка экологического состояния атмосферы и изменения природной среды в регионах российской Арктики сильно усложнены существующим недостатком знаний об источниках эмиссий, количестве и составе аэрозольных загрязнений, определяющих степень воздействия на экосистему Арктики. Утилизация ПНГ в факелах, как источник загрязнений воздуха, в нефтедобывающих регионах остается наименее изученной среди всех эмиссий при сжигании природного топлива как по полному количеству эмитированных продуктов, так и по фракции черного углерода [17]. Оценка последствий воздействия сжигания ПНГ в факелах на растительный покров проводится с помощью тепловых космических снимков [18], на снежный покров – методами анализа концентраций загрязнений в окрестностях факела [19].

В Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) в настоящее время наблюдается повышение эффективности всех видов экономической деятельности, интенсификация производства нефтегазового комплекса, увеличение объемов используемых природных ресурсов. В округе открыто 235 месторождений углеводородного сырья, из которых 63 находится в промышленной разработке, работает 59 нефтегазовых предприятий. Согласно данным Ямалстата по состоянию на 01.01.2014 ежегодные выбросы вредных веществ от сжигания ПНГ в ЯНАО составляют более 732 тыс. тонн вредных веществ. Более половины всей эмиссии приходится на оксид углерода, более трети – на углеводороды и летучие органические соединения, остальную часть выбросов (5%) составляют твердые вещества, окислы азота, сернистого ангидрида. Однако оценок эмиссий черного углерода не производится. На Полярном круге находится город Салехард, где оценки степени загрязнения воздуха эмиссиями черного углерода ранее не проводились. Значительные территории субарктической и арктической зоны ЯНАО находятся за Полярным кругом, куда в зимне-весеннее время происходит преимущественный перенос воздушных масс. В июле 2019 года на Полярном круге случились самые интенсивные природные пожары, по

данным Атмосферной службы мониторинга (СAMS) в 100 раз превышающие уровень ежегодно наблюдаемых пожаров.

Данная работа посвящена изучению степени загрязнения атмосферы ЯНАО продуктами сжигания природного топлива и биомасс, эмитируемыми в результате хозяйственной деятельности в городской среде, во время переноса шлейфов промышленных эмиссий теплоэнергетического комплекса и интенсивных лесных пожаров на Полярном круге. Впервые проведены измерения вблизи г. Салехард, количественно определены концентрации черного углерода, степень воздействия эмиссий климатического трассера – черного углерода на состояние атмосферы на Полярном круге.

Объекты и методы исследования

Для исследования степени загрязнения атмосферы продуктами сжигания, эмитируемыми городскими, промышленными источниками и лесными пожарами на Полярном круге, в 4-х км на юго-восток от города Салехард был организован научно-исследовательский аэрозольный пост (НИАП) (рис.1). Непрерывные измерения концентрации черного углерода производились при помощи аэталометра АЕ33 (Magee Scientific). Название "Aethalometer" является производным от греческого глагола 'aethaloun' (αεθαλον), означает «почернеть от сажи». Аэталометрический метод основан на регистрации

ослабления излучения видимого спектра собранными на фильтре аэрозольными частицами непосредственно в процессе их осаждения из воздушного потока. Аэталометр измеряет ослабление интенсивности света, проходящего через пятно на фильтрующей ленте (рис.2), на семи длинах волн в диапазоне от инфракрасного до ультрафиолетового. В процессе измерений определяется величина ослабления АТН (attenuation) как $ATN=100*\ln(I_0/I)$, где I_0 - интенсивность падающего света, а I - интенсивность света, прошедшего через фильтр. Особенностью аэталометра АЕ33 является одновременное измерение по двум каналам с разными скоростями прокачки воздуха из одного и того же входного воздушного потока, что обеспечивает оценку нелинейности поглощения при высоких нагрузках на фильтре компенсационной поправкой поглощения света частицами. Массовая концентрация ВС вычисляется по изменению оптического поглощения на длине волны 880 нм, другие аэрозольные частицы (органические, минеральные) в данном диапазоне поглощают значительно меньше [20].

Измерения массовой концентрации ВС были проведены с апреля по август 2019 г., сопровождалась сбором данных о метеорологических параметрах (направлении и скорости ветра) с метеорологического ресурса gr5.ru. Ежеминутные данные усреднялись в течение каждого часа. Произведено осреднение ВС для 3-х часовых интервалов метео данных при каждом направлении ветра.

Рис. 1. Расположение НИАП измерений черного углерода вблизи г. Салехард

Рис. 2. Аэталометр АЕ33 для измерения концентрации черного углерода на Научно-исследовательском аэрозольном посту вблизи г. Салехард

Рис. 3. Пятна осажденных из атмосферы частиц на ленте аэталометра АЕ 33

С 19 апреля по 7 августа 2019 года в 4-х км на юго-восток от города Салехард проводились непрерывные измерения оптических свойств аэрозолей. Определена высокая варьированность концентрации черного углерода, от 3 до 688 нг/м³. Анализ концентраций по секторам, определяемым расположением источников эмиссий аэрозолей горения различной степени интенсивности, выделил пять направлений:

наиболее чистое юго-западное, наиболее загрязненный сектор - город Салехард, арктический сектор полуострова Ямал, крупнейший индустриальный комплекс ТЭК на востоке ЯНАО и индустриальный комплекс на юге ЯНАО и ХМАО.

На рис. 4-6 приведены диаграммы розы ветров и пространственные распределения концентрации ВС по секторам для трех периодов измерений; апреля – мая,

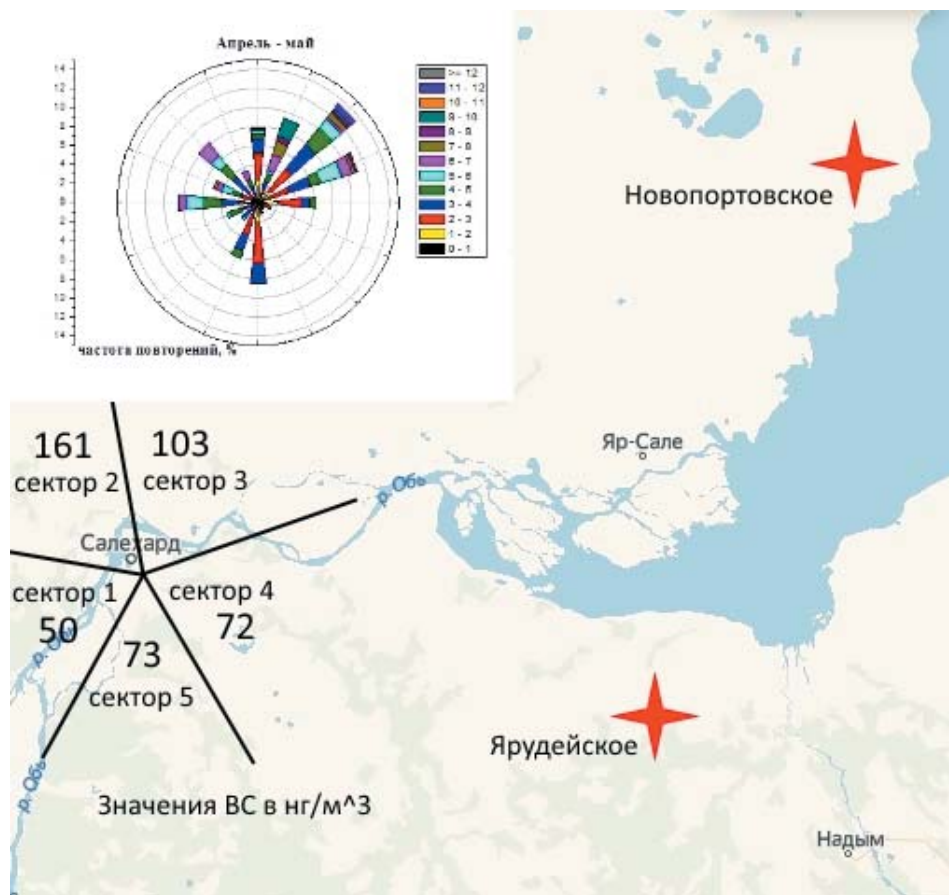

Рис. 4. Роза ветров (сверху, в таблице справа скорость ветра в м/с) и диаграмма распределения ВС по секторам (снизу) для апреля-мая 2019 г

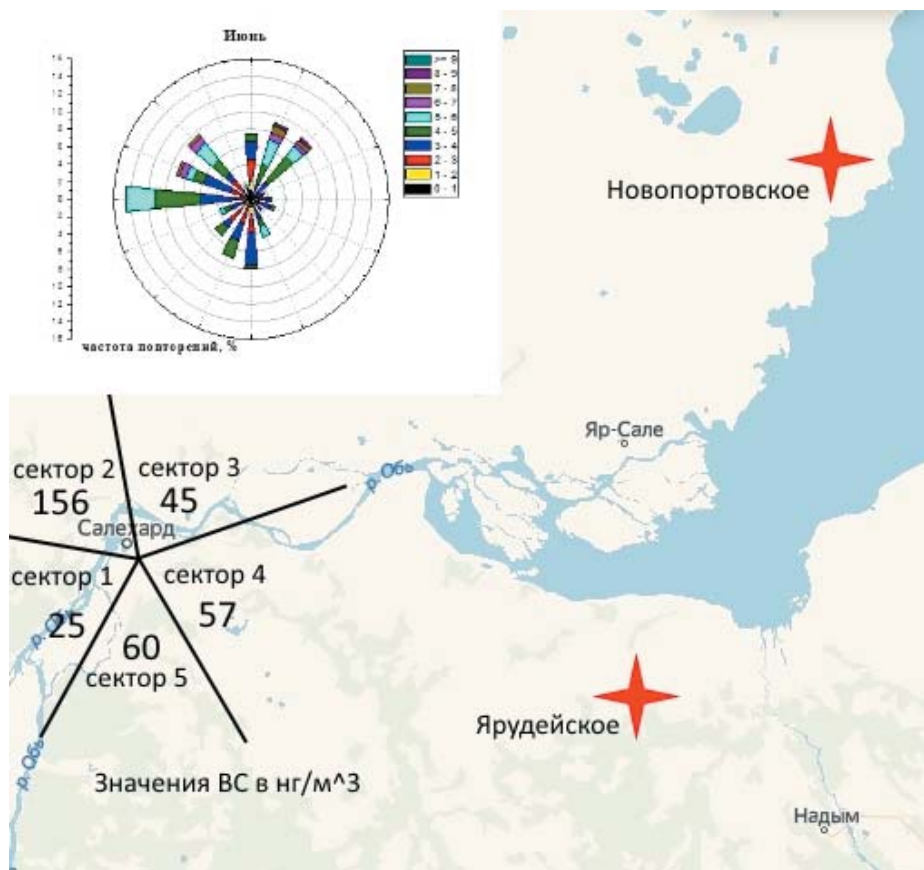

Рис. 5. Роза ветров (сверху, в таблице справа скорость ветра в м/с) и диаграмма распределения ВС по секторам (снизу) для июня 2019 г.

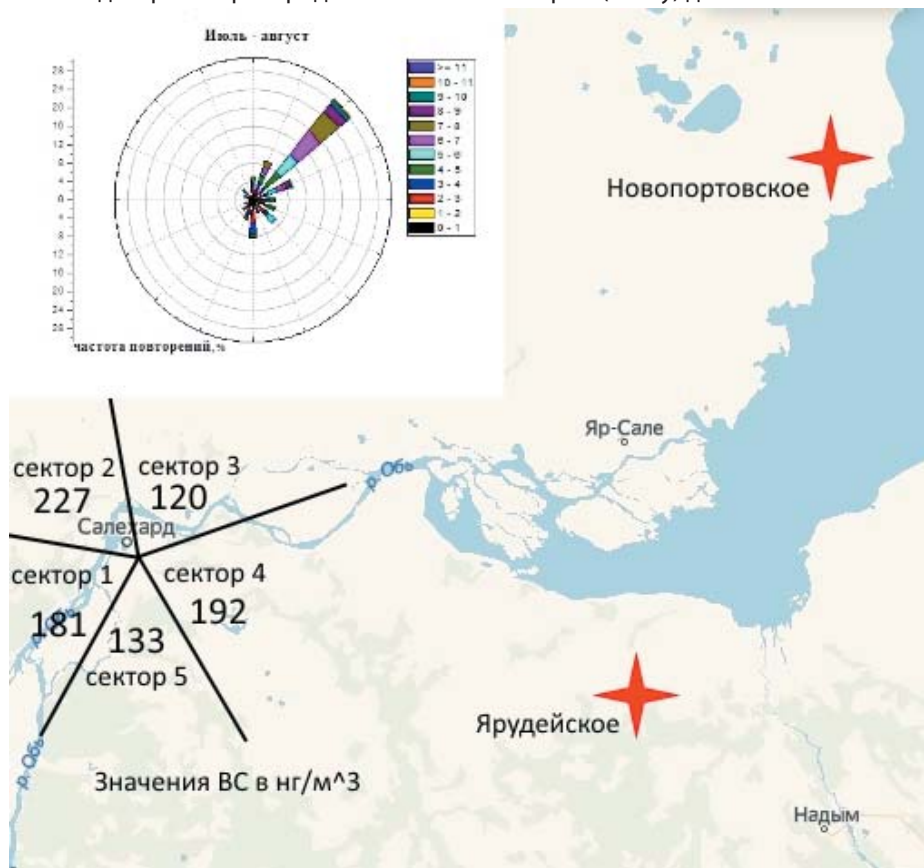

Рис. 6. Роза ветров (сверху, в таблице справа скорость ветра в м/с) и диаграмма распределения ВС по секторам (снизу) для июля-августа 2019 г.

июня и июля-августа. Совместный анализ направления ветра и концентрации ВС показал наиболее чистый сектор 1 (220-270 градусов) – юго-западное направление ЯНАО, Шурышкарский район, где отсутствуют объекты ТЭК и крупные населенные пункты. Значения ВС определены на самом низком уровне среди других секторов, в диапазоне от 3 до 95 нг/м³. В среднем значение ВС в секторе 1 за апрель - май было 50 нг /м³, в июне – 25 нг /м³.

Самым загрязненным сектором 2 оказался сектор 280-340 градусов выноса городских эмиссий из г. Салехард, значение ВС за указанный период варьировались от 33 до 597 нг/м³. Среднее значение в апреле-мае достигло 161 нг/м³, в июне - 156 нг/м³. Наблюдается 4-х кратное превышение средних концентрации ВС для самого загрязненного сектора городских эмиссий из г. Салехард относительно самого чистого сектора 1 Шурышкарского района ЯНАО.

Сектор 3 (350-50 градусов) – направление полуострова Ямал. Ближайший крупный объект ТЭК Новопортовское нефтяное месторождение находится на удалении 280 км. Значения ВС за указанный период варьировались от 25 до 244 нг/м³. В апреле - мае и июне средние значения в секторе 3 наблюдались 103 и 45 нг/м³.

Сектор 4 (60-150 градусов) – направление индустриальный ТЭК ЯНАО. Ближайший крупный объект ТЭК Ярудейское нефтяное месторождение находится на удалении 200 км. Значения ВС варьировались в диапазоне от 17 до 203 нг/м³. В апреле - мае и июне средние значения в секторе 4 наблюдались 72 и 57 нг/м³.

Сектор 5 (160-210 градусов) – направление юг ЯНАО - ХМАО, крупные объекты ТЭК отсутствуют. Значения ВС лежат в диапазоне от 11 до 145 нг/м³. В апреле - мае и июне средние значения в секторе 5 наблюдались 73 и 60 нг/м³.

По данным МЧС ЯНАО наиболее интенсивные пожары, охватившие площадь 200 га, наблюдались в

июле-августе 2019 г. Как и ожидалось, продукты горения лесных массивов значительно увеличили наблюдаемые концентрации ВС во всех секторах (рис.4 в). Площадь возгорания по состоянию на 31.07.2019 составляла 1839 га, на 30.06.2019 была 61 га. Среднемесячная концентрация увеличилась по всем направлениям и варьировалась от 14 до 688 нг/м³. Выделились несколько эпизодов с пиковыми одночасовыми значениями ВС: 3-5 июля - 688 нг/м³, 14-15 июля - 959 нг/м³, 17-18 июля - 1581 нг/м³, 30-31 июля - 1205 нг/м³ и 2-3 августа 440 нг/м³, показывая беспрецедентно высокие для северного Полярного круга уровни загрязнения атмосферы в летний период. По сравнению с периодом отсутствия природных пожаров по всем секторам произошло увеличение концентрации ВС от 1.5 до 5 раз, в чистом секторе 1 – в 7 раз.

Заключение

Впервые получены количественные данные о влиянии городских эмиссий, эмиссий теплоэнергетического комплекса и лесных пожаров на концентрацию климатического трассера - черного углерода на Полярном круге. Анализ данных вблизи г. Салехард показывает низкий уровень концентрации менее 25 нг/м³ при направлении ветра с юго-запада, более чем в три раза в среднем увеличение концентрации при направлении ветра со стороны городского массива Салехарда, и периодическое увеличение при направлении ветра с юго - западного направления, со стороны всего региона ЯНАО. Лесные пожары в июле 2019 г. на Полярном круге привели к возрастанию концентрации черного углерода в среднем в 7 раз по отношению к фоновым арктическим значениям.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 180560084.

Литература

1. T. C. Bond, E. Bhardwaj, R. Dong, R. Jogani, S. Jung, C. Roden, et al., "Historical emissions of black and organic carbon aerosol from energy-related combustion, 1850–2000," *Global Biogeochemical Cycles*, vol. 21, 2007.
2. О. Поповичева, А. Старик, «Авиационные сажевые аэрозоли: физико-химические свойства и последствия эмиссии в атмосферу (обзор),» *Известия Российской академии наук. Физика атмосферы и океана*, vol. 43, pp. 147-164, 2007.
3. О.Б. Поповичева, Р.Ф. Рахимов, В.П. Шмаргунов, Е.Д. Киреева, Н.М. Персианцева, М.А. Тимофеев, Guenter Engling, Kostas Eleftheriadis, Lila Diapouli, М.В. Панченко, Ralf Zimmermann, Juergen Schnelle-Kreis, «Оптико-микрорфизические и физико-химические характеристики дымов горения Сибирских биомасс: Эксперименты в аэрозольной камере. » *Оптика атмосферы и океана*, vol. 29, pp. 323-331, 2016.
4. Р. Ф. Рахимов, В. С. Козлов, М. В. Панченко, А. Г. Тумаков, and В. П. Шмаргунов, «Свойства атмосферного аэрозоля в дымовых шлейфах лесных пожаров по данным спектрофелометрических измерений,» *Оптика атмосферы и океана*, vol. 27, pp. 126-133, 2014.
5. В. Козлов, В. Шмаргунов, and В. Польшкин, «Спектрофотометры для исследования характеристик поглощения света аэрозольными частицами,» *Приборы и техника эксперимента*, pp. 155-157, 2008.
6. L. Drinovec, G. Močnik, P. Zotter, A. Prévôt, C. Ruckstuhl, E. Coz, et al., "The "dual-spot" Aethalometer: an improved measurement of aerosol black carbon with real-time loading compensation," *Atmospheric Measurement Techniques*, vol. 8, pp. 1965-1979, 2015.
7. C. A. Pope III and D. W. Dockery, "Health effects of fine particulate air pollution: lines that connect," *Journal of the air & waste management association*, vol. 56, pp. 709-742, 2006.
8. T. C. Bond and R. W. Bergstrom, "Light Absorption by Carbonaceous Particles: An Investigative Review," *Aerosol Science and Technology*, vol. 40, pp. 27-67, 2006/01/01 2006.
9. P. K. Quinn, A. Stohl, S. Arnold, A. Baklanov, T. K. Berntsen, J. H. Christensen, et al., "AMAP assessment 2015: Black carbon and ozone as Arctic climate forcers," 2015.
10. Ю. Самсонов, С. Попова, О. Беленко, and О. Чанкина, «Химический состав и дисперсные характеристики дымовой аэрозольной эмиссии от пожаров в бореальных лесах Сибири,» *Оптика атмосферы и океана*, vol. 21, pp. 523-531, 2008.
11. T. Novakov and H. Rosen, "The Black Carbon Story: Early History and New Perspectives," *AMBIO*, vol. 42, pp. 840-851, November 01 2013.
12. L. Barrie, D. Fisher, and R. Koerner, "Twentieth century trends in Arctic air pollution revealed by conductivity and acidity observations in snow and ice in the Canadian high Arctic," *Atmospheric Environment* (1967), vol. 19, pp. 2055-2063, 1985.
13. D. Koch, M. Schulz, S. Kinne, C. McNaughton, J. Spackman, Y. Balkanski, et al., "Evaluation of black carbon estimations in global aerosol models," *Atmospheric Chemistry and Physics*, vol. 9, pp. 9001-9026, 2009.
14. K. Huang, J. S. Fu, V. Y. Prikhodko, J. M. Storey, A. Romanov, E. L. Hodson, et al., "Russian anthropogenic black carbon: Emission reconstruction and Arctic black carbon simulation," *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*, vol. 120, pp. 11,306-11,333, 2015.
15. О. Б. Поповичева, А. П. Макштас, В. В. Мовчан, Н. М. Персианцева, М. А. Тимофеев, and Н. М. Ситников, «Аэрозольная составляющая приводного слоя атмосферы по данным наблюдений экспедиции «Север-2015»,» *Проблемы Арктики и Антарктики*, pp. 57-65, 2017.
16. A. Stohl, Z. Klimont, S. Eckhardt, K. Kupiainen, V. P. Shevchenko, V. M. Kopeikin, et al., "Black carbon in the Arctic: the underestimated role of gas flaring and residential combustion emissions," *Atmos. Chem. Phys.*, vol. 13, pp. 8833-8855, 2013.
17. А. Соловьянов, «Сжигание попутного нефтяного газа и окружающая среда,» *Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе*, pp. 21-28, 2012.
18. П. Кирюшин, А. Книжников, К. Кочи, Т. Пузанова, and С. Уваров, «Попутный нефтяной газ в России: «Сжигать нельзя, перерабатывать»,» 2013.
19. В. Ф. Рапута, «Экспериментальные и численные исследования аэрозольных выпадений примесей в окрестности нефтегазового факела,» *Сибирский журнал чистой и прикладной математики*, vol. 13, pp. 96-102, 2013.
20. J. Sandradewi, A. S. Prévôt, S. Szidat, N. Perron, M. R. Alfarra, V. A. Lanz, et al., "Using aerosol light absorption measurements for the quantitative determination of wood burning and traffic emission contributions to particulate matter," *Environmental science & technology*, vol. 42, pp. 3316-3323, 2008.

Сведения об авторах:

Кобелев Василий Олегович – научный сотрудник (на момент написания статьи) сектора эколого-биологических исследований ГКУ ЯНАО «Научный Центр изучения Арктики»
E-mail: 79220950065@ya.ru

Поповичева Ольга Борисовна – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательский институт ядерной физики им. М.В.Скобелевца МГУ им.М.В.Ломоносова, кандидат физико-математических наук
E-mail: polga@mics.msu.su

Синицкий Антон Иванович – директор (на момент написания статьи) ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», кандидат геолого-минералогических наук
E-mail: geolosoph@gmail.com

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ЯЗЫКА: ЧТО ЭТО И КАК РАБОТАТЬ? (МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ).

LANGUAGE DOCUMENTATION: WHAT IS IT AND HOW TO WORK ON IT? (METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS)

Аннотация. В атласе языков мира ЮНЕСКО, находящихся под угрозой исчезновения, тундровый ненецкий и северный ханты языки классифицированы как выявленные и находящиеся под угрозой исчезновения¹. Лесной ненецкий язык определяется как исчезающий язык и селькупский язык находится под критической угрозой исчезновения. Настоящая языковая ситуация в ЯНАО показывает, что, несмотря на официальный статус родных языков, наблюдается тревожная ситуация утраты родного языка среди молодых ненцев, ханты и селькупов. Родной язык каждого народа – это его самая главная ценность, богатство, которое надо сохранить и передать следующим поколениям. Документируя языковые данные, мы способствуем сохранению малочисленных языков ЯНАО.

Abstract. In the UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger, the tundra Nenets and Northern Khanty languages are classified as identified and endangered. Forest Nenets is defined as an endangered language and the Selkup language is critically endangered. The present linguistic situation in the Yamal-Nenets Autonomous District shows that, despite the official status of the native languages, there is an alarming situation of loss of native languages among young Nenets, Khanty and Selkups. The native language of each nation is its most important value and wealth, which must be preserved and transmitted to future generations. By documenting language data, we help preserve minority languages in the Yamal-Nenets Autonomous District.

Ключевые слова: языковая документация, малочисленные языки, Международный год коренных малочисленных языков.

Keywords: language documentation, minority languages, International Year of Indigenous Languages.

Введение

Документирование языка или языковая документация – это сравнительно молодая отрасль лингвистики. Основная задача документирования – сбор и накопление первичных данных о малоизученных языках. Особую актуальность данная отрасль науки получила в последнее десятилетие из-за стремительного сокращения малых языков в мире и их носителей.

Документирование языка подразумевает систематическую запись, описание, перевод и анализ разговорного и письменного языка, примеры которого собраны от разных носителей одного языка и культуры. Основным видом речевой деятельности, фиксируемым при

документировании, являются тексты различных жанров – рассказы, сказки, легенды, случаи из жизни, бытовые диалоги, песни и др. Большую ценность имеют записи спонтанной (неподготовленной) речи. Помимо этого, часто фиксируются отдельные фразы, слова, грамматические формы слов (образцы склонения и спряжения).

Задача документирования – не только собрать материал, но и сделать его общедоступным в удобной электронной форме. Это значительно повышает эффективность работы каждого отдельного исследователя и позволяет избежать многократного повторения одной и той же работы разными людьми. Кроме того, необходимо обеспечить надёжное долговременное хранение со-

1 Юнеско. UNESCO Atlas of the World languages in danger. Доступно: <http://www.unesco.org/languages-atlas/>

бренных данных и их периодический перевод на более современные носители и форматы записи.

Собранные данные должны быть использованы не только для изучения языка, но и для обучения языку, поддержке и возрождения его. Это особенно актуально, полезно и продуктивно в тесном сотрудничестве с носителями языка, через их активное вовлечение в процесс работы. Поэтому перед исследователями, учителями и просто людьми, заинтересованными в деле сохранения языков, стоит задача собрать и сохранить как можно больше языковых данных.

Дальнейшее применение

Собранные языковые данные найдут применение: в лингвистических исследованиях – для изучения фонетики и грамматики; в социолингвистике, в типологии и в исторической лингвистике; для изучения образцов устного фольклора; в поэзии – для исследования метрики и музыкальных аспектов устной речи; в антропологии – для исследования культурных аспектов общения, взаимоотношений и стилей общения, для описания ритуального языка и документации устной истории; в образовании – для использования записей на уроках; в средствах массовой коммуникации и тд.

Цели и задачи документирования языка

Сохранить примеры использования языка его носителями в повседневной обстановке, запись фольклорного материала, создание звукового архива аудио и видео записей.

Таким образом, документирование языка подразумевает следующее: создание базы разнообразных лингвистических материалов; создание основы для возрождения языка; создание материалов, способствующих сохранению языка и для его дальнейшего преподавания.

Основные принципы работы по документации языка. Документация языка должна отвечать следующим параметрам: собранный материал должен быть разноплановым, в нем должны быть собраны записи от участников разного социального уровня [1].

Информация должна включать устную, письменную речь, разные разговорные жанры, в том числе, диалоги, монологи, официальную, неофициальную речь, примеры на разных диалектах собираемого языка; материал должен быть объемным; в документации должно принимать участие как можно больше участников, представителей собираемого языка, данный вид документации более продуктивный, чем традиционный вид документации, проводимый исследователями, лингвистами; документация языка не подразумевает просто сбор текстов и аудио, видеоматериалов [2, 3]. Собранные данные должны быть тщательнейшим образом подготовлены, пронумерованы, заархивированы, чтобы ими могли пользоваться и через длительное время; данные должны быть переведены на метаязык, с сопутствующим описанием фонетики и фонологии языка. Материалы должны быть оцифрованы, так, чтобы было возможным каждый раз обновлять данные; к ним должны прилагаться как можно

более подробные данные об истории сбора [4]. В основе работы по документации языка лежит уважительное отношение к документируемому языку и его носителям; данная работа должна проводиться, соблюдая этические нормы научного исследования.

История сбора записей

Первые записи текстов на языках малых народов, как и на языках прочих народов, производились от руки на слух. Например, работы Матиаса Кастрена и Тойво Лехтисало, записанные в начале 20 века, представляют уникальнейшие материалы на ненецком языке. Они все были записаны от руки и имеют свою специфику написания.

В фонограммархиве Пушкинского Дома, г. Санкт-Петербург собраны записи на языках народов России, которые хранятся на восковые валиках. Они тоже оцифрованы и доступны в интернете. С появлением магнитофонов в 70-80-е годы прошлого столетия, стало доступным производить запись на магнитофонную плёнку, так называемые бобины [5]. Затем стали производить запись на аудиокассеты. В настоящее время запись производят на цифровые аудио и видео носители [6].

Полевая работа по сбору и документации языка

Какие вопросы чаще всего стоят перед исследователями и собирателями языковых данных, это: что собирать и как собирать? как фиксировать? как проводить регистрацию собранных данных?

Полевая работа по сбору и документации языка обычно подразумевает поездку в отдаленную местность организованной группы лиц, предпринимаемая с каким-либо специальным заданием. Выезд в экспедицию – значит работать по сбору материалов в естественных условиях проживания этноса. Прежде чем начать работу по сбору материала, необходимо тщательнейшим образом подготовиться к ней. Для этого необходимо определить задачи экспедиции, что необходимо собрать, в какие сроки. Запланируйте работу по времени, примерные сроки начала и окончания её. Заранее определите темы работы; ознакомьтесь с ними по литературе; составьте программу полевой работы. Выпишите основные вопросы, по которым будет собираться материал. Составьте анкеты, опросники.

Виды экспедиций

Существует несколько видов экспедиций по времени и целям. В целом, их делят на стационарную, которая может длиться несколько лет и кратковременную экспедицию, которая длится несколько дней или недель.

Приехав на место, бывает сложно с первого же момента приступить к работе. Необходимо привыкнуть, освоиться, дать людям привыкнуть к вам. Не каждый человек готов сразу рассказать, поделиться информацией. Поэтому в первые дни можно просто фиксировать бытовую жизнь людей, их производственную деятельность, например: 1) какие виды земледелия, охоты, рыболовства, ремёсла распространены; 2) как представле-

на материальная культура, описать поселение, жилище, традиционные виды транспорта; 3) каковы социальные отношения в семье, в деревне и т.д.; 4) как представлена духовная культура, религия, календарная обрядность.

Если получится, то уже в первые дни можно собирать небольшие фольклорные материалы (сказки, легенды, песни).

Таким образом, граница между сбором того или иного материала весьма размыта, собирая языковые записи, в тоже время происходит сбор и этнографического материала.

Сбор материала

В зависимости от целей и задач вашей экспедиции необходимо собирать следующее: рукописный полевой материал, это могут быть схематические рисунки, иллюстративный материал, чертежи, фотоматериалы, аудиоматериалы, записи, видеоматериалы, вещи, предметы быта.

Данные материалы старайтесь подробно фиксировать в полевом дневнике – тетради полевых записей. О полевом дневнике знают немногие, порой некоторые его вовсе и не ведут, но он является тем основным документом, с которым вы работаете постоянно и к которому в дальнейшем, во время обработки материалов, будете возвращаться не раз.

Данный дневник делают самостоятельно из тетради в 96 листов, выбирайте такую, которая скреплена посередине железной скрепкой. Тогда листы не будут выпадать. Лучше клетка, глянцева бумага.

Тетрадь полевых записей должна быть разбита на вводную, основную и заключительную часть.

- Вводная часть. Это титульный лист, в котором записаны: название организации, где вы работаете, вид экспедиции, год работы, район работы, сроки работы, этносы, дата, дни недели, подпись.

- Основная часть включает несколько дневниковых записей: дневник работы; дневник иллюстративного материала; дневник аудиозаписей; дневник фотоматериалов; дневник видеозаписей.

Необходимо указывать в полевом дневнике информацию о месте сбора: название деревни, село, поселения; сельсовет; район; область; национальный состав.

Какая информация должна быть указана о сказителе, это, прежде всего: Ф.И.О. рассказчика (русская и национальная, если есть расхождения; для женщин – также девичья); дата и место рождения (отметьте на карте); место постоянного проживания; места длительного проживания (дольше 3-5 лет); образование (обязательно); место работы, специальность, должность.

Ф.И.О. родителей (для матери – также девичья фамилия); место проживания родителей (отметка на карте); национальность и родной язык жены/мужа; сфера использования родного языка (повсеместно, в семье, с пожилыми родственниками, с детьми, с представителями других национальностей).

Дневник аудиоматериалов в полевом дневнике указывает о том, как вы работали с записью. В нём надо

указать марку, серию, номер, формат записи вашего диктофона. Тут же фиксируются отметки записей, дорожек, от кого записали, когда, время записи. Самая важная часть дневника это список записей и их краткая характеристика.

В дневнике видеоматериалов необходимо делать отметки, что отснято, когда. Небольшие конспекты того, что снималось, чтобы в дальнейшем вам было легко ориентироваться с кассетами или дисками с записями.

Таким образом, у вас должны быть собраны примерно такие виды материалов: рукописный материал; видеоматериал; аудиоматериал; фотографии.

NB! Все собранные цифровые данные важно перенести на жесткий диск, для предотвращения их потери.

Ваше техническое оснащение: цифровой диктофон; фотоаппарат; видеокамера, карты памяти, два жестких диска, микрофоны и наушники.

Часть 1. Общие правила работы

Перед выездом в экспедицию, оформите официальное отношение к местной администрации с просьбой в оказании помощи в поселении в населённом пункте. Если такового нет, то старайтесь в любом случае поселиться в домах местных жителей. Не стоит жить в школах, гостиницах, клубах. Поскольку проживание там значительно сузит ареал вашей работы. Дом и люди, с которыми вы живёте – это основной источник ваших записей и бесед. Лучше селиться у пожилых людей, оказывая им помощь в повседневной работе. Обговорите с ними вашу оплату за проживание. Если выехали в тундру, то обязательно берите с собой тёплые вещи. Зимой в тундре лучше носить одежду местного населения, поскольку она намного комфортнее и теплее, чем европейская. Если вы выехали в тундру в летнее время, то берите с собой хорошую пару резиновых сапог, комариную мазь и большое количество сменных батарей питания. Даже если будет генератор, это не гарантия, что электричество у вас всегда будет. Солнечные батареи – это как вариант для зарядки аккумуляторов, особенно во время летнего солнцестояния.

Живя в семье, необходимо стараться доставлять им как можно меньше неудобств, связанных с вами. Ведь благополучная обстановка и взаимопонимание – это залог вашей успешной работы. Именно в семейной среде сосредоточено множество нитей, связанных с разными сферами жизни. Устная и во многом фольклоризированная её история, быт, судьбы отдельных членов семьи, биография самого сказителя, рассказчика служат главным источником бесед, интересных не только для собирателя, но и несут богатую информацию. Беседа с разными поколениями представит разноплановую языковую ситуацию в семье и особенности языковых изменений. Наиболее ценными материалами всё же считается те, которые собраны у талантливых рассказчиков и знатоков фольклора.

Независимо от того, где вы и чем вы занимаетесь, тетрадь для записей и ручка всегда должны быть при вас. Бывают ситуации, когда при разговоре вдруг по-

является интересная тема, которую необходимо тут же записать, не откладывая на другое время.

Когда сбор материала ведется в форме бесед, продумывайте тщательно вопросы, беседы на разные темы. Нельзя задавать интересующие вопросы тут же. Профессионализм собирателя заключается в том, что он может незаметно и просто перейти к интересующей его теме. Нельзя давить на сказителя. Он может замкнуться и перестать с вами работать. Важно тактично работать с интервьюируемыми людьми.

Часть 2. Запись

Основой документации являются звукозаписи – это рабочий материал, который благодаря доступности и разнообразию записывающих устройств, программ для обработки звука, легко собирать, обрабатывать и воспроизводить.

Ситуации, которые мешают во время записи, засоряют текст: запись на улице; различные помехи; электричество.

Внешние шумы:

1. Транспорт. Используйте шумозащитные материалы.
2. Дети. Удалить их из помещения, отвлечь их внимание чем-то интересным.
3. Животные. Лай собак, олени и тд, в таком случае, выберите подходящее время суток для записи.
4. Погода (гром, ветер, шум дождя). Смотря по целям записи, если не заглушают запись, то это небольшая проблема.

Шумы внутри помещения: запись может быть прервана звуком работающего холодильника, шумом движка, генератора. В этом случае ориентируйтесь по ситуации. Первый вариант, нажать на паузу. Вторым вариантом, перейти в другое место, где данные помехи не будут заглушать запись.

Прочие шумы, такие как шелест бумаги, разговоры других людей, мобильные телефоны, акустика поме-

щения мешают записи, но могут и сопутствовать ей. Вы записываете живую речь в естественной среде, а не делаете специальную студию запись. Поэтому, в данном случае, следите только за качеством записи.

Психоакустика. Ваши уши и мозговой центр способны сконцентрироваться на том, что вы записываете, но микрофон будет улавливать все посторонние звуки, как избежать этого?

NB! В первые же минуты прослушайте качество записи. Если она плохая, то старайтесь пользоваться при работе специальными микрофонами. Цифровая аппаратура хорошо записывает звук, но в некоторых случаях стоит использовать дополнительный микрофон.

Микрофоны. Существует несколько видов микрофонов: 1) прищепка; 2) обычный микрофон и 3) Gun microphone (длинный микрофон), записывает любой малейший звук, надо быть аккуратным в использовании.

При работе микрофоном держите его примерно на расстоянии 15-20 см от губ говорящего. Не стоит приближать слишком близко, поскольку будут записаны звуки глотания слюны, движения губ и тд.

Во время записи вне помещения, чтобы не записывать звуки ветра, можно на диктофон надеть защитный колпачок.

NB! Контролируйте то, как вы записываете и что записываете. Запись может быть плохого качества.

Последние модели цифровых аппаратур дают хорошее качество записи, позволяющие реже пользоваться микрофоном. Как производить запись? Лучше в формате WAV или MP3, зависит от требований самого собирателя.

Часть 3. Расшифровка.

В дневнике аудиозаписей и позже, во время обработки необходимо производить нумерацию и запись архивных данных текста, которые включают: информацию о рассказчике/исполнителе; информацию о том, кто произвёл запись, место записи, время записи, длительность; информацию о расшифровщике записи, месте и дате расшифровки.

Таблица 1. Форма для расшифровки

Название:	
Время записи:	
Дата сбора	
Рассказчик:	
Место записи:	
Материал собран и расшифрован	

Таблица 2.

Дата и место записи текста	
Ф.И.О. собирателя	
Ф.И.О. дата рождения	
Архивные данные (номер текста)	
Время записи	
Дата и место расшифровки текста	
Ф.И.О. расшифровщиков.	
Архивные данные расшифровки	
Краткое содержание текста (аннотация) и комментарии к содержанию (жанровая принадлежность; вариант того или иного сюжета)	

Перевод записей лучше начинать на месте. Поскольку позже, по разным причинам, при возвращении бывает гораздо сложнее работать. В расшифровке и в переводе текста могут принимать от одного до нескольких людей.

Программы для расшифровки аудио и видеозаписей. Большинство цифровых аудиоустройств имеют установочные диски для работы с записями (N: специальная программа для диктофонов). Есть разные компьютерные программы для работы с записью. Рассмотрим некоторые из них.

Программа Transcriber была разработана для сегментации, маркирования и расшифровки текстов. Автор Claude Barras (DGA). Координаторы: Edouard Geoffrois (DCA), Mark Liberman и Zhibiao Wu (LDC). Данная программа позволяет: создать корпус текстов; сегментацию; маркирование; расшифровку звуковых сигналов для дальнейшей работы с автоматической записью текста. Transcriber более приемлем для работы с расшифровкой длительных записей; лицензирована, распространяется бесплатно и её можно скачать из Интернета.

Программа Elan. (EUDICO Linguistic Annotator), в отличие от вышеперечисленных программ, является одним из последних вариантов компьютерной программы по обработке записей текстов. Она позволяет комплексно работать над записью, как аудио и видео, делая примечания и анализ текстов. Эта программа создана Институтом психолингвистики им. Макса Планка, Наймеген, Нидерланды. Автор Birgit Hellwing, последняя версия была обновлена Dieter Van Uytvanck. www.mpi.nl/tools

Целью разработчиков данной программы было: обеспечить документацию языка и его анализ. Данной программой может работать каждый, кто занимается

записью текстов на электронные носители. Это комплексная лингвистическая программа, позволяющая не только сделать расшифровку корпуса текста, но одновременно делать анализ языка, разбивку и анализ словоформ, дальнейший перевод текстов.

Программы Praat и Audacity не предназначены специально для создания корпуса текста и его расшифровки, они предназначены для фонетического анализа записей.

Таким образом, мы видим, что на сегодняшний день появилось достаточное число компьютерных программ по расшифровке аудио и видео записей.

Работа над ними не может осуществляться без профессиональных навыков людей, которые имеют достаточный опыт работы. Ведь вышеперечисленные программы не могут осуществлять расшифровку текстов автоматически, а лишь позволяют человеку, производящему расшифровку записи сделать данный процесс быстрее и продуктивнее.

Обработка и анализ текстов требуют баз данных. Особую сложность вызывает перевод текстов на родные языки.

Часть 4. Перевод

Сложность перевода текстов состоит в том, что язык текстов и язык перевода значительно отличаются друг от друга. Сказываются различия в быте и культуре народов [7]. В нашем случае не требуется профессиональный перевод. Достаточно дословного перевода. Хотя оптимальным вариантом является построчный перевод, как можно больше приближенный по смыслу и значению к оригиналу. Рекомендуется давать подробную информацию о предметах быта, создавать терминологические словарики к текстам переводов.

Таблица 3. Отрывок сказки о старике со старухой с переводом

Текст	Перевод	Комментарии и дополнения
Ся"ны пэбта пуд' вэсакохо'- пухучаха' илевэхэ'.	Жили когда-то старик со старухой (только вдвоем).	Бытовая сказка о безоленных ненцах, живущих оседло у реки. Основной вид хозяйства основан на рыболовстве.
Побнгогуна вэсаку пэвадэва яляда пэвы, пухучар поёрмы.	Однажды старик остался дома, а старуха пошла за дровами.	-----
Вэсакор ва"авниня пямды, идя ядэрпа.	Сидит старик на постели и думает.	Сказка раскрывает отношения внутри семейной пары.

Таким образом, работу по переводу данных необходимо проводить регулярно и систематически. Все записи необходимо оформлять по установленным нормам документирования. Тексты необходимо переводить на русский язык как можно ближе к тексту оригинала для дальнейшего их применения в будущем.

Заключение

Данные методические рекомендации ориентируют, как проводить работу по документации языка. Родной язык каждого народа – это его самая главная ценность, богатство, которое надо сберечь, сохранить и приумножить, передавая следующим поколениям.

Язык отражает историю, особенности быта, психологию и идентичность любого этноса. Работа по документации языковых данных способствует дальнейшему сохранению и возрождению исчезающих языков. Языки коренных народов Ямала не имеют долгую историю письменности [8]. Главной особенностью их документации является запись устных текстов. Эта работа даёт возможность собрать богатый спектр различных тем о жизни людей, их культуре и языке [9]. Таким образом, документируя родные языки коренных народов ЯНАО мы не только способствуем их сохранению, но этой работой мы поддерживаем культуру нашего округа, сохраняя его этническую историю и языковое многообразие.

Литература

1. Woodbury, T. Defining documentary linguistics// Language documentation and description. Working papers. Issue 1. Ed.: P. Austin. London: London University, 2004.
2. Keeping Languages Alive. Documentation, Pedagogy and Revitalization. Ed. M. C. Jones, University of Cambridge, S. Ogilvie, University of Cambridge. 2013
3. Language documentation and description. Working papers. Issue 1. Ed.: P. Austin. London: London University, 2004.
4. Невская, И.А. Компьютерные базы данных как основа для сохранения и возрождения коренных тюркских языков Сибири. 2005 год.
5. Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров. Часть первая. Санкт-Петербург. 1994 г.
6. Технологии обработки языковых данных в документировании малых языков. Кибрик, А. Е., Архипов А.В., Даниэль М.А., Кодзасов С.В., Майерс Том, Нахимовский А.Д. (Колгейтский Университет, <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/35.htm>)
7. Лаптандер, Р.И. 'Перевод фольклорных текстов с ненецкого языка на русский (на примере текста «Няхар» Пути)'. 153-157. Материалы 2-й Международной конференции по самодистике (посвященной 100 летию со дня рождения Натальи Митрофановны Терещенко, С-Пб, 2008.
8. Laptander, Roza. and M. Lublinskaia. Rodnye yazyki.). A short introduction to the Nenets literature. Institute of linguistics of the Russian Academy of Science, Moscow. 1(3), pp. 28-44. 2015.
9. Лаптандер, Р. И. (2014). Кочующая история в устных рассказах ямальских ненцев. Сибирский сборник — 4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб. pp. 124-140.

Сведения об авторе

Лаптандер Роза Ивановна. 1978 г.р.

Окончила в 2001 году Российский государственный педагогический университет им.Герцена. Кандидат филологических наук. Исследователь. Университет Лапландии. Арктический центр.

Лингвистический антрополог, социолинвист, исследователь ненецкого языка и собиратель устной истории ненцев. roza_laptander@yahoo.com

РОЛЬ ПЕРЕВОДОВ В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА)

THE ROLE OF TRANSLATIONS IN THE PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF LANGUAGES OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH (BASED ON THE MATERIAL OF THE EVENKI LANGUAGE)

Аннотация. Статья рассматривает некоторые проблемы перевода общественно-политических текстов на примере современных переводов «Декларации Организации объединенных наций о правах коренных народов» и «Всеобщей Декларации прав человека» на языки коренных народов Севера, проживающих на территории Сахалинской области. Проблемы рассмотрены на примере переводов международных документов на эвенкийский язык.

Abstract. The article focuses on some problems of translating socio-political texts using modern translations of the "United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples" and the "Universal Declaration of Human Rights" into the languages of the indigenous peoples of the North living in the Sakhalin Region. To address the problems, translations of international documents into the Evenki language were used.

Ключевые слова: перевод, общественно-политический текст, проблемы перевода, эвенкийский язык.

Keywords: translation, socio-political text, translation problems, the Evenki language.

Введение

Слово «перевод» имеет несколько различных значений. Нами «перевод» рассматривается как трансформация текста с одного языка в текст на другой язык. При этом процесс преобразования одного текста на другой язык предполагает сохранение плана содержания, то есть значения. Таким образом, речь идет об адекватном переводе. А. В. Федоров предлагал использовать другое определение термину «адекватность». Он писал: «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [1. С. 132].

При переводе всегда имеются два текста: текст подлинника (или просто «подлинник»), второй — текст перевода (или просто «перевод»). Любой язык существует в устной и письменной форме, поэтому и переводы возможны устные и письменные. Примерами устных переводов с языков коренных малочисленных народов

Севера Сибири и Дальнего Востока РФ на русский язык и обратными переводами могут служить речи представителей во время проведения тех или иных публичных мероприятий, например, при проведении традиционных обрядов на национальных языках, после которых обычно делается чаще всего свободный перевод сказанного.

Основные трудности перевода обусловлены, прежде всего, расхождениями в лексике, грамматических структурах, стилистических особенностях и правилах функционирования языков, участвующих в этом процессе. Перевод должен обеспечить передачу информации во всех деталях, вплоть до значений отдельных слов, быть полностью аутентичным оригиналу.

Выбор варианта перевода в определенной степени зависит от квалификации и индивидуальных способностей переводчика. Однако субъективность перевода ограничена необходимостью воспроизвести как можно полнее содержание текста оригинала, а возможность та-

кого воспроизведения зависит от объективно существующих и не зависящих от переводчика отношений между системами и особенностями функционирования двух языков. Таким образом, перевод представляет собой субъективную реализацию переводчиком объективных отношений.

Объект и методы исследования

Остановимся на переводах общественно-политических текстов на языки коренных малочисленных народов Севера. Нужно сказать, что как только были созданы письменности (1930-е годы) и повсеместно началось обучение в регионах Севера, то почти сразу начались переводы на обозначенную тему. Это были тексты, содержащие биографии вождей и их соратников, брошюры по созданию колхозов, красных палаток, по борьбе с шаманизмом и др.

Работа по переводу общественно-политических текстов на языки коренных малочисленных народов Севера в последние годы активизировалась. Огромная работа в этом направлении проведена в Ямало-Ненецком автономном округе (далее – ЯНАО) и Ненецком автономном округе (далее – НАО). В НАО переведены на ненецкий язык Устав Ненецкого автономного округа, Закон Ненецкого автономного округа от 14.12.2007 № 170-оз «О традиционном празднике – День оленя», Закон НАО от 15.03.2002 № 341-оз «Об оленеводстве в Ненецком автономном округе», Закон НАО от 28.01.2008 № 1-оз «О господдержке ТВХ и промыслов КМНС на территории НАО», Закон НАО от 23.04.2008 № 19-оз «О гимне Ненецкого автономного округа», Закон НАО от 01.10.2008 № 58-оз «Об общинах в Ненецком автономном округе», Закон НАО от 18.03.2013 № 4-оз «О ненецком языке на территории Ненецкого автономного округа» [2]. В ЯНАО нормативно-правовые акты переведены на ненецкий, селькупский и хантыйский языки. Назовем только для примера некоторые из этих переводов: Устав (основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа на ненецкий [3], селькупский [4] языки и др. Переведены также Федеральные законы и законодательные акты на ненецкий [5], на селькупский [6], на хантыйский языки [7] и многие другие нормативные документы. Для осуществления такого объемного проекта была проведена большая работа по его организации. Были поиски переводчиков, рецензентов, редакторов, осуществлялось обучение, проводились многократные научные консультации и т.д. Анализ этого труда, проделанного большим коллективом переводчиков на разных языках, ждет своих исследователей по теории перевода.

Результаты

Сейчас речь пойдет о письменных переводах общественно-политических текстов с русского языка на эвенкийский язык. Мы участвовали в работе, реализованной в рамках совместного проекта Управления Верховного комиссара ООН и компании «Сахалин Энерджи». Коллективом авторов были осуществлены

переводы «Декларации Организации Объединенных наций о правах коренных народов» и «Всеобщей Декларации прав человека» [8]. Эти основополагающие международные документы ООН направлены на обеспечение прав коренных народов, поддержке их устойчивого развития, сохранению традиционного образа жизни, самобытной культуры и языков. Переводы указанных документов осуществлены на четырех языках коренных народов Севера, проживающих в Сахалинской области.

Перевод официального текста Всеобщей Декларации прав человека и Декларации Организации Объединенных наций о правах коренных народов с русского языка на нивхский язык сделан известным писателем, членом Союза писателей России, лауреатом Государственной премии России В. М. Санги [8. С. 46 - 58].

Перевод официального текста «Всеобщей Декларации прав человека» и «Декларации Организации Объединенных наций о правах коренных народов» с русского языка на ультинский (орокский) язык осуществлен двумя прекрасными представительницами народа уйльта, авторами первого букваря Е. А. Бибиковой и И. Я. Федяевой [8. С. 60-75].

Перевод официального текста «Всеобщей Декларации прав человека» с русского языка на нанайский язык осуществлен Р. А. Самар и С. Д. Самар [8. С. 77 - 81].

Перевод официального текста «Декларации Организации Объединенных наций о правах коренных народов» с русского языка на нанайский язык осуществлен Л. Ж. Заксор, кандидатом филологических наук, доцентом кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А.И.Герцена [8. С. 83 - 95].

Перевод официального текста «Всеобщей Декларации прав человека» с русского языка на эвенкийский язык осуществлен Е. Ф. Афанасьевой, кандидатом филологических наук, доцентом, зав. кафедрой бурятской и эвенкийской филологии Российского государственного Бурятского университета [8. С. 97 - 100].

Перевод официального текста «Декларации Организации Объединенных наций о правах коренных народов» с русского языка на эвенкийский язык осуществлен Н. Я. Булатовой, кандидатом филологических наук, доцентом, ведущим научным сотрудником Института лингвистических исследований РАН [8. С. 101 - 111, 9].

Прежде чем приступить к переводу текста на эвенкийский язык, нам нужно было выбрать диалектную базу, так как эвенки проживают дисперсно: «... от побережья Охотского моря на востоке до Енисея на западе, от Северного Ледовитого океана на севере до Прибайкалья и реки Амур на юге: в Якутии, Эвенкии, Таймырском АО, Красноярском крае, Иркутской области, Забайкальском крае, Хабаровском крае, Бурятии, Амурской области, Сахалинской области, а также на северо-востоке Китая и в Монголии» [8. С. 96]. Эвенкийский язык в силу такого расселения эвенков состоит из большого количества говоров, объединенных по своим фонетическим, морфологическим, синтаксическим

и лексическим особенностям в три наречия: южное (сибилянское, включающее «секающую» и «шекающую» подгруппы), северное. В основу литературного литературного языка были положены говоры, относящиеся к южному (сибилянскому наречию). На этом наречии выпускалась вся учебно-методическая литература. Мы же свой перевод «Декларации Организации Объединенных наций о правах коренных народов» сделали на базе говором восточного наречия, так как носителей и владеющих своим родным языком на нем гораздо больше. При этом основным критерием было использование лексики, которая понятна в большинстве региональных вариантах эвенкийского языка.

При переводе любых текстов переводчики, конечно же, в полной мере используют словарный запас языка перевода. Это относится и к нам. Приведем некоторые примеры, когда использовалась общеупотребительная лексика, отражающая мировоззрение, традиционную культуру эвенков, но при этом они адекватны понятиям переводимого текста: **гунмэчин** *соглашение*, **дүннэ дөдүн бихи** баян *полезное ископаемое* (букв. внутри земли находящееся богатство), **закон** *иты*, **обычай** *одё, одёкит*, **мир** *аяралдын*, **договор** *гулды-вун*, **действенные меры** *аят хавалдырл мэрал* (букв. хорошо работающие меры), **тэгэ** *народ*, **савун** *знание*, **гулдымэтми** *договариваться*, **угиривми** *развивать* (букв. подниматься), **дыхүтми** *защищать*, **тэдэвун идэ-гэн** *обрядовый предмет* и др.

Определенные трудности перевода официальных документов встречаются при обозначении терминов, которые, являясь отражением другой культуры, как правило, не имеют адекватных аналогий на языках коренных народов Севера. Например, понятие **Организация Объединённых Наций** мы перевели так: *Умунувчэл тэгэл Организациятын* (букв. Объединенные - собравшиеся народы Организация-их). Е. Ф. Афанасьева при переводе «Всеобщей Декларации прав человека» использовала заимствованное словосочетание **Организация Объединённых Наций** [8. С. 98]. Приведем другие примеры переводов терминов: **коренные народы** *мэнңидүвэр дүннэңдүвэр бидерил тэгэл* (букв. на своей земле живущие народы), **традиционные знания** *тэгэды савун* (букв. народные знания), **система образования** *алагүвун системан* (букв. учение система-его) и др. В некоторых случаях мы использовали фразеологизмы, например, для перевода словосочетания **жить с достоинством** *дэрэви энэ тыкиврэ бими* (букв. лица-своего, не роняя, жить).

При переводе новых понятий и реалий, которых нет в языке перевода, мы использовали дополнительные значения слов, которые не нашли отражение в опубликованных словарях, но используются в устной речи эвенков. Как правило, слова в дополнительном значении употребляются в устной речи реже и используются для придания другой стилистики. Например, для передачи слова **ассимилироваться** мы использовали глагол *солми*, который имеет значение **смешать**, с суффиксом страдательного залога: *соливувми* **быть**

смешанным, то есть **ассимилироваться**; *дялувми*: основное значение этого слова 1) наполнить, 2) наполниться, разлиться [11. С. 219], и оно обозначает действие с водой, например, в значении наполнить чайник, это слово во многих говорах эвенкийского языка используется и в значении **исполнить что-либо**, но, к сожалению, с этим значением оно не отмечено в словаре, тем не менее, эвенки часто могут сказать: *дялви дялувран желание-свое исполнил* (букв. мысль-свою наполнил), поэтому мы словосочетание **право-свое исполнить** перевели *правови дялувми*; **развиваться вперёд** *дүлэскй гиранми*. В устной речи обычно употребляется словосочетание *дүлэскй нэнэмй* **идти вперёд**. Чтобы показать движение вперёд мы использовали глагол *гиранми* **шагать**. В значении **соглашаться** мы использовали слово *дэкмй*. В словаре А. Н. Мыреевой «Эвенкийско-русский словарь. Эвэды-лүчады-түрэрүк» оно представлено только в значении **соответствовать чему-, кому-либо** [11. С. 200]. Во многих говорах эвенкийского языка это слово часто употребляется в значении **соглашаться, признавать**, что и даёт нам возможность использовать его. Например, **признавая, что уважение знаний, культуры традиционной практики коренных народов способствует устойчивому и справедливому развитию и надлежащей заботе об окружающей среде** мы перевели таким образом: *дэ-кчана, мэнңидүвэр дүннэңдүвэр бидерил тэгэл савурватын, культураватын, тэгэл практикатын одёмй, тэлй бугалтын, дүннэңилтын маннйит, тэдэт угиривдеңэтын* (букв. признавая, на своих землях живущие народы знания-их, культуру, народов практику-их оберегать, тогда земля-их, окружающая среда крепко и действительно будут подниматься) [8. С. 102].

Выводы

Перевод текстов общественно-политической тематики имеет свои особенности. Зачастую невозможно обойтись без заимствованной лексики, чтобы сохранить адекватность/полноценность текста перевода. Нами использованы, например, такие слова: декларация, организация, устав, культура, философия, экономика, ресурс, право, политический, экономический, социальный, международное право, государство и др.

К переводам прилагаются аудиозаписи. В сложившейся современной языковой ситуации, когда большинство представителей коренных малочисленных народов Севера не знают родного языка, это, непременно, окажет большую помощь для лучшего понимания переводных текстов. Аудиозаписи также будут полезны для выработки навыков правильного произношения, так как фонетические системы языков коренных малочисленных народов Севера имеют свои отличительные особенности.

Работая над переводом, мы неоднократно пользовались консультациями информантов, в качестве которых выступали лица, хорошо знающие не только родной язык, но и русский. Апробация переводов с но-

сителями языков очень важная часть в переводческой деятельности.

Любые переводы выполняют важнейшую социальную функцию, делая возможным межъязыковое общение людей. Распространение письменных переводов открыло людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение литератур и культур.

Перевод – это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом

исследования различных смежных наук. И с этой точки зрения, переводы, осуществленные на языки коренных малочисленных народов Севера, или обратные переводы оригиналов, на русский язык могут стать интересными материалами для общей теории перевода. Подобные исследования до настоящего времени не проводились. Сделанные переводы, несомненно, не только сохраняют языки народов Севера, но и обогащают словарный запас, способствуют развитию новых значений.

Литература

1. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. Лингвистические проблемы. Издание 2-е, переработанное. – Изд-во литературы на иностранных языках. М., 1953
2. [http // smi adm-nao. ru/kmns/normative](http://smi.adm-nao.ru/kmns/normative) по – правовые – акты – на – ненецком – языке
3. Устав (основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28 декабря 1998 г. № 56 – ЗАО (на ненецком языке) под общей ред. Пушкаревой Е. Т., ред. совет Харючи С. Н. и др. – Салехард: Красный Север, 2008
4. Устав (основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28 декабря 1998 г. № 56 - ЗАО (на селькупском языке) под общей ред. Пушкаревой Е. Т., пер.: Боякина О. И., Иванова Р. В. – Салехард: Красный Север, 2008
5. Федеральные законы и акты Ямало-Ненецкого автономного округа на ненецком языке под общей ред. Пушкаревой Е. Т. – Салехард: Красный Север, 2008
6. Федеральные законы и акты Ямало-Ненецкого автономного округа на селькупском языке под общей ред. Пушкаревой Е. Т. – Салехард: Красный Север, 2008
7. Федеральные законы и акты Ямало-Ненецкого автономного округа на языке ханты ред.: Прокина Т. Я., Лонгортова Б. Е. (консультант Комитета Законодательного Собрания) – Салехард: Красный Север, 2008
8. Всеобщая Декларация прав человека Universal Declaration of Human Rights. Декларация Организации Объединенных наций о правах коренных народов United Nations Declaration on the Rights of the Indigenous Peoples языках коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области – Южно-Сахалинск, 2014
9. Декларация Умунувчэл тэгэл Организацияһытын мэннидүвэр дүннэндүвэр бидерыл тэгэл праволдүлэһын Декларация Организации Объединенных наций о правах коренных народов (на эвенкийском и русском языках) Перевод Булатовой Н. Я. – Южно-Сахалинск, 2014
10. Булатова Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Отв. редактор Суник О. П. – Ленинград: Наука, 1987
11. Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь. Эвэды-лүчады-түрэрүк – Новосибирск: Наука, 2004

Сведения об авторе

Булатова Надежда Яковлевна, 1946 года рождения, родилась в семье оленевода-охотника в Амурской области, в 1972 году окончила Ленинградский государственный институт им. А. И. Герцена по специальности «Русский язык и литература, языки и литература народов Севера», в 1982 году защитила диссертацию на тему «Говоры эвенков Амурской области» на соискание ученой степени кандидата филологических наук, имеет ученое звание доцента (1991 г.). После окончания аспирантуры в 1975 году была зачислена в штат ЛО Института языкознания АН СССР (сейчас переименован в Институт лингвистических исследований РАН), где работает по настоящее время в должности ведущего научного сотрудника. В круг ее научных интересов входит изучение эвенкийского языка и его региональных вариантов, в

том числе языка эвенков и ороочонов КНР, занимается вопросами фольклора и шаманизма эвенков, этнической идентификации, интересуется вопросами социолингвистики. Является первым переводчиком частей Библии и общественно-политических текстов. Автор более 140 научных публикаций. С 1972 года по совместительству работает в Институте народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена преподавателем эвенкийского языка и фольклора. Принимает активное участие в деятельности «Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», была вице-президентом Ассоциации по вопросам образования. Много лет возглавляла Санкт-Петербургское Отделение АКМНССиДВ РФ. Электронный адрес: bulatovany@gmail.com

Учредитель: ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»
Издатель: ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

Адрес учредителя и издателя:
Россия, Ямало-Ненецкий АО, г. Салехард, ул. Республики, 20, оф. 203,
тел.: 8 (34922) 4-41-32, e-mail: vvr2014@bk.ru

Подписной индекс «Почты России» П6404
Распространяется в печатном виде.
Все статьи журнала находятся в открытом доступе (Open Access)

Подписано в печать 11.03.2020 г. Усл. печ. л. 7,44
Заказ № 8. Тираж 150 экз. Печать офсетная. Формат 60x84/8
Цена свободная

Отпечатано в типографии ООО «Алекс Принт»
349007, Воронеж, Ленинский проспект, 94, корпус 5 кв. 52, тел.: 8 (473) 290-45-17